

Алина Расопова

СЧИТЫВАНИЕ

16+

Алина Расопова

СЧИТЫВАНИЕ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66685206
SelfPub; 2021*

Аннотация

Наше время, прекрасная молодая пара – Он и Она, безоблачные отношения, перерастающие в желанный семейный союз. Теперь у нашего героя есть всё, что нужно для счастья – стабильная работа, уютный дом, новенький автомобиль, друзья и, самое главное, любящая жена, его восхитительная Лолия, проницательная, угадывающая все его желания. Но всё меняется, когда молодой супруг узнаёт, кто на самом деле живет рядом с ним. Его Лолия не просто человек, способный понять, она умеет читать мысли, и это не мистика, а результат научно-технического процесса, и таких как она, много. Запредельные технологии доступа к памяти мозга давно незримо вторглись в быт и жизнь простых горожан, сделав самое сокровенное – мысли каждого человека – доступными для считывания, но отчего-то никто об этом даже не догадывается...

Содержание

Глава 1. Знакомство	5
Глава 2. Признание	14
Глава 3. Проверка	79
Глава 4. Открытия	135
Глава 5. Подозрение	159
Глава 6. Смятение	198
Глава 7. Финал	237

Алина Расопова

Считывание

Всем, жаждущим понимания, посвящается...

Глава 1. Знакомство

Была весна. Та прекрасная пора, когда на деревьях начинает появляться первая зелень, а яркие лучи солнца стирают с улиц последние остатки зимней слякоти.

Я шёл по залитому солнцем городу, вдыхая пьянящий весенний воздух, наполненный какими-то особенными, неповторимыми ароматами, еле уловимо возвещающими о начале самой прекрасной в году поры. Казалось, каждый глоток этого волшебного эфира наполнял моё тело силами, а разум – надеждами.

После холодной зимы и первого прохладного весеннего месяца наконец-то наступил апрель. Природа окончательно пробудилась от зимней спячки и я, как и всё живое вокруг, ясно ощущал на себе волнующий приход весны. Внутри меня всё ликовало.

Эта далеко не первая в моей жизни весна казалась особенной, она несла перемены, и сейчас во всём вокруг мне виделись лишь хорошие знаки. И сам этот первый невероятно погожий день, и то, с какой небывалой лёгкостью удалось мне проделать свой путь от дома до центра города по оживлённым улицам с их неизменно-бурным движением, лишней раз убеждали меня в правильности принятого мною решения. Казалось, что каждый день моей жизни будет теперь также безоблачно прекрасен, как то высокое голубое небо, кото-

рое дивным куполом накрыло сегодня этот цветущий и благоухающий мир.

Редкие городские деревья из-за пробивающейся на них листвы, казалось, стояли окутанными тончайшей зеленоватой дымкой, а гул улиц не мог заглушить радостного щебетания птиц. Мне чудилось, что даже солнце сегодня нарочно ближе подобралось к земле и теперь слепит мои отвыкшие за зиму от яркого света глаза, чтобы посмотреть, как я, забавно щурясь, буду брести, почти наугад, среди окружающего меня весеннего великолепия.

Утопая в льющемся на меня потоке тепла и света, я ступил на городскую площадь, где сегодня было необычайно многолюдно. Я огляделся вокруг. Вон пожилая чета, прогуливаясь, кормит слетевшихся с окрестных крыш голубей, а на другом конце площади несколько весёлых музыкантов собрали вокруг себя оживлённую толпу зрителей.

Все окружающие площадь многочисленные скамейки, были заняты. Здесь расположились и беспокойные мамы с детьми, и шумные компании студентов, и влюблённые парочки. Тёплая погода выманила их из надоевших за зиму жилищ и направила сюда, в излюбленное место всех горожан.

Беспокойная жизнь большого города, похоже, замирала на этой территории и приобретала тут какой-то особенный неторопливый, размеренный ритм. Шумные городские улицы с их вечной суетой и нескончаемым потоком машин оставались за пределами этого пространства. Здесь, в самом цен-

тре мегаполиса, ото всюду веяло необычайным спокойствием и какой-то величественной стариной. Под известным памятником, стоящим в центре площади, каждый день из года в год назначали свидания влюблённые, а огромные часы на угловом здании вот уже несколько столетий с неизменной точностью отмеряли за часом час.

Ступив на старинную брусчатку, я невольно замедлил шаг... Вдохнув полной грудью, я с новой силой ощутил всю прелесть этого дня. За площадью множество кафе зазывало посетителей своими пёстрыми вывесками, но я направился именно в то, где три месяца назад встретил ЕЁ...

С невольным трепетом я открыл знакомую дверь, в очередной раз уловив разливающиеся надо мной мелодичные звуки прикреплённого к потолку колокольчика. Так же как тогда, сейчас в кафе тихо играла неторопливая музыка, а воздух был наполнен густым кофейным ароматом. Из-за хорошей погоды большинство посетителей стремилось в этот день расположиться на свежем воздухе, вероятно, поэтому в самом кафе было немногочленно.

Сев за столик, я вспомнил тот холодный январский вечер, когда впервые зашёл сюда. Это сейчас за окном на залитой солнцем площади резвятся мальчишки, и тётушки продают первые букетики весенних цветов, а тогда была вьюга, и ледяной ветер пронизывал тело. Тысячи мелких колючих снежинок, вылетающих на меня из темноты, щипали лицо, не позволяя поднять голову и посмотреть на дорогу впереди.

Тогда я был рад любому месту, где можно было бы погреться по дороге домой. Не знаю, но почему-то в тот вечер я открыл дверь именно этого незнакомого мне кафе. Здесь было светло и уютно. Я медленно пил горячий кофе, каждый глоток которого разливался по моему телу живительным теплом. Время текло неторопливо, я стал согреваться, уходить не хотелось...

В сущности, тем вечером мне некуда было спешить. Дома меня никто не ждал. Все мои одинокие унылые вечера были одинаково похожи один на другой – сначала холостяцкий ужин из бутербродов и чая, а потом, на несколько предшествующих сну часов, моими друзьями становились компьютер и телевизор. Подумав об этом, мне сейчас даже стало жаль того прежнего себя. Единственное развлечение – встреча по выходным с шумной компанией друзей – не приносило удовлетворения и желаемой радости, а после этого на утро болела голова, и возникало нестерпимое желание обрести в жизни что-то стоящее, значимое. От этих мыслей хорошо отвлекала работа. Вот и в тот вечер, я вспомнил, как сидя здесь, стал думать над решением очередных рабочих проблем, которые теперь уже мне казались смешными. Это сейчас всё уже в прошлом, а тогда мне надо было срочно заключать договор с новым поставщиком, иначе один из моих крупных клиентов, мог уйти к Генриху. Тот уже давно за моей спиной, пытался переманить моих покупателей, обещая им огромные скидки.

Помню, что в тот вечер за чашкой кофе я начал обдумывать, как первым подготовиться к крупной сделке. В голове вертелось много мыслей, которые постепенно выстроились в чёткий план. Немного расслабившись, я продолжал потягивать свой латте, наслаждаясь гостеприимством этого нового для меня места.

Я подошёл к барной стойке ещё за одной чашкой кофе, когда вошла ОНА. Мелодичный звон колокольчика, ураган вылетевших из темноты снежинок, и на пороге возник изящный силуэт озябшей незнакомки. Поёжившись от холода и потирая замёрзшие руки, она направилась к стойке кафе. Легким движением руки сбросила с головы капюшон, и длинные волосы волнами раскинулись по её плечам. Она была совсем близко, и мне показалось, что я даже ощутил тот особенный морозный аромат, который окружал её холодным облаком. Видимо, почувствовав на себе мой взгляд, она обернулась и посмотрела на меня. Никогда я ещё не видел таких красивых бездонных глаз, никогда ещё я не встречал такого ровного, спокойного, открытого взгляда. ОНА была изумительна! Мы встретились взглядами секунды на две, не больше, но именно тогда я понял, что все девушки, которых я знал раньше, в один миг померкли и были мною тут же забыты. Я понял, что не встречу никого, более прекрасного, чем это спокойное нежное синеглазое создание. Это была судьба!

Её звали Лолия. В этот вечер мы ещё долго сидели в кафе,

беседуя о всяких пустяках, как это обычно бывает в первый день знакомства. Оказалось, что она пишет статьи для одного местного популярного издания, а в наш город переехала пару лет назад. Также, как и я, сейчас она шла с работы домой. Ей было двадцать шесть. У неё никого не было, у меня тоже. За окном была метель, а рядом с ней мне было хорошо и спокойно...

Теперь прошло уже три месяца, я снова в нашем любимом кафе и снова жду ЕЁ. Всего три месяца, а кажется, что прошла уже целая вечность! Три месяца встреч, звонков, ожиданий, переписки, прогулок, бесед... За это время ОНА стала самым дорогим и близким мне человеком. В этом суетном мире, в круговороте лиц и событий мне удалось найти женщину, которая была способна понять меня!

Я вспомнил, как на следующий день после нашего знакомства, сразу же с утра собрался звонить ЕЙ. Я хотел слышать её голос, хотел убедиться, что наша вчерашняя встреча не была игрой моего воображения. Забыв о раннем часе, я набрал номер Лолии. До сих пор помню её нежный голос в трубке и фразу: "Я ждала твоего звонка", которую я услышал в то утро.

Мы стали встречаться почти каждый день. Иногда мы подолгу сидели в этом кафе, разговаривая обо всём на свете. К своим двадцати семи годам я уже успел разочароваться в женщинах, но Лолия отличалась от всех. Она понимала меня! Я не боялся делиться с ней всем самым сокровенным, и

она отвечала мне тем же. Ни разу и ничем она не нарушила моё доверие. С Лолией мне всегда было интересно. Она много рассказывала о своей работе, о детстве, которое провела с родителями в небольшом городке, о студенческих годах, о других странах, в которых ей удалось побывать. Ни с одной женщиной никогда мне не было так легко и спокойно. Я начинал чувствовать себя по-настоящему счастливым. С ней мне не нужно было притворяться, не нужно было говорить пустых фраз, с ней я мог быть самим собой, и она принимала меня таким, какой я есть. Лолия была красивой, умной, нежной и любящей. Она была идеальна!

Когда началась весна, и на улицах потеплело, мы стали больше гулять. Даже если под ногами хлюпала весенняя жижица, а небо затягивали серые тучи, погода казалась мне замечательной, а город – необыкновенно красивым, и всё потому, что рядом со мной была моя Лолия.

Хорошо помню, как однажды вечером после нашей очередной прогулки, она предложила мне зайти к ней. Я давно хотел посмотреть, как живёт моя Лолия, но, не желая своими неосторожными поступками и просьбами нарушать те трепетные отношения, которые складывались между нами, покорно ждал, когда она сама пригласит меня. Как только мы вошли в подъезд её дома, я почувствовал, что этот вечер будет особенным. Небольшая аккуратная квартирка в центре города была настоящим мирком моей Лолии. Её дом встретил меня тем особым сладковато-приятным запахом, кото-

рый бывает только в ухоженных и любимых своими хозяевами жилищах. Пока она готовила чай на кухне, я пытался рассмотреть каждую окружающую меня вещь, каждую мелочь, каждую деталь, чтобы ещё лучше узнать свою Лолию. Много мне было знакомо по нашим многочисленным беседам. Книжки, журналы, милые вещицы... Здесь всё было подобрано с особым вкусом и любовью. Затаив дыхание, я прикасался к тем предметам, которые моя Лолия видела каждый день. Но скоро я стал замечать, что в моей голове всё настойчивее крутится только один вопрос «Разрешит ли она остаться мне с ней или нет?». И вот когда я с растерянным видом перелистывал страницы какой-то взятой с полки книги, ОНА просто подошла ко мне, посмотрела на меня мягким сияющим взглядом и обвила своими руками. Я прижал её к себе и понял, что сегодня нам не нужны будут слова. Воспоминания о том, что произошло дальше, до сих пор будоражат моё сознание, возбуждающими волнами прокатываясь по всему телу. Никогда раньше я не получал такого удовольствия от близости с женщиной. После той ночи я понял, что для меня существует теперь только одна женщина – ОНА...

Мне вспомнилось, как в середине весны я заболел, подхватил ангину, и Лолия тут же примчалась ко мне. Она готовила мне еду, покупала лекарства, но главное – она просто всё время была рядом. Лолия прожила у меня три дня, пока я не вылез из больницы, а мне после этого захотелось вот так же просыпаться каждое утро и видеть её в своей постели. С ней я

понял, что значит быть по-настоящему любимым...

Бой огромных старинных часов на площади, сообщивший о начале нового часа, невольно отвлек меня от воспоминаний. Сейчас в кармане моего пиджака покоилась коробочка с заветным кольцом. Оно предназначалось ЕЙ! Да, здесь, в нашем любимом кафе, я жду Лолию, чтобы сделать ей предложение. Не думаю, что это будет для неё сюрпризом. Я люблю ЕЁ! ОНА появилась в моей жизни, заполнив собой ту пустоту, которая не давала мне покоя. Я уверен, что никогда больше не встречу человека, который бы так понимал и чувствовал меня. Ещё никогда я не был так счастлив!

Раздался мелодичный звон колокольчика над дверью, свежий ветерок ворвался с улицы.

– Лолия, я здесь!

Она увидела меня, её лицо осветила счастливая улыбка, она поспешила к моему столику.

Глава 2. Признание

Прошло чуть больше года с того момента, как я под звуки свадебной мелодии надел на палец Лолии обручальное кольцо. После того моя жизнь здорово изменилась. Несомненно, я был счастлив! И дело тут не только в том, что я получил повышение по службе, купил машину и переехал с Лолией в новую большую квартиру, расположенную в престижном районе города, главное, что каждый вечер дома меня ждала ОНА – любимая женщина, готовая выслушать, понять и разделить со мной все радости и трудности дня!

Я ещё раз подумал, как же мне повезло с женой. С каждым днём я нуждался в ней всё больше и больше, в её любви, в её советах. Мы были одной из тех редких пар, которые обходились без ссор, скандалов, взаимных упрёков и криков. Как две соседние фигурки одного огромного пазла мы безупречно подошли друг другу. Всё чаще я замечал, что для общения нам уже не нужно было слов. Наши семейные ужины стали воплощением нашей идиллии, а для меня превратились просто в жизненную необходимость.

Сейчас я сидел в своём офисе. Рабочий день подходил к концу, а вместе с ним и вся рабочая неделя. Из-за своей стеклянной перегородки я видел, как остальные мои сослуживцы, всё больше оживляясь и завершая последние дела, начинают собираться домой. За последний год я неплохо продвигался

нулся по службе, став руководителем отдела, в котором работало около тридцати человек. Многие из них были мне не только подчинёнными, но и добрыми приятелями. Сейчас я наблюдал, как каждый из них с явным нетерпением уже готовится к приближающимся выходным. Вот Мартин разговаривает по телефону. По его слащаво-довольному выражению лица я сразу догадался, что говорит он со своей подружкой и явно о предстоящем совместном вечере. Этот высокий молодой человек в синем пиджаке и голубой рубашке, ворот которой стягивал строгий галстук, стоял, опираясь на стол и небрежно перекинув одну ногу на другую. По его расслабленной позе я понял, что мыслями он уже весь погружен в предстоящие выходные.

А вон там сидит Тереза, которая давно сложила свои вещи и теперь поглядывает то на часы, то на мою стеклянную перегородку. Эта миленькая молодая женщина наверняка сразу же сорвётся с места, как только минутная стрелка часов сравняется с отметкой «двенадцать», чтобы побежать домой к своему пятилетнему сыну. Она часто рассказывала мне о нём, весь её стол был украшен его фотографиями.

Оживлённые возгласы, проникшие даже в мой кабинет, заставили меня посмотреть в другой конец зала, куда вихрем ворвались Ян и Филипп. Они наверняка достали билеты на футбольный матч, о котором твердили всю неделю. Сейчас эти заядлые болельщики что-то с оживлением рассказывали вставшему им навстречу из-за стола Леону. Леон был добро-

душным толстяком, который, кажется, не относился к числу футбольных фанатов. Он редко ходил на матчи, однако сейчас пытался изобразить на своём лице интерес.

Поддавшись общему нерабочему настроению, я тоже начал мечтать о предстоящих выходных. Субботним вечером мы с Лолией собирались в театр. Я до сих пор удивляюсь, как я, человек далёкий от искусства, благодаря своей жене приобщился к театру и стал ходить даже на художественные выставки. Раньше максимум, что я мог себе позволить из подобных развлечений, так это сходить в кино, а чаще всего все свои вечера я проводил перед телевизором. Теперь же моя жизнь благодаря Лоллии наполнилась новыми яркими событиями и впечатлениями. Кино ей не нравилось, оно почему-то совершенно не привлекало мою жену, а пребывание в кинотеатре наводило на неё какую-то непонятную мне панику. Также Лоллия избегала просмотра телевизионных программ, телефильмов и сериалов. Единственное, что она смотрела по телевизору, хотя и без видимого интереса, так это спортивные трансляции, мультфильмы и передачи о животных. Однако Лоллия обожала театр и заразила своей увлечённостью меня. Лоллия обычно сама выбирала для нас спектакли, брала билеты, а мне оставалось только дожидаться дня, когда мы выберемся из дома. Иногда мы ходили на выставки. Я заметил, что пока я разглядываю картины, Лоллия с не меньшим интересом рассматривала посетителей. Похоже, её больше волновали не сами работы художни-

ков, а то, какое впечатление производят они на окружающих. Часто она останавливалась возле какого-нибудь исписанного красками холста и начинала сбоку наблюдать за стоящими неподалёку людьми. Погруженная в какие-то свои думы, она была особенно красива в такие моменты. А потом, спокойными тихими вечерами, мы ещё долго гуляли по городу, обсуждая увиденное...

В общем, рабочая неделя заканчивалась, и каждый из нас уже прибывал в мечтах о предстоящем отдыхе. Не спеша, я тоже стал собираться. За окном темнело, и начинал накрапывать мелкий осенний дождь. Мне очень захотелось поскорее оказаться дома.

Лолия должна была вернуться сегодня пораньше, а это означало, что к моему приходу уже будет готов вкусный ужин, аромат которого я, как всегда, почувствую, ещё на лестнице, задолго до того, как подойду к двери нашей квартиры. Когда мы поженились, Лолия совершенно не умела готовить. Я не хотел превращать свою возлюбленную в домохозяйку, но конечно, как и любой мужчина, мечтал о тихих семейных ужинах и о вкусной домашней еде. Лолия как будто почувствовала это и твёрдо решила научиться готовить. Так забавно было наблюдать, как она, со всей серьёзностью, засела за поваренные книги, а все выходные проводила на кухне. Несколько месяцев кулинарных экспериментов, и я понял, что моя жена завоевала не только моё сердце, но и подчинила себе мой желудок. Неведомыми мне способами

Лолия даже научилась готовить мои любимые тефтели, точно такие же, какие готовила мне в детстве мама. Помню, будучи ребёнком, я частенько околачивался на кухне рядом с матерью, наблюдая, как она стряпает. А позже, уже учась в университете, я любил на каникулах возвращаться домой, где мама всегда готовила для меня своё коронное блюдо. При мысли о тефтелях в моём животе сладко зануло, и ещё больше захотелось оказаться сейчас дома. Лишь бы только Лолия сегодня хорошо себя чувствовала...

О её сильных головных болях я узнал сразу же после свадьбы. Видимо и до нашей женитьбы они мучили Лолию, но, не живя постоянно рядом с ней, я этого просто не замечал. Теперь же я видел, как моя Лолия страдает от них почти каждый день. Это меня не радовало. Незримыми волнами боль накатывалась на Лолию. В такие моменты, потирая виски, она пыталась убедить меня, что её недомогание не что иное, как обыкновенная мигрень. Мне хотелось ей верить. Как правило, боли не мешали Лолии жить по привычному для неё распорядку, однако бывали дни, когда моя жена не могла из-за сковывающих её голову спазмов встать с постели. Это начинало беспокоить меня. Я попытался найти Лолии хорошего врача, но к моему удивлению Лолия сказала, что уже ходит на приёмы к специалисту. Не реже одного раза в месяц она действительно посещала клинику, куда я частенько стал подвозить её. Лолия позволяла мне сопровождать её не дальше входной двери. Думаю, она просто не хо-

тела волновать меня... Всё чаще я замечал в её сумке лекарства с неизвестными мне названиями. Насколько они были действенны и безопасны, мне оставалось только гадать. Лолия не любила обсуждать тему собственного здоровья. Надо будет всё-таки как-то познакомиться с её лечащим врачом, подумалось мне...

Отогнав от себя неприятные мысли, я набрал на телефоне домашний номер. Мне никто не ответил. Такой же результат дал звонок на мобильный Лолии. Мой вызов остался неприятным, и мне пришлось долго слушать длинные гудки в телефонной трубке. Ладно, решил я, может быть, Лолия занята домашними делами и не слышит звуков телефона, а может, ей всё-таки пришлось задержаться в редакции.

Лолия – увлечённый и талантливый человек. Люблю, когда она рассказывает о своей работе.

По образованию Лолия была психологом, но после окончания университета увлеклась журналистикой. Это увлечение быстро переросло в её профессию. Теперь Лолия вела рубрику «Необычное рядом» в крупном городском журнале. Каким-то чудом, ей удавалось находить в нашем огромном городе вроде бы ничем неприметных людей, у каждого из которых находилась своя тайна, своё необычное увлечение или неординарные способности. Без моей Лолии, они жили заметные разве что только своим родным и близким, а она рассказывала о них всему городу. Каждую неделю в её рубрике выходила новая статья об очередном «обычном-необычном»

человеке. Она сама отыскивала их на улицах, в кафе, в метро, в парках и чем больше я читал её работ, тем больше понимал, что каждый из нас по-своему уникален. В каждом из нас можно найти те маленькие странности, которые делают нас индивидуальностью и отличают от прочих. Я вспомнил её последнюю статью о маленькой девочке, которая читала наоборот. Ей было всего шесть лет. Её родителям не было до неё дела, и чтобы как-то занять ребёнка, кто-то из них дал ей книжки. Обычные детские книжки с картинками и простенькими рассказами. Девочке сказали, что, складывая буквы, она сможет узнать разные написанные там интересные истории. Только вот никто не объяснил, с какой стороны нужно читать. Лолия заметила девочку в парке, когда та сидела на скамейке, двигая пальцем по книжке справа налево. Оказывается, та всегда читала слова наоборот, а потом тут же в уме переворачивала их, запоминая и складывая в правильные предложения. «Глаз». Я окрестил для себя эту девочку Глазом. Подобно ему, передающему в мозг изображение перевёрнутым, она только после прочтения приводила в своей голове слова и фразы к их верному, истинному виду. Кажется, это было забавно. И никто вокруг не замечал этого, все думали, что девочка читает, так же, как и прочие дети. У Лолии был талант распознавать таких странных людей.

Ещё почему-то мне запомнилась статья о человеке, который собирал пивные пробки... Оставлять в своей квартире мусор после очередной попойки мог бы каждый любитель

выпивки, но этот был особенный. Каждую пробку от выпитой бутылки он аккуратненько подписывал, ставил на ней дату и клал в специально отведённую для каждого дня коробочку. Ему было уже под пятьдесят и его пристрастие к пиву, которое он пил перед телевизором почти каждый день, вылилась в коллекцию более чем из восемнадцати тысяч пробок. Когда Лолия оказалась в его захолустном жилище, то её взору предстал своеобразный календарь жизни человека, увековеченный весьма оригинальным способом. Каждый день, по сути ничем не отличающийся от предыдущего и последующего, хранился в одной из десяти тысяч коробочек с датами. Та статья Лолии заинтересовала многих. Старик тут же стал знаменитостью и с гордостью раздавал интервью, вспоминая о прожитых годах и не выпуская из рук очередную бутылку. Хотя бы на закате своей жизни он почувствовал себя счастливым, а его алкогольное пристрастие принесло своеобразные плоды. Социологи психологи, маркетологи сразу же набросились на такой необычный экземпляр. Быть может, кто-нибудь из них даже напишет какой-нибудь по этому случаю научный труд, а Лолия найдёт ещё кого-нибудь и потом ещё... Неведомыми никому способами, Лолия побуждала людей раскрываться и рассказывать каждого свою историю. Видимо, она была тем человеком, который, как никто другой, был способен вызывать доверие.

В последнее время её статьи пользовались всё большей популярностью. Ей предложили даже работу в солидном сто-

личном издании, но она отказалась. Я думаю, что Лолия сделала это ради меня. Моя карьера только недавно пошла в гору, и я ещё не был готов к переезду в другой город. Когда мы только начали встречаться с Лолией, я был обычным менеджером, который мог похвастаться разве что участием в нескольких небольших проектах. Теперь же я руководил одним из ведущих отделов нашей фирмы. Лолия определённо принесла мне удачу. Постоянно чувствуя её поддержку, я за последний год смог много добиться.

Настольные часы показывали семь часов вечера, на улице стемнело, а дождь за окном стал ещё сильнее. Мне захотелось побыстрее оказаться дома. Мягкий свет, тёплая ванна, вкусный ужин и любимая женщина рядом... Резкий сигнал телефонного звонка отвлёк меня от приятных мыслей. Номер был мне неизвестен.

Как только я услышал первые слова в трубке, сказанные мне незнакомым женским голосом, я понял, что ужина не будет. Волнение накатилось внезапной обжигающей волной, а в висках застучало. С трудом, но всё-таки я разобрал то, о чём говорил мне чужой равнодушный голос... С Лолией произошёл какой-то несчастный случай... Прямо на улице... Она без сознания поступила в больницу. Несмотря на то, что в начале разговора женщина представилась, я только сейчас понял, что со мной разговаривает одна из медсестёр. Поборов оцепенение, я, ещё ничего не соображая, принялся одеревеневшими вмиг пальцами записывать координаты боль-

ницы.

Уже через несколько минут я мчался на своей машине по указанному адресу. Дождь яростно хлестал по стёклам автомобиля, а навалившаяся темнота улиц пугала. Меня трясло то ли от волнения, то ли от холода, царящего в ещё непрогретом салоне моего автомобиля. Тёмный город, огни которого скрывала от меня густая стена дождя, казался сейчас незнакомым. Из своего привычного, уютного мирка я оказался выброшенным на эти холодные неприветливые улицы. Теперь вместо тёплого семейного ужина я летел в неизвестность. Разлетающиеся из-под колёс брызги громкими фонтанами осыпались на мостовую, а где-то позади меня раздавался скрежет тормозов проезжающих мимо меня машин. Не обращая внимания на знаки и сигналы светофора, я как в бреду нёсся к НЕЙ... Только оказавшись у дверей больницы, я смог немного прийти в себя.

Войдя в освещённый неестественно белым светом коридор, я сразу же почувствовал тот специфический больничный запах, который ненавидел с детства. Женщина за стойкой показалась мне совершенно безучастной. В ответ на все мои расспросы она только неторопливо полистала свой регистрационный журнал и предложила мне присесть, пока со всеми разъяснениями не подойдёт доктор. В палату к Лолии она меня пока не пустила.

Теперь я сидел на стуле, тупо рассматривая то ли свои ботинки, то ли ровные линии плиток на больничном полу. Да-

же если бы я смог сейчас в голове собрать все мои скудные познания в медицине, их вряд ли бы хватило на то, чтобы понять любую из фраз, которую мне предстояло услышать. Неизвестность пугала, и я никак не мог собраться с мыслями. Мысли не только не собирались, они наоборот расплзались из головы, как тараканы, оставляя меня просто беспомощно сидящим в углу на стуле, смотрящим в пол и ожидающим врача.

Доктор появился минут через десять. Это был высокий мужчина лет сорока в белом халате. Несмотря на свою уверенную поступь, которой он направился ко мне, выглядел он уставшим и немного растерянным. Представившись, он сразу же начал разговор. Имя врача тут же улетучилось у меня из головы, а вот вопросы стали постепенно возвращать к реальности.

– С вашей женой бывали когда-нибудь обмороки, потеря сознания? – начал проникать в моё сознание его голос.

– Нет... Во всяком случае, я таких случаев не помню, – ответил я и удивился тому, насколько чужим показался мне свой собственный голос.

– Вы давно знакомы с вашей женой?

– Полтора года, – машинально ответил я.

И тут я стал осознавать, что даже толком не знаю, что случилось с Лолией.

– Что с ней? – встревожено, спросил я.

– Утром она потеряла сознание на улице. Её доставили

в больницу несколько часов назад, сейчас состояние её стабилизировалось, она отдыхает, и после нашего разговора вы сможете забрать её домой.

Я почувствовал, как моё напряжение волной откатилось назад, а на смену ему пришло некое подобие спокойствия. Ко мне стала возвращаться способность мыслить, и последняя фраза врача «вы сможете забрать её домой» всё отчётливей крутилась в голове, успокаивая и даря надежду.

– Но есть несколько очень тревожных моментов, – продолжал врач. – Скажите, ваша жена жаловалась на что-нибудь в последнее время? У неё были какие-нибудь проблемы со здоровьем.

– Да, частые головные боли, – теперь мой голос звучал уже ровно и спокойно.

– Она обращалась с этим к врачам?

– Насколько я знаю, она нашла специалиста, но мне кажется, лечение ей не помогло. Вы думаете это серьёзно?

Врач, похоже, уже не слышал моего вопроса. Он стал невероятно задумчивым и, казалось, ушёл в какие-то свои мысли. В воздухе повисла гнетущая тишина, из-за которой у меня снова застучало в висках. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем наш разговор снова продолжился.

– Мы попытались сделать томографию головного мозга, – тут по его лицу пробежала ещё большая растерянность. – Это вполне стандартное исследование, которое производить-

ся у подобных пациентов. Так вот томография вашей жены не то, чтобы не дала результатов, мы вообще не смогли её провести. Такое впервые, прибор не показывает ничего. Он не может просветить голову вашей жены. Мы пытались провести этот анализ дважды, и дважды – никаких результатов, хотя с другими пациентами он работает исправно.

– Что это значит?

– Это значит, что рентгеновские лучи не просвечивают голову вашей жены, – с некоторым раздражением произнёс доктор. – Возможно, наш прибор неисправен, хотя подобных случаев у нас не бывало. Да их и не может быть, это вообще нонсенс, – воскликнул врач.

Доктор опять задумался, но потом посмотрел на меня и, вероятно, увидев мои ничего непонимающие глаза, попытался объяснить поподробнее.

– Понимаете, при томографии происходит сканирование головы пучком рентгеновского излучения. Грубо говоря, лучи проходят через тело пациента под разными углами, а уже затем компьютер выстраивает по этим срезам картину органов.

Я наблюдал за жестикуляцией врача, силясь разобраться в том, что он говорил. А доктор продолжал:

– Рентгеновский луч, пройдя через среду поглощения, ослабляется пропорционально плотности тканей. Разные ткани, кости, кровеносные сосуды, мозг и прочие имеют разную плотность, именно эту разницу и улавливает томограф,

строю нам на выходе полноценную картину того, что находится внутри.

Врач остановился, и, глядя куда-то сквозь меня, стал задумчиво поглаживать свой подбородок.

– У вашей жены мы получаем однородную картинку, такое ощущение, что её голова заполнена абсолютно однородным веществом, причём вещество это по плотности можно приравнять к металлу.

С трудом усваивая то, что мне сейчас говорил этот человек в белом халате, я не сводил с него глаз.

– Сами понимаете, что такого быть не может. Сначала мы решили, что прибор просто вышел из строя, но с последующими двумя пациентами томограф работал исправно. Повторная же попытка сделать томографию у вашей жены, опять успехом не увенчалась. В моей практике такое впервые, – задумчиво произнёс он, опять погружаясь в какие-то свои мысли.

Я увидел, как рука доктора потянулась в карман, откуда он достал коробку сигарет.

– Давайте выйдем на улицу, нам полезно будет немного проветриться, – предложил врач.

Мы вышли на крыльцо больницы. Дождь уже закончился. Прохладный воздух был наполнен вечерней свежестью, а многочисленные огни фонарей отражались в блестящих лужах. Доктор закурил.

– Я бы предложил вам побыстрее забрать вашу жену и по-

ложить её на обследование в другую больницу. Наши приборы бессильны. Мы не можем провести полное обследование. Будем разбираться ещё с этим, но вам нужно позаботиться о вашей жене. Я не могу ставить диагноз, не имея данных, но смею вас заверить, что симптомы серьёзные.

Дальше доктор начал рассказывать мне что-то о том, что в другой больнице есть томограф с несколько иным принципом работы, что с его помощью, вполне возможно, можно будет получить достоверные результаты, что, если мы поторопимся, он поможет... Но я уже не слушал врача. В моей голове вертелась только одна мысль – мысль о том, что с моей Лолией может что-нибудь случиться. Она нужна была мне.

– Надежда вылечиться есть? – встревожено прервал я врача.

Доктор остановил свои объяснения и посмотрел на меня.

– Надежда есть всегда, – как-то грустно произнёс он. – Но первое, что нужно сделать, так это серьёзно обследоваться. Сейчас вам лучше пойти к ней, вы можете забрать её домой.

Доктор не пошёл со мной и, продолжая задумчиво смотреть в темноту, остался курить на крыльце. Я же поспешил вернуться в здание больницы, в глубине которого где-то за одной из дверей меня ждала моя Лолия...

Был вечер, а я вместо того, чтобы наслаждаться теплом и уютom своего дома, пробирался по лабиринту больничных коридоров к нужной палате. Страх и волнение уже прошли,

но мысли мои путались. Окружающая обстановка и события нескольких последних часов совершенно не были похожи на то, к чему я привык. Единственное, чего я сейчас хотел, так это увидеть свою Лолию...

То, что сказал доктор, я ещё не осознавал, слишком уж был я далёк от медицины. Рентгеновские лучи, поломанный Лолией томограф, металл в голове... При других обстоятельствах я бы посчитал этого врача сумасшедшим, но сейчас я просто не в состоянии был спокойно над всем поразмыслить. Я решил, что лучше не говорить пока этого всего Лолии, надо просто без промедления забирать её отсюда.

Наконец-то я открыл дверь палаты. Ровный взгляд знакомых синих глаз в приглушенном свете лампы тут же заставил улетучиться все мои тревожные мысли. Я успокоился...

Лолия выглядела очень уставшей и бледной. Она как-то неестественно полулежала на кровати. Даже сейчас, в невзрачной больничной одежде, она показалась мне невероятно красивой. Её волосы струились по подушке, а лицо, при виде меня, осветила едва уловимая радость...

Лолия улыбалась... Улыбалась той нежной, доброй улыбкой, которая так хорошо была мне знакома, и которую я так часто видел на её лице, когда был с ней рядом. Через секунду я уже сидел на краю кровати и обнимал ЕЁ.

– Всё будет хорошо, всё будет хорошо..., – повторял я, прижимая к себе этого самого дорогого для меня человека, и нежно глядя её по голове.

– Я хочу домой, – тихо произнесла Лолия.

Только сейчас я стал понимать, что ей сегодня пришлось пережить.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил я, глядя на неё.

Она не стала мне отвечать, и только по её быстрым утвердительным кивкам головы я понял, что всё в порядке.

– Врач сказал, что тебе нужно обследоваться. Что это всё может быть серьёзно..., – начал я.

– Ничего не нужно, потом..., – прервала она меня своим нежным уставшим голосом.

Мы быстро собрались, и я, подхватив на руки свою Лолию, пошёл с ней по больничным коридорам обратно к выходу. Она обвила меня своими руками и казалась мне в этот момент почти невесомой. Я был счастлив оттого, что она уже рядом...

Ужин в этот день всё-таки состоялся, но это было всего лишь жалкое подобие того ужина, который я представлял в своих мечтах, да и готовить мне его пришлось самому. На скорую руку, соорудив яичницу и заварив чай, я сел за стол, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. Придя домой, я уложил Лолию на диван и теперь видел, как она, немного отходя от происходящего и отказавшись от ужина, просто отдыхала. Поздний час, накопившаяся усталость, потрясения этого дня – всё это было уже не важно. Главное, что Лолия была рядом!

Её здоровье меня волновало, и сегодняшней случай только лишней раз убедил меня в необходимости серьёзного лечения. Лолия была больна... Теперь бесполезно было отрицать этот факт и надеяться на то, что она справится со своей болезнью без моего участия. В этот момент я сидел рядом с ней, видя её ослабленное тело и грустный взгляд. Уткнувшись глазами в свою тарелку, я не знал, как начать разговор обо всём происшедшем.

Лолия, как будто почувствовав мою растерянность, придвинулась ко мне ближе, взяла за руку и спросила:

– Что сказал тебе доктор в больнице?

Я поднял на неё глаза и увидел, как по её лицу скользнула лёгкая тень задумчивости. Через доли секунды, она уже снова смотрела на меня своим ровным спокойным взглядом.

– Да, в общем-то, ничего особенного..., – начал я, сразу же почувствовав фальшь в своём собственном голосе. Я собрался с силами и попытался продолжить уже более непринуждённо и естественно. – Сейчас пока не стоит волноваться, но в самое ближайшее время нам надо будет сделать полное обследование, тебе нужно лечиться.

Я снова посмотрел на Лолию.

– Тебе не зачем ничего от меня скрывать, – печально сказала она. – Я всё знаю...

– Я просто очень волнуюсь за тебя. Я не понимаю, что происходит, не понимаю, как мне помочь тебе и почти ничего не понимаю из того, что сказал мне врач, – выпалил

я, схватив Лолию за руки. – Я понял лишь одно, тебе нужно незамедлительно обследоваться в другой клинике и начинать серьёзное лечение. Я найду лучших специалистов и не пожалею ни денег, ни времени, ни сил...

– Я это знаю, любимый, – ласково улыбнувшись, прервала меня Лолия. – Но мне надо тебе кое-что рассказать. Я знаю, как сильно ты меня любишь, и я не хочу, чтобы ты продолжал волноваться за меня, оставаясь в полном неведении. Я решила, что ты должен знать, что происходит.

Я напрягся. Слова Лолии хоть и произносились ею со спокойным выражением лица, но как-то странно навевали на меня тревогу своей неопределённостью. Я приготовился слушать.

– Я не больна, – задумчиво сказала Лолия, и я впервые увидел, как она с трудом пытается подобрать слова, чтобы продолжить. – Я знаю, что в больнице пытались сделать томографию моего мозга, и с этим ничего не получилось... Со мной это сделано специально.

– Что??? – я не смог удержаться и чуть не подпрыгнул на месте.

Лолия снова подняла на меня глаза, и я попытался успокоиться.

– Постарайся сейчас понять меня и поверить в то, что я скажу, – не спеша продолжила она.

Я заметил, как медленно и чётко она произносила каждое слово, как будто уже сейчас пытаюсь донести до меня что-то

важное.

– Может быть, отложим этот разговор до завтра. Сегодня ты устала, был трудный день..., – начал я. Однако тут же осёкся, понимая, что я и сам уже не смогу спокойно уснуть после её слов.

Как и все люди, я не любил загадок. Теперь меня уже стало одолевать любопытство, и очень хотелось выяснить всё здесь и сейчас.

Лолия снова улыбнулась и сказала:

– Ты же не уснёшь. Я нормально себя чувствую, я в порядке, голова прошла, а вот ты уже вряд ли сможешь успокоиться после моих слов. Давай не будем откладывать этот разговор в долгий ящик.

Конечно, как всегда она меня чувствовала и очень хорошо понимала. Я приготовился слушать.

– Я умею читать мысли, – глядя на меня, спокойно произнесла Лолия.

Я опешил... Не знаю, что именно я ожидал услышать от неё в этот момент, но явно не это. Готовый выслушивать страшные вещи о каком-нибудь серьёзном заболевании, я воспринял её слова, как шутку. Я продолжал ждать вразумительных объяснений, а Лолия не спешила продолжить разговор...

В моей голове понеслись самые разные мысли. Лолия, наверно, слишком устала и поэтому говорит какую-то ерунду, или она просто пытается что-то скрыть от меня. Но зачем? Я

ведь готов вместе с ней бороться с любой болезнью. Неужели она подумала, что её заболевание может изменить моё отношение к ней? Может какими-то нелепыми фразами она хочет отвлечь меня от тревожных мыслей. Почему она не хочет рассказать мне о своём заболевании?..

– Потому что никакого заболевания у меня нет, – ответила мне Лолия, продолжая пронизывать меня своим немигающим взглядом. – Постарайся сейчас поверить и понять меня... Я умею читать мысли.

Мне стало не по себе. Лолия отвечала на вопрос, который я ей не задавал. Я не произносил его вслух. В комнате царил тишина. Я даже слышал, как колышется занавеска возле окна, приводимая в движение врывающимся с улицы через форточку порывом ветра. Эту тишину нарушал только мягкий и нежный голос Лолии. Хотя... может быть, я от всего происходящего начинаю медленно сходить с ума, и уже сам не слышу того, что говорю. Сейчас мне было проще бы поверить именно в это...

– Нет, с тобой всё нормально, – Лолия улыбнулась. – Ты не сходишь с ума и не произносишь сейчас ни звука, я просто читаю твои мысли.

Я испытал лёгкий шок. Я стал осознавать, что говорит только ОНА. Я молчу.

Значит, Лолия слишком хорошо знает меня и ход моих рассуждений, поэтому может отвечать на мои вопросы ещё до того, как я их задам. Ведь и раньше частенько бывало,

что я начинал фразу, а продолжать её у меня не было необходимости... Лолия понимала меня с первых же слов. А может быть, Лолия действительно обладает какими-то экстрасенсорными способностями. Я видел множество телевизионных передач, в которых люди совершали удивительные вещи. Лолия ведь даже сама когда-то писала об одном таком человеке...

Она снова прервала мои рассуждения:

– Я не экстрасенс. То, что я умею делать, можно сказать, дело рук научно-технического прогресса. Такие способности не даются человеку природой и их бесполезно развивать в себе. Они не имеют ничего общего с мистикой и оккультными науками. Обладать возможностью читать чужие мысли может практически каждый здоровый человек.

Что за ерунда, думал я. Мы начали говорить о её болезни, а вот теперь она какими-то невероятными историями пытается запутать меня и увести разговор в сторону.

– Ты не веришь мне. Давай я сначала попробую доказать тебе, что умею читать мысли. Подумай о чём-нибудь, – предложила она.

Так... Ну о том, что я ей не верю, было легко догадаться и не влезая в мой мозг. Видимо, сейчас все мои эмоции были написаны на моём лице. Конечно, какой нормальный человек поверит в такое?..

– Хорошо, – выдавил я из себя. – Давай попробуем.

Я решил подумать о чём-нибудь отвлечённом. Ну, напри-

мер, какая сейчас за окном погода.

– Ты думаешь о том, какая сейчас за окном погода.

Я вздрогнул от её слов... Нет, она могла об этом догадаться. Я же ведь невольно посмотрел на окно, когда подумал о погоде. Лолия очень внимательна, конечно, она уловила мой взгляд.

– Хорошо, подумай о чём-нибудь другом, – продолжила она.

Ладно, вот этого она точно не могла знать. Почему-то в этот момент мне в голову пришёл именно этот, произошедший недавно случай... Лолия любит уют в доме и всегда старается украсить наше жилище милыми вещицами. Она умело и с большой любовью подбирает всевозможные аксессуары для нашей квартиры. На нашей кухне она расставила красивые фарфоровые вазочки, все они были выполнены в одном стиле, но, тем не менее, отличались друг от друга. Лолия аккуратно выставила их на специальной полочке и каждая из них, по её мнению, очень удачно вписывалась в интерьер нашего жилища. Так вот, пару дней назад, утром, я совершенно случайно разбил одну из них, неосторожно задев рукой. Боясь, что Лолия расстроится, я потихоньку собрал все осколки и вынес мусор, когда она ещё спала. Расставив посвободнее оставшиеся вазочки, я надеялся, что Лолия не заметит моей оплошности.

– Ну, это не считается, – Лолия расхохоталась. – Я и без всякого чтения мыслей уже заметила, что вазочек на полке

стало не семь, а шесть.

Заметила и ничего мне не сказала? Молодец...

– Это ерунда. Я даже не очень расстроилась. Ты же ведь сделал это не специально, – ласково улыбаясь, продолжила Лолия.

Какая же она у меня всё-таки умница... Стоп... Так значит, опять не удалось проверить. Хотя... Откуда же она сейчас узнала, что я подумал именно об этом случае?..

Ладно, допустим, что я верю в её способности. Но как? Как ей это удаётся?

– Я расскажу тебе всё по порядку, – став серьёзной, начала свой рассказ Лолия. – Итак, это называется «считывание»...

«Считывание» – это слово молнией полоснуло по моему сознанию. Тут же я стал вспоминать, где я мог его слышать, и что оно могло означать. Болезнь? Процесс? Результат? Явление? Я не находил ответа... «Считывание» не вызывало у меня никаких ассоциаций, от него веяло только неизвестностью.

Напряжённая пауза повисела в воздухе не больше пары секунд. А потом Лолия, не сводя с меня глаз, продолжила.

– Ещё в 1956 году доктор-учёный Франк Бойер начал серию исследований биологического поля человека. Ты слышал теории о том, что каждый человек обладает собственным биологическим полем? – спросила у меня Лолия и, не дожидаясь моего ответа, начала объяснения. – Сейчас в прессе стала появляться информация подобного рода. На се-

годняшний день уже не вызывает сомнений тот факт, что человеческое тело излучает энергию. Ни для кого не секрет, что мы, впрочем, как и все живые организмы, порождаем электромагнитные волны различной частоты. Например, человек может быть совершенно не виден в темноте, но создаваемое им инфракрасное излучение отлично улавливается приборами ночного видения. Так вот, Бойер серьёзно стал изучать электромагнитные излучения, создаваемые человеком. Он создал специальные приборы, которые могли фиксировать малейшие колебания на самых разнообразных частотах. Посвятив несколько лет своим исследованиям, Бойер пришёл к выводу, что наше тело излучает волны самой разной частоты и излучает их равномерно. То есть, если на какой-либо частоте измерять излучение рядом с телом человека, оно будет фиксироваться в любой точке пространства, независимо от того, где именно находится улавливающий приемник.

Как зачарованный, я слушал Лолию. Никогда я не видел её такой. Она была сосредоточена, уверена и спокойна. Я не мог предположить, что она до такой степени интересуется наукой, а всё, повествуемое ею, было для меня ново и непонятно. Словно сидя на школьном уроке, я пытался сейчас собрать свои скудные познания в физике, чтобы понять смысл той тайны, которая открывалась мне сегодня.

Тем временем Лолия продолжала:

– Это открытие нельзя назвать революционным и как впо-

следствии выяснилось, оно не принесло большой пользы науке. Совершенно другая, случайно замеченная Бойером особенность человеческого организма, стала тем заветным ключиком, который открыл двери прогрессу и позволил по-новому увидеть окружающий мир. Итак, Бойер обнаружил, что на определённой частоте интенсивность электромагнитного излучения в миллионы раз превышает мощность волн на других частотах. На этой частоте электромагнитное излучение буквально выходит из наших тел в окружающее пространство, причём всего из одной точки... Вернее из двух... Из наших глаз...

Лолия ненадолго замолчала, наверно, давая мне возможность осмыслить услышанное.

– Изнутри нас, через наши глаза исходит излучение электромагнитных волн одной определённой частоты. Тогда Бойер не предал этому значения, потому что его интересовали совершенно иные вопросы, но через несколько лет этот факт привлёк внимание двух других учёных. Это были физик Иертан и биолог Торант. Иертан был инженером, одним из тех, кто стоял у истоков создания современных компьютеров. Он начал заниматься наукой и писать свои первые работы в семидесятые годы прошлого столетия. Это было время появления первых электронно-вычислительных машин. Сначала Иертан работал над разработкой структуры арифметико-логических устройств, и чем больше он проводил исследований, тем чётче прослеживалась схожесть работы этих

устройств с работой нашего человеческого мышления. «Да» и «нет», «если ..., то...» ... Так же, как и наш мозг, компьютер, на своём примитивном уровне, пользуясь теми же законами логики, призван был находить решение поставленных задач. Поэтому вполне закономерно, что получившаяся структура современного компьютера имеет биологически аналоги, расположенные в теле человека. Так же, как и в компьютере в нашем мозге находится область, отвечающая за обработку всей поступающей информации. Также, существуют отделы для хранения этой информации, то есть наша память. Также, есть устройства ввода-вывода – это органы чувств. Можно сказать, архитектура современных компьютеров просто слизана со схемы нашего собственного мозга. На завершающем этапе своих исследований Иертан познакомился с Торантом, который в это время занимался изучением коры головного мозга и происходящих в нём процессов.

– Откуда ты всё это знаешь? – наконец-то воскликнул я, перебив Лолию.

Я всё больше удивлялся всему происходящему сегодня. Передо мной сидело хрупкое нежное создание, которое было моей Лолией, моей женой, но я никогда не видел её такой серьёзной и сосредоточенной. У неё не было технического образования, я никогда не замечал у неё интереса к науке, откуда же в её голове взялись те знания, которые она с невозмутимым видом выкладывала мне...

– Мы проходили это на подготовительных курсах, – отве-

тила Лолия.

Моему удивлению не было предела.

– Я продолжу, – не дав мне опомниться, сказала Лолия. – Итак, Иертан и Торант вместе занялись исследованиями процессов, происходящих в нейронных цепях головного мозга. Дело дошло до изучения способов поступления информации. Подобно компьютеру с его клавиатурой, мышью, сканером, микрофоном, которые являются устройствами ввода, человек получает всю информацию об окружающем мире посредством пяти органов чувств. Основной поток информации поступает к нам через глаза, которые воспринимают видимый диапазон спектра электромагнитных излучений. Колебания воздуха способны улавливаться нашими барабанными перепонками, и таким образом мы слышим звуки. Есть ещё осязание, обоняние и вкус. Так же, как любой компьютер снабжается устройствами вывода информации – дисплеем, печатающими устройствами, акустическими системами, у людей тоже есть в арсенале целый набор средств, чтобы сообщать свои мысли окружающему миру. Речь, мимика, жесты, письмо – это только малая их часть. Так вот, когда Иертан и Торант занялись исследованием глаз, как одного из самых главных источников получения информации нашим мозгом, их внимание привлекли работы Бойера, где указывалось существование уникального излучения, производимого глазами человека. Это означало только одно – наши глаза не только являются устройствами ввода, они

также и являются устройствами вывода какой-то информации. Но какой? Этого пока учёные не знали.

Я слушал Лолию, не решаясь перебивать и переспрашивать. Мне открывалось нечто новое, граничащее с фантастикой. Я никогда не слышал ни о чём подобном. А Лолия тем временем продолжала:

– Всё остальное было делом техники. Был создан специальный прибор, который улавливал эти излучения. Он успешно справлялся со своей задачей, рисуя колебания на бумаге, но он не мог представить эти данные в понятной для нас форме. То есть прибор с большой точностью воспринимал излучение, но всё равно никто не мог понять, что за информация буквально струится из каждого человека посредством обычного взгляда. Не было необходимого ретранслятора. Исследования зашли в тупик, пока Торант не предположил, что расшифровать эти сигналы может только лишь подключённый к прибору человеческий мозг. Наш мозг – это совершенный инструмент, равного которому пока не существует. Он способен обрабатывать за мгновения терабайты информации. Если излучение создаётся биологическим организмом, то и расшифровать посылаемые друг другу людьми непонятные пока сигналы может только биологическое тело. Так возникла смелая идея поместить прибор в голову живому человеку и подключить его к нейронным сетям мозга. Нашёлся доброволец из числа обречённых, то есть из числа людей, жить которым остаётся от силы

несколько месяцев, и ему поместили в голову прибор. Операция прошла успешно, прибор был выполнен с применением самых передовых на тот день, секретных нано технологий. Первого эксперимента ждали с большим нетерпением. Каково же было изумление всех собравшихся, когда доброволец с прибором стал озвучивать мысли подопытных. Он отчётливо рассказывал о тех ярких образах, которые всплывали в его сознании. После этого уже ни у кого не осталось сомнений, что с помощью этого излучения люди выводят в окружающий свет свои мысли...

Лолия остановилась, потрясённый её рассказом я продолжал смотреть на неё.

– Даже без специального прибора, любой обычный человек способен в мизерных объёмах улавливать информацию, передаваемую посредством взгляда. Называй это шестым чувством, телепатией или как угодно иначе, но, глядя в глаза друг другу, люди способны обмениваться данными. Однако мощность этого излучения настолько мала, что без специального прибора этого слабого сигнала недостаточно для расшифровки чужих мыслей. С чувствительным же приёмником читать мысли людей уже не представляло никакой трудности. Подобные процессы сразу же получили аналог в компьютерных технологиях и стали использоваться для беспроводной передачи данных и при построении беспроводных сетей. В случае же с живыми людьми всё было несколько сложнее. Потребовалось решить много технических, ме-

дицинских и, главное, морально-этических проблем, прежде чем была развёрнута программа «Считывание». Такое же название дали и этому процессу чтения мыслей, сам прибор получил название «считыватель», а люди – его носители – «считывающие». Сам понимаешь, что применение считывания даёт огромную власть над людьми. Знать, о чём думают окружающие люди – дорогого стоит. Как только технология считывания была отработана, возникли серьёзные вопросы по её использованию. Предполагалось, что главным образом, она будет использоваться для борьбы с преступностью, однако у многих это вызвало возражения и недовольства. Ярые противники применения считывания сдались после ряда террористических актов, потрясших мир на стыке веков. Тогда стало понятно, что возможность узнавать чужие мысли принесёт огромную пользу всему человечеству. Развязанная террористами тайная война без законов и правил, без столкновения армий и направленная на уничтожение мирного населения требовала крайних мер. С преступностью, разбоями, кражами, убийствами, шпионажем надо было бороться и бороться нетрадиционными методами. Считывание получило «добро» в высших инстанциях, и под строжайшей секретностью стало воплощаться в жизнь.

Лолия замолчала.

– Принеси, мне стакан воды, – попросила она.

Я отправился на кухню, налил в стакан воды из графина и принёс ей. Она неторопливо сделала несколько глотков и

продолжила.

– Естественно, всё, что я сейчас говорю тебе – секретно, но я вынуждена делиться с тобой этой информацией, иначе ты просто не сможешь понять меня. Я узнала о «считывании», когда училась в университете. Я была увлечена психологией, и поступление в университет считала самой большой удачей в жизни. Будучи отличницей, всё своё время я проводила за книгами и научными работами. Мой профессор заметил моё рвение к учёбе и предложил принять участие в одном интересном масштабном эксперименте. Деталей я не знала, но была рада уже тому, что на меня просто обратили внимание, выделили из общей массы и заметили мои способности. Нас оказалось несколько человек в группе. Под грифом «совершенно секретно» нас ознакомили со всем, что я сейчас поведала тебе и предложили стать считывающими. Иметь возможность читать чужие мысли, узнавать всё, что хранится в памяти человека, получить доступ в сокровищницу чужого опыта и знаний – разве не об этом мечтает каждый? Это звучало чрезвычайно заманчиво и фантастично. К тому же, я грезила психологией и мечтала понять причины поведения людей, хотела узнать их мотивы для совершения тех или иных поступков, пыталась понять логику их рассуждений. Я сразу же поняла, что предстоящий эксперимент станет для меня тем «счастливым билетиком», который даёт право на осуществление мечты. Я согласилась... Нас предупредили, что на долгое время считывание станет нашей ос-

новой работой. Мы поступим в распоряжение спецслужб и должны будем вести наблюдения в указанном территориальном секторе. Ежедневные отчёты – вот то, что будет нужно от нас руководству на первом этапе. Больше нас ни в чём ограничивать не будут. Мы можем беспрепятственно использовать считыватель в своих личных целях и, чем больше сможем считывать информации, тем лучше. Каждый из нас может вести свой обычный образ жизни, но ничем не должен выдавать наличие в организме считывателя. Для того чтобы считыватель, находящийся в нашей голове не мог быть обнаружен никаким из существующих приборов при любом медицинском осмотре, в наши организмы будут вводиться специальные вещества, способные воспрепятствовать каким бы то ни было внешним излучениям. Каждый месяц мы должны будем проходить обследование в специальной клинике.

Лолия ненадолго замолчала, и я заметил, как воодушевление на её лице сменилось грустью. Она нахмурила лоб, а блеск её глаз пропал.

– Я очнулась после операции от жуткой головной боли. Такого я не испытывала никогда. Казалось, голова просто разрывается изнутри. Сначала я не то, что не могла читать чужие мысли, любая собственная приносила мне невыносимые мучения. Мне казалось, что я физически ощущаю, как каждая из них проползает по извилинам моего мозга. Я надеялась, что послеоперационный период пройдёт, и боли исчезнут, но оказалось иначе. Только после установки считывате-

ля перед нами раскрыли все карты и рассказали, что платой за уникальный дар будут постоянные чудовищные боли и сократившийся срок наших жизней. Природа создала человеческий организм совершенным, и я лишний раз получила подтверждение тому, что нельзя ничего менять в нём безнаказанно... – Лолия грустно опустила глаза и после небольшой паузы продолжила. – Мощные обезболивающие сделали своё дело, голова стала болеть меньше. Я пошла на обучающие курсы. Здесь, таких же, как я, начинающих считывающих, обучали самому процессу считывания. Считыватель давал возможность узнавать чужие мысли, но им, как и любым другим прибором, нужно было ещё научиться пользоваться. Специально разработанная учёными программа была призвана в короткий срок помочь нам освоить технологию считывания. Сначала нас учили концентрироваться, не думать ни о чём и просто спокойно смотреть в глаза другому человеку. Потом задания усложнялись, каждый из нас делал свои первые шаги по нелёгкому пути считывающих. Помню, как первый раз у меня получилось прочитать чужие мысли, – глаза Лолии загорелись радостным блеском. – Это был наш учитель, я смотрела в его глаза, а он специально старался посылать мне чёткие импульсы. Я ясно увидела или вернее сказать осознала, о чём он думает. В моей голове стали всплывать его слова, зрительные образы, звуки, воспоминания. Никогда раньше я не испытывала ничего подобного. Всё это было не моё, это было его. Потом миллионы раз я за-

нималась считыванием, но этот первый случай навсегда отпечатался в моей памяти. Это было потрясающе, и в тот момент я поняла, что даже не жалею о потерянном здоровье. Дальше всё было уже просто. После того, как каждый из нас овладел считыванием и с неизменным успехом научился читать чужие мысли, мы прошли инструктаж, получили необходимые указания, и нас выпустили в обычную жизнь. С этого момента для меня открылся весь многогранный и невообразимый мир человеческих мыслей, тайн, судеб и знаний. Всё что мне было нужно, так это просто посмотреть в глаза другому человеку.

Я сидел в оцепенении.

– Вот уже более семи лет я занимаюсь считыванием, – продолжила Лолия. – За это время перед моими глазами прошли миллионы человек...

– И я? Я тоже стал таким человеком, мысли которого ты прочитала? – выдавил я из себя.

– Да. Это уже происходит на автомате. Как только я вижу человека, я тут же считываю его мысли.

– Но я против этого. Я не хочу, чтобы кто-то вторгнулся в мои мысли, – протестующе воскликнул я, понимая всю нелепость своего бунта.

Лолия смотрела на меня уверенным спокойным взглядом своих восхитительных глаз.

– От тебя ничего не зависит, – произнесла она.

Меня это задело. Она была любимым, обожаемым мною

человеком, но даже ей я бы не позволил вторгаться в свои мысли. Я всегда считал, что сам решаю, какой информацией делиться с ней, а тут вдруг выясняется... В этот момент я даже не мог оценить весь масштаб того, что могло быть ей известно обо мне.

– И что же ты считала, когда первый раз увидела меня? Мои мысли тебя не отпугнули? – саркастически спросил я.

– Я увидела перед собой того человека, которого давно хотела найти. Доброго, порядочного, образованного, целеустремлённого и, так же как и я, одинокого. Заглянув в твою душу, я поняла, что мы очень похожи. Уже тогда я знала, что нам будет хорошо вместе. Тогда же я узнала о твоём прошлом. О детстве, которое прошло в маленьком городке Либридже, о твоей учёбе в университете, о самостоятельной жизни и престижной работе в международной компании «Экспорверт». Ещё до того, как ты произнёс первое слово, я знала о тебе всё – твою зарплату, адрес, номер телефона. Меня всё в тебе устраивало. Ты был тем, человеком, которого я искала.

Лолия бросила на меня нежный взгляд и слегка улыбнулась. Во мне же начинала закипать злость. Оказывается, наши потрясающие нежные доверительные отношения начинались с циничного холодного расчёта. Я не мог проверить в это. Может всё, что она говорит сейчас, неправда? Слишком уж непохожа сейчас Лолия сама на себя.

– А о чём конкретно я думал в тот вечер, ты помнишь? –

спросил я, сам силясь вернуть в памяти воспоминания того вечера. Я вспомнил, и теперь ждал, что скажет Лолия.

– Нет, я не помню таких мелочей, – ответила Лолия.

«Не помнит или никогда не знала?» – пронеслось у меня в голове. Может она ничего не умеет? Она ведь может обманывать меня, рассказывая о своих сверхъестественных способностях. Но для чего ей это?..

– Ты думал тогда о своей новой крупной сделке, – прервала мои размышления Лолия. О том, что надо будет заключать договор с новым поставщиком, иначе один из твоих крупных клиентов может уйти к Генриху.

Угадала... Каким-то способом она угадала. Я действительно в тот вечер обдумывал свои рабочие планы.

– В тот вечер для меня намного важнее было узнать, что ты за человек и каким будешь в семейной жизни, а твои текущие мысли о работе я не запоминала. Сейчас, я просто считала их из твоей головы, когда ты сам вспомнил события того вечера. Как видишь, кое-что я всё-таки умею...

Я устал. Слишком много я узнал за этот вечер. Посмотрев на часы, я увидел, что уже половина третьего ночи.

– Пойдём спать, – предложила Лолия.

Молча, я принял её предложение...

Меня разбудил яркий солнечный луч, скользящий по нашей кровати. Добравшись до меня, он принялся игриво щекотать моё лицо. Открыв глаза, я увидел наполненную све-

том комнату и выделяющийся на фоне стены светлый прямоугольник окна. Кто бы мог подумать, что после вчерашнего серого дождливого дня, сегодня из-за туч выглянет солнце.

Как и всегда утром, я посмотрел на кровать и увидел рядом с собой свою Лолию. Она спала, по-детски обняв подушку, а на лице её играла улыбка. Спящей, она казалась мне очень юной и незащищенной. Я улыбнулся. Как всегда, утром я потянулся, чтобы нежно приласкать и поцеловать её. Но как только моя рука дотронулась её волос, я тут же вспомнил все события вчерашнего дня. Наш ночной разговор, всплыл в моей памяти. Я остановился. Рядом со мной мирно спала та же самая женщина, с которой вот уже более года я просыпался утром в одной кровати, но теперь этот человек казался мне чужим и незнакомым. Оказывается, я ничего не знал о ней.

Я не мог поверить в то, что всё рассказанное Лолией, правда. Меня одолевало желание ещё раз поговорить с ней, но она спала. Спала тем тихим, беззаботным сном, который обычно, заставляя людей отрешиться от реальности, вызывает на их лицах трогательную улыбку и который так легко бывает разрушить. Я не захотел тревожить Лолию, и, оставив досматривать последние утренние сновидения, отправился в ванную. Прохладные струи душа придали мне бодрости и заставили привести в порядок мысли.

Конечно, я понимаю, что у Лолии не было причины лгать мне, но всё что она рассказала, было слишком уж невероят-

но. Кто же всё-таки моя Лолия? Конечно, она необыкновенная. Я почувствовал это сразу же, ещё при знакомстве. В первый же момент меня заворожили её бездонные синие глаза и её спокойный ровный взгляд. Неужели, это не природная красота, а всего лишь плод научно-технического прогресса, позволяющий Лолии в первые же минуты нашего знакомства считать с меня необходимую информацию? Но зачем? Зачем я ей вообще нужен? Если она тайный шпион, то почему раскрывает передо мной все карты. Да и как вообще можно было создать хоть что-то похожее на считыватель? Я стал вспоминать увиденные мною научные передачи и прочитанные в современных журналах статьи, и понял, что никогда не слышал и не читал ни о чем подобном. Космос, информационные технологии, исследование генов и ДНК – вот о чём сейчас говорили. Но ничего, хотя бы отдалённо напоминающее процесс считывания, не было. Никаких намёков на подобные исследования и разработки. Это означало только, что, либо эти исследования строго засекречены, либо, что Лолия... сумасшедшая. В последнее мне верить совершенно не хотелось, и я решил развить первую мысль. Допустим, только допустим, что Лолия говорила мне правду. Значит, получается, что она уникальный человек, который умеет читать мысли, причём читает или считывает их она с определённой целью. С какой? Об этом и надо будет её спросить. Потом интересно, насколько сложный это процесс и что же она смогла узнать обо мне? И вообще надо будет поговорить

с ней поподробнее о технических сторонах так называемого считывания. Конечно, мне всегда было приятно, что Лолия прекрасно понимала меня, но думать о том, что это всего лишь результат копания её каким-то прибором в моей голове было нестерпимо противно. Я сам делился с ней тем, чем считал нужным делиться, а допускать в свои мысли кого бы то ни было, даже самого близкого человека, не хотелось...

От рассуждений меня отвлек приятный запах кофе, который проник через полузакрытую дверь ванной. Лолия проснулась и теперь, также, как и в любое другое субботнее утро, готовила нам завтрак. Я вошёл на кухню и увидел то же самое прежнее, нежное, милое создание, которое ежедневно видел здесь и которое обожал. Лолия, улыбнувшись мне, стала накрывать на стол. Всё было так же, как и обычно, только в воздухе висела тишина, а обычный блеск глаз Лолии теперь меня пугал. Что скрывалось в этой милой голове? Я понял, что я совершенно этого не знаю.

Мы сели за стол.

– Как ты себя сегодня чувствуешь? – спросил я.

– Спасибо, хорошо, – нежно посмотрев на меня, сказала Лолия.

Всё было как всегда, только у меня не было аппетита. Было множество вопросов, настолько много, что я не знал с чего начать.

– Я знаю, что ты взволнован вчерашним разговором, – задумчиво глядя на меня, нарушила тишину Лолия. – Ты не

веришь, что всё это правда?

– Мне сложно поверить. Я никогда не слышал ни о чем подобном. Что представляет собой этот таинственный прибор, который, как ты утверждаешь, находится у тебя в голове?

– «Как ты утверждаешь» ... – с лёгкой насмешкой повторила мои слова Лолия. – Хорошо, я расскажу тебе. Считыватель – это электронно-биологический инструмент для считывания мыслей. В его основу положен принцип нейронных цепей и микроскопический электромагнитный приёмник, выполненный с применением нано технологий. Внешне считыватель напоминает обыкновенную горошину диаметром пять с половиной миллиметров. На протяжении десятка лет малые размеры прибора, необходимые для установки считывателя в мозг человека, служили непреодолимым препятствием для его использования, однако с открытием нано технологий этой проблемы не стало. Ты даже не представляешь, насколько уникальны те техпроцессы, которые применяются в считывателе. То, о чём сейчас можно прочитать в научной литературе, это всего лишь малая «надводная» часть того огромного айсберга имеющихся наработок, большая часть которых находится «под водой» и скрыта от посторонних взглядов. Никто не догадывается, но большинство современных самых передовых технологий получили своё развитие именно в ходе создания считывателя. Для его производства требовались самые новейшие разработки, а возможность его дальнейшего применения с лихвой оку-

пала все вкладываемые средства. Проекты, связанные с созданием считывателя, всегда хорошо финансировались, а все их побочные продукты и достижения сейчас широко используются в промышленности и медицине. Мы же в результате получили уникальный прибор, который устанавливается между полушариями головного мозга человека и нано роботами подключается к нейронам. Операция по установке считывателя длится примерно три часа, а после этого считывающий, пройдя специальную подготовку, может приступать к считыванию мыслей.

– Так значит считыватель – всего лишь небольшая горошина? – переспросил я.

– Да. Такая форма была выбрана неслучайно. Она хорошо позволяет расположить внутри все необходимые элементы, а в случае пропажи или кражи считывателя до установки его будет очень легко принять за обычный плод, – ответила Лолия. – Считыватель производится только в одной специальной лаборатории и до операции установки в головы считывающих хранится в особой биологической жидкости. Его мягкая внешняя оболочка полностью состоит из органического вещества, а внутри размещаются различные элементы, большинство из которых полимеры, но кроме них имеются детали из самых разнообразных технологичных материалов и синтезированных в искусственных условиях веществ. Вынутый из специальной жидкости считыватель в течение часа меняет свои свойства, его оболочка твердеет, и он становит-

ся ничем не отличимым от обычной горошины.

– А как происходит сам процесс считывания? – продолжал я.

– Всё что нужно для считывания, это зрительный контакт с глазами считываемого. Легче всего считывание происходит при непосредственном взгляде глаза в глаза на расстоянии не более одного метра. В этом случае за три секунды удаётся считывать те мысли, о которых сейчас думает считываемый и примерно за двадцать секунд удаётся получить всю информацию, скрытую в его более глубокой памяти.

– За сколько??? – я просто выкрикнул этот вопрос.

– За три секунды считываются основные мысли и за двадцать секунд считывается вся информация, хранящаяся в памяти, причём не обязательно это делать за один зрительный контакт, – терпеливо повторила Лолия.

– Что значит основные мысли и вся остальная информация? – робко стал разведывать я, боясь, что Лолия не захочет мне этого рассказывать. Но она уверенно продолжила:

– Давай сравним мозг человека с компьютером. На самом деле всё устроено абсолютно аналогично. Вспомни, у компьютера есть постоянное запоминающее устройство, то есть жёсткий диск, где хранится основная информация, и оперативная память, куда помещаются временные данные небольшого объёма. Так и у человека. Те вещи, о которых он думает постоянно заносятся им в своеобразную оперативную память, эти мысли очень легко читаемы, они просто пото-

ком излучаются из людей в окружающее пространство. Это то, о чём человек думает в данный момент. Есть же ещё его память, где хранятся все накопленные человеком знания и воспоминания о том, что с ним происходило на протяжении всей жизни. Эти данные глубоко запрятаны в его голове, и получить к ним доступ бывает непросто.

– Это значит, что за двадцать секунд ты способна узнать о человеке всё?

– Да, но это при прямом зрительном контакте. Если же смотреть на считываемого под углом или с большого расстояния, время считывания увеличивается. Так взгляд со стороны, под углом в сорок пять градусов, увеличивает время считывания до нескольких минут, а под углом в девяносто градусов, то есть когда считываемый повернут ко мне в профиль, процесс считывания становится практически невозможным. То же самое и с расстоянием, максимальное расстояние с которого удаётся установить контакт это десять метров, дальше уже сигнал практически не улавливается.

– И никак нельзя защититься от считывающего? – робко спросил я.

– Можно.

– Как? – нетерпеливо выкрикнул я.

– Закрыть глаза, – улыбнувшись, ответила Лолия.

Да уж, получалось пока я бодрствую, пока смотрю на этот мир и нахожусь рядом с Лолией, она постоянно имеет доступ к моим мыслям.

– Пока я вижу глаза человека, я могу читать его мысли, – сказала Лолия. – Тёмные очки и темнота могут затормаживать процесс считывания и даже остановить его. Всё заканчивается тогда, когда я перестаю видеть зрачки.

– Излучение пропадает в темноте? – переспросил я.

– Нет, оно не пропадает, – ответила Лолия. – Для считывания мне необходимо, прежде всего, найти источник излучения, то есть зрачки глаз человека. В темноте, когда я не вижу глаз, мне трудно определить, откуда точно идёт излучение. В лучшем случае я могу улавливать обрывки каких-то фраз и образов, но определить по ним направление излучения бывает очень сложно. Как только я вижу глаза человека, я сразу же могу установить контакт. Любые же препятствия, даже в виде стекла, довольно сильно гасят излучение. Вот почему невозможно считывать мысли у людей, спрятавших глаза под солнцезащитными очками.

У меня закружилась голова. Это было невероятно. Наши глаза, через которые мы познаём этот мир, также способны пропускать кого-то и в наш собственный внутренний мирок. Я чувствовал себя сейчас так, как будто меня прилюдно раздели. Во мне не осталось ничего, что мог бы я скрыть от других, не осталось ничего моего личного. Получалось, что все мои мысли, мои переживания, мои воспоминания открывались помимо моего желания другому человеку.

– Глаза – зеркало души... – медленно произнесла Лолия, опустив взгляд. Потом она снова подняла на меня глаза и

спросила. – Ты никогда не задумывался, почему так говорят?.. Ещё задолго до изобретения считывателя люди интуитивно догадывались об особенностях глаз. Вот почему мы всегда способны почувствовать на себе чужие взгляды и по ним, даже без считывателя, можем догадаться о простейших мыслях. Глазами можно раздевать, глазами можно ненавидеть, глазами можно смеяться, глазами можно передавать любые эмоции и настроения. Попробуй угадать человека по любой другой части лица или тела, у тебя ничего не получится. Как только ты увидишь, пусть даже на фотографии, глаза человека, ты безошибочно различишь его среди других людей. Не задумывался, почему так? Люди давно заметили свою собственную способность общаться методами так называемого невербального общения, только они ошибочно приписывают к этим методам жесты, позы, мимику. На самом же деле обычные люди просто способны немного улавливать посылаемые через глаза сигналы чужих мыслей.

Я откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Мне так захотелось сейчас побыть наедине со своими мыслями. Рассказ Лолии выглядел довольно правдоподобным, но слишком уж невероятным. Она говорила обо всём абсолютно спокойно и уверенно, а множество технических деталей заставляли меня всё больше и больше верить ей. Но почему раньше я никогда не догадывался об этом? Ведь наверняка процесс считывания должен был быть внешне как-то заметен. Я стал вспоминать. Конечно, глаза у Лолии были необыкновенно краси-

выми, а взгляд внимательным и глубоким, но всё это было в пределах нормы. Я не мог вспомнить, чтобы её глаза выглядели как-то по-особенному или хоть раз показались мне странными. Никаких внешних признаков того, что она ими может считывать. Лолия выглядела вполне обычной женщиной, без всякого свечения глаз или прочих глупостей, которые обычно показывают в кино... Внешне она была такой же, как все. Хотя... она обладала сверхъестественным пониманием. Вот в чём была странность. Почему я нигде и никогда раньше не встречал человека, способного настолько хорошо понимать мои мысли? Значит, причина этого крылась не в нашей с Лолией природной совместимости и не в желании доверять друг другу. Неужели это было всего лишь делом научно-технического прогресса. Как же я не замечал этого?..

Я открыл глаза.

– Почему это произошло именно со мной? Зачем я понадобился тебе?

– За тем, зачем нужен мужчина женщине, – улыбнулась Лолия. – Я хотела спокойствия, семьи и уюта.

– Но почему я?

– Потому что, когда я увидела тебя, уже через несколько секунд я знала, что передо мной именно тот человек, которого я хочу взять себе в спутники жизни.

Снова я подумал о нашей с Лолией первой встрече. Я вспомнил тот мягкий спокойный взгляд её красивых синих глаз, которые она подняла на меня в тот зимний вечер, и

по моему телу пробежала дрожь. Не может быть, чтобы в то время, когда я любовался ею, она считывала мои мысли. Я тонул в её глазах, которые поглощали моё сознание...

– А как это выглядит? Считывание..., – спросил я. – Как ты узнаешь, что думает другой человек?

– В моей голове всплывают те же зрительные образы, те же звуки, те же слова, что хранятся в памяти у считываемого. Если человек будет думать на том языке, который знаю я, то мне будут понятны даже все слова и фразы, которыми наполнен его мозг.

– Ты всегда читаешь мысли незнакомых людей? – спросил я.

– Да, и знакомых тоже. Это уже происходит автоматически. Я не люблю из-за этого смотреть телевизор и ходить в кино. Даже когда я на простом экране вижу лицо человека и его глаза, я пытаюсь считать его мысли.

– И что, получается? – с издёвкой спросил я.

– Нет. Это всего лишь пустая картинка, она не несёт ничего. Вот театр – это совсем другое дело, – Лолия оживилась. – Там я могу смотреть в глаза актёров. Передо мной проносятся их судьбы, смешанные с судьбами их героев. Я вижу, насколько каждый из них способен вжиться в свой образ, отойдя от повседневности жизни. Это намного интереснее, чем считывать мысли обычных людей.

Так вот почему Лолия так любила театр и никогда не ходила в кино. А выставки? Их она тоже любила. Значит, ес-

ли следовать её рассуждениям она ходила наблюдать туда за людьми. Ей не интересны были экспонаты, она наблюдала за посетителями, за тем, какие мысли рождают в их головах те или иные предметы искусства.

– Правильно, – ответила мне Лолия.

Это было прекрасно и ужасно. Моя Лолия была уникальна, и в то же время она могла делать то, что меня пугало. Ведь она могла проникать в самые потаённые уголки моей души, могла копаться в моих мыслях, могла видеть ход моих рассуждений. Она могла прекрасно знать, какой я на самом деле. Не тот, каким стремлюсь быть, не тот, каким меня воспринимают другие, не тот, каким я кажусь внешне, а тот, какой я изнутри, со всеми моими дурными мыслями и смятениями. У меня не было от Лолии секретов, но всё-таки, как и у любого человека, были мысли, которыми я не хотел делиться ни с кем. Были воспоминания, которые я попытался спрятать очень глубоко, но всё-таки они хранились в моей памяти. Значит, Лолия знала обо всём этом. Вот откуда такое потрясающее понимание меня, моих проблем, моих дум и стремлений. Надо отдать ей должное, я ни о чём не догадывался. Всё, что я заметил, это то, что она была единственным человеком, который полностью понимал меня. Единственным... Постой, но ведь вчера она сказала, что их была группа. Значит, есть и другие... Я остолбенел.

– Вчера ты сказала, что вас была группа, – начала я, и, посмотрев на Лолию, неожиданно уловил странное ощущение

того, что она знает, о чём я хочу спросить. – Сколько вас, тех, кто умеет читать мысли?

Наступила пауза. Лолия задумалась, а потом произнесла:

– Сейчас уже порядка пяти миллионов?

В висках застучало. Мне показалось, что я ослышался.

– Пяти миллионов чего? – запинаясь, переспросил я.

– Человек. Считывающих. Тех, кто способен читать чужие мысли, – пояснила Лолия. – Эта цифра с каждым днём растёт, программа по считыванию развёрнута и сейчас в самом разгаре. Скоро не останется ни одного уголка планеты, ни одной территории, которая бы не находилась под наблюдением считывающих.

На мгновения я потерял дар речи. Я не мог в уме уложить эти цифры. Я думал, Лолия уникальна в своих способностях, в крайнем случае, группа считывающих насчитывает десяток человек. Но пять миллионов!.. Я не готов был услышать такую цифру. Пять миллионов считывающих, это значит, что на каждую тысячу нормальных людей приходится один, который умеет читать мысли. Если учесть, что на то, чтобы узнать всё о человеке требуется двадцать секунд, то значит, потребуется всего шесть часов на то, чтобы узнать мысли всех живущих на земле людей... Мне стало жутко.

– Но кто вы все? Тайная организация или просто банда фанатиков? Почему никто ничего про вас не знает?

– А обычные люди вообще мало знают о том, что происходит в мире. Становиться известным только то, о чём раз-

решается им узнать... Малость из того, что твориться на самом деле. Многое скрыто. Что мы едим, что пьём, чем дышим, чем пользуемся в быту... По сути простые обыватели не знают о тех технологиях, которые повсеместно и давно используются на них. Мы, считывающие, состоим на службе у объединённого комитета правительств ведущих стран. Ни одной из стран в одиночку не удалось потянуть такой масштабный проект. Главные наши задачи – обеспечение безопасности граждан, борьба с терроризмом, помощь блюстителям закона в сохранение общественного порядка.

– Но как правительства пошли на такое? Это ведь нарушение элементарных прав человека? Вы ведь не просто вторгаетесь в личную жизнь людей, вы вторгаетесь в их мысли!..

– Мы не вторгаемся. Мы просто считываем мысли, – спокойно глядя на меня, ответила Лолия.

Я не понял. Просто считывают и что дальше? Она хочет сказать, что, зная мысли человека, они ничего не предпринимают?

– В первую очередь – мы простые наблюдатели, только наблюдаем не за поведением людей, а за их мыслями. Ты хоть представляешь, насколько ценна накапливаемая с помощью наших способностей статистика? Мы знаем, что твориться в головах целых народов. Такую достоверную информацию нельзя получить другими методами. Благодаря собранному нами данным, власти могут вовремя предпринимать меры для поддержания стабильности и мира. Составляя отчёты о

тех подозрительно-преступных моментах, которые встречаем в головах людей, мы стоим на стороне закона и порядка.

– Только собираете информацию и всё? – удивлённо спросил я. – А что происходит дальше? Я не верю в то, что, имея на руках подобные сведения, вы бездействуете. Или подозрительными людьми занимаются уже другие организации? Что происходит с теми беднягами, которые посмели подумать о чём-то нехорошем?

– Ты зря возмущаешься, – спокойно сказала Лолия. – То, что мы знаем, совершенно не означает того, что к человеку, думающему вопреки существующим нормам и законам, будут незамедлительно предприняты радикальные меры. Перед законом такой человек формально чист, нельзя осуждать его за то, о чём он думает. Однако его мысли помогают обнаружить либо тайные улики, которые будут помогать следствию, либо ещё что-нибудь, что поможет нам вовремя принять меры и предотвратить трагедию. Делается это незаметно для считываемого, у него просто остаётся впечатление, что его дело проваливается и что-то идёт не так. Полицейские могут просто вовремя стоять на том углу, где возможный преступник решил дожидаться своей жертвы, или в тот момент, когда террорист решает вынести из своего дома бомбу, чтобы заложить её в торговом центре в двери его квартиры заклинивает замок, и он остаётся дома. Мы не вторгаемся в жизнь людей, мы просто корректируем их судьбу, подстраивая случайности. Вот почему о нас никто не зна-

ет. Окружающие просто не догадываются о нашем существовании, потому что мы не оставляем у них ощущения присутствия и не используем никаких радикальных методов для своего влияния на людей, мы просто корректируем внешние события.

– Ты хоть понимаешь, что всё, что вы делаете незаконно? – продолжал возмущаться я. – Вы не имеете права вторгаться в личную жизнь человека.

– Всё что мы делаем – вне закона, – хладнокровно отрезала Лолия. – Нет и пока не будет законов, запрещающих вторгаться в чужие мысли.

– А как же правительства и политики? Они ведь знают, что вы существуете? Вы же можете читать и их мысли тоже.

– Они это знают и сознательно идут на это. Во власти используются намного более грязные приёмы, и вся жизнь политиков настолько прозрачна и настолько должна быть безупречна, что наше считывание им не мешает, а иногда даже помогает. К тому же, они хорошо знакомы с нашими методами и технологиями и в нужный момент всегда могут обезопасить самих себя.

– Может они сами умеют считывать мысли?

– Нет, они не идут на это. Установка считывателя – это сложнейшая операция иногда с летальным исходом и даже если она проходит удачно, подавляющему большинству прошедших через это людей приходится расплачиваться своим здоровьем за возможность считывать чужие мысли. По-

что все мы мучаемся от нестерпимых головных болей и это только малая часть всего, с чем нам приходится сталкиваться... – Лолия грустно опустила глаза и продолжила. – Считыватель – это биологическое, но всё-таки инородное тело, которое отторгается нашим организмом. Чтобы как-то сгладить этот процесс, мы вынуждены постоянно принимать специальные препараты. Кроме этого в наш организм вводятся специальные магнитореактивные вещества, из-за которых становится невозможным исследование головы рентгеновским и другими видами излучения. Эти вещества по кровеносным сосудам распространяются по всему организму, создавая непроницаемую для стороннего излучения сетку, они экранируют его. Делается это специально, чтобы ни при каких обстоятельствах установленный в голове считывающего считыватель не был обнаружен. Мы обязаны следить за нераспространением информации. Обыкновенные врачи, имеющие возможность осматривать нас, когда мы находимся в бессознательном состоянии, не должны ничего знать. Мы наблюдаемся и лечимся только в специальных клиниках, при несчастных же случаях и возможных размещениях нас в обычных больницах любые исследования наших тел будут остановлены. Так получилось и в моем случае, когда докторам было проще списать невозможность исследования на поломку томографа, чем пытаться предполагать что-либо более невероятное. А представляешь, что было бы если бы они обнаружили в моей голове нечто похожее на опухоль?

Да уж, я представил... Как же хорошо они во всём застраховались от утечки информации. А Лолия продолжала:

– Мы наблюдаемся только в специальных клиниках, где знают о нас. Там осуществляют ввод этих препаратов, а потом дают нам мощные обезболивающие, благодаря которым мы продолжаем жить и работать. Как жаль, что обо всех сложностях, которые возникают после установки считывателя, многие из нас узнают слишком поздно. Не знаю, отказалась бы я от операции, если бы знала о тех проблемах, которые принесёт мне считыватель, но то, что я бы более ответственно подошла бы к подобному решению, это точно. Политики и сильные мира сего не устанавливают себе считыватель. Зачем им это, если можно, сохраняя своё здоровье, пользоваться такими, как мы? – в глазах Лолии я снова увидел грусть. – К тому же, ресурс человеческого мозга не безграничен. Считанные чужие мысли накапливаются в голове, переполняя мою память и вызывая сильную боль. Кажется, что мой мозг перегревается, а нестерпимые боли продолжают мучить меня даже во сне. Избавиться от них можно только забыв всё то, что считывалось, но на это нужно время. Пока же память не очистится, мне приходится страдать...

– Почему же вы идёте на это? – не выдержал я.

– Ну... это хорошая и высокооплачиваемая работа, я думаю, ты будешь приятно удивлён, увидев мой счёт в банке, – Лолия улыбнулась. – Но самое главное – это удовлетворение личных интересов. Считывание даёт неограниченные

возможности. Знать то, о чём думают другие – это значит иметь незримую власть над людьми. «Информация» – вот что стало самой большой ценностью в наше время. Достоверная же информация вообще бесценна. Только считывающие способны добыть те данные, которые скрыты от всех. Мы знаем, что творится в голове человека в любой момент времени, мы знаем, что скрывается за его поступками и произносимыми им словами.

Мне стало страшно. Только сейчас я понемногу стал осознавать, насколько велик объём того, с чем мне пришлось столкнуться. Обычному нормальному человеку трудно представить, что всё, о чём он думает, становится известно кому-то ещё. Кто они, эти люди, сканирующие наши головы и проникающие в наши мысли? Как спрятаться от этих монстров? Как различить их среди обычных людей?

– А как выглядят считывающие? – робко спросил я, надеясь найти для себя способ хоть как-то распознать их в толпе.

– Так же как и я. Мы обычные люди и совершенно ничем не отличаемся от остальных. Подавляющее большинство – это женщины от двадцати до тридцати лет. Мы можем выглядеть по-разному, но в основном в считывающие набирают привлекательных, образованных девушек. В нашей работе внешность играет далеко не последнюю роль, потому что именно этим мы привлекаем к себе так необходимые нам взгляды. Заставить нужного человека несколько секунд не отрывать от нас глаз – это всё что нам нужно, а уж потом мы

будем знать о нём всё.

Я был удивлён. Я думал, что подобными делами будут заниматься, в основном, мужчины.

Лолия посмотрела на меня.

– Большинство влиятельных власть имущих, а также большинство преступников и террористов – это мужчины. Именно их мы проверяем и держим под контролем. Молодым девушкам намного проще привлечь к себе их взгляды. Инстинкты, заложенные природой, действуют безотказно, и поэтому симпатичным представительницам прекрасного пола намного легче справляться с нашей работой.

Это было потрясающе! Те милые кокетливые создания, которые окружали нас, были способны проникать в наши мысли. Их привлекательная внешность служила всего лишь способом завлечь наивных мужчин для того, чтобы получить доступ к их мыслям... И таких женщин-считывающих уже больше пяти миллионов! Постой, это значит, что в городе с миллионным населением работает, по меньшей мере, тысяча девушек, которые считывают мысли. Сколько же из них уже встречалось мне? В моей голове понеслись образы тех привлекательных блондинок и брюнеток, на которых я невольно мог задержать свой взгляд...

– Не волнуйся, – прервала мои размышления Лолия, – даже если ты и встречался со считывающими, то вряд ли это заметил. В твоих мыслях нет ничего преступного, поэтому никакого интереса для считывающих и правоохранительных

служб они не представляют.

– Я всё равно не хочу, чтобы кто-нибудь знал, о чём я думаю. Мало ли какие мысли придут мне в голову, я не хочу, чтобы они становились достоянием общественности. А вдруг кто-нибудь из считающих употребит то, что узнает обо мне в каких-нибудь своих целях или во вред мне? – забеспокоился я.

В глазах Лолии я уловил искорку удивления.

– Пойми, так как большинство считающих – женщины, то мы употребляем свои возможности несколько своеобразно. Для нас установка считывателя – это возможность узнать мысли мужчин, научиться понимать их, а значит, возможность создать благополучную семью. Мы не стремимся к власти, а пытаемся достичь простого женского счастья в виде любящего мужа и детей, – Лолия мило улыбнулась. – Если раньше в борьбе за внимание мужчин женщины первостепенное значение придавали своей внешности и ради красоты готовы были терпеть любые муки, то теперь же в моде установка считывателя. Он – практически стопроцентная гарантия найти мужчину своей мечты. Мы по-прежнему готовы терпеть физическую боль, только чтобы быть счастливыми.

Ну да, конечно, семья – это ведь испокон веков самое главное в жизни женщины. Поиск надёжного партнёра, создание счастливой семьи, рождение детей...

– А дети? Ты ничего не испортила в организме своим считывателем? Ты можешь иметь детей? – неуверенно спросил

я.

– Конечно, – уверенно ответила Лолия. – Ни одна здраво-мыслящая женщина, даже ради самой благой цели, не сделала бы ничего, что могло бы навредить её потомству. Операция по установке считывателя не нарушает детородных функций. Главное, чтобы ухудшающееся с годами здоровье позволило выносить и родить ребёнка. Всё остальное ерунда... Боль ничто, по сравнению со счастьем, которое получаешь, находясь рядом с любимым человеком.

– И ты, как и все считавающие, пошла на это ради того, чтобы найти... МЕНЯ? – с удивлением и гордостью спросил я.

Лолия застенчиво опустила глаза.

– Ну... Мне это помогает ещё и в работе.

Ах да, ведь я даже забыл о тех интересных статьях, которые пишет Лолия. Так вот откуда эти темы для сюжетов, вот как она находит своих «персонажей»! Конечно, она просто копается в их мыслях. С такими способностями ей можно даже не брать у них интервью, а писать сразу же в журнал обо всей их жизни. Лолия, наверно, просто просматривает мысли всех, кто ей попадает, а самые интересные биографии отправляются в печать.

– Где же вас находят? Как правительству удаётся завербовать вас?

Лолия улыбнулась.

– А где по-твоему можно найти красивых здоровых деву-

шек?

Я задумался, а Лолия уже отвечала за меня.

– В салонах красоты и фитнес-клубах. Именно здесь собирается множество одиноких девушек, заботящихся о своей внешности и здоровье. Этим пользуются вербовщики. Они обычно выбирают самых привлекательных, и в таких заведениях ни что не мешает им тайно провести секретные беседы с предложениями о работе.

Я опешил. Те безобидные женские косметические салоны, которые встречались мне на каждом углу, оказывается, были центрами вербовки считывающих!

– И никто не боится, что, установив считыватель, каждая из вас просто исчезнет и не будет работать, а просто станет использовать его в своих целях, чтобы залавливать и обманывать одиноких мужиков, выполняя их тайные желания? Разве можно доверять женщинам? – возмущённо спросил я.

Лолия бросила на меня полный упрёка взгляд.

– Мы не можем исчезнуть. Нам постоянно нужна помощь врачей, специальных врачей, знающих о считывателе и умеющих поддерживать организм каждого из нас в норме. Ты сам видишь, что я не могу обслуживаться в обычной клинике. Нам нужны специальные лекарства и постоянное лечение, чтобы продолжать жизнь, имея в голове считыватель. Максимум полтора месяца каждая из нас может обходиться без посещения специализированных клиник, а потом...

Лолия не стала договаривать, её глаза стали грустными. Я

понял, что за возможность знать, о чём думают другие, каждому из считающих приходится жестоко расплачиваться своим здоровьем. Мне не верилось, что уже пять миллионов женщин пошли на этот шаг. Эта цифра продолжала меня пугать.

– Эта цифра с каждым днём увеличивается, – услышал я голос Лолии, которая всё это время продолжала непрерывно смотреть на меня. – Программа запущена и в самом разгаре, каждый день нас становится всё больше и больше. Это как цепная реакция.

– А вы сами отличаете друг друга от обычных людей? – поинтересовался я.

– Конечно.

– Как? – обрадовано, спросил я, надеясь узнать признак, по которому и я смогу понять, что передо мной считающий.

Услышав ответ, я испытал разочарование.

– По мыслям. У считающих всегда особенный ход мыслей, к собственным у них примешивается множество чужих, которые они обрабатывают в данное время. Этого вполне достаточно, чтобы мы безошибочно определяли друг друга.

Ну конечно..., а что я ещё ожидал услышать. Зачем людям, которые умеют читать мысли нужны какие-то внешние знаки. Они просто читают мысли друг друга и всё.

Я посмотрел на Лолию, она неестественно склонила голову. Голова... Так она выглядела, когда у неё начинались го-

ловные боли. Мне стало жалко её и на меня нахлынули те нежные чувства, которые я к ней испытывал. В сущности, передо мной сидела всё та же обожаемая и любимая мною женщина.

– У тебя болит голова? – спросил я, вложив в интонацию своего голоса всю нежность и заботу, на которую был сейчас способен.

– Да, – ответила Лолия слегка сдавленным голосом. – Давай поговорим об остальном попозже, мне надо прилечь.

Я отвёл Лолию в спальню, а сам вернулся на кухню. Посмотрев на часы, я понял, что за завтраком пролетело более двух часов, а я даже не допил свой кофе. Я заварил новый и сел, оставшись один на один со своими мыслями.

При других обстоятельствах, я бы посчитал Лолию сумасшедшей. Кто знает, как могла сказаться на ней недавняя потеря сознания и последующее пребывание в больнице. Но она говорила так вразумительно и уверенно, что трудно было сомневаться в её вменяемости. В моей голове стал кружиться целый рой мыслей, и сейчас мне захотелось просто привести их в порядок.

Итак, по рассказу Лолии получалось, что нас всех, в том числе и меня, окружают люди, которые способны читать чужие мысли. Нет, не люди, а молодые привлекательные девушки, притягивающие к себе посторонние взгляды... Но Лолия... Как она могла столько времени обманывать меня, скрывать то, что она сканирует мой мозг? Она просто поль-

зовалась моим доверием. Хотя... Почему я так думаю? Ведь она за всё время никогда ничем не обнаружила передо мной эту свою странную способность. Нет, она просто удивительным образом понимала меня и всё... Как часто я слышал в её словах отголоски собственных мыслей... Она была единственным человеком, который так хорошо мог улавливать мои желания. Единственным человеком, на которого я мог положиться... Ведь именно такую женщину я хотел найти, добрую, понимающую и любящую. Так почему же теперь я боюсь того, что она знает меня намного лучше, чем я мог себе представить? Наверно, я просто испытываю страх от того, что делю с этой женщиной не только свой дом и кровать, но и свои мысли. Нет, весь ужас заключался не в этом. Самое страшное было в том, что Лолия становилась для меня всё большей загадкой. Я понял, что совершенно не знаю её. Я всё больше чувствовал себя беззащитным перед ней. Она в любой момент могла узнать, о чём я думаю, я же не имел возможности проникнуть в её мысли. Всё, что я мог, это просто довериться ей. Но как я мог верить ей после того, что она от меня скрыла? Моя Лолия внешне была такой же, как и раньше, но теперь я знал, что она совершенно не тот простой, открытый человек, которого я привык видеть перед собой. Она была такой, до вчерашнего дня...

Я был расстроен. Пять миллионов таких же, как она женщин ходят по земле и считывают наши мысли. Считывают... А что дальше? Они докладывают на нас соответствующим

службам? А где гарантия того, что всё, что они расскажут, будет правдой. Ведь они могут неправильно нас понять, считать наши мысли с ошибками или, что ещё хуже, могут в своих интересах исказить их. И им поверят, ведь они же считающие...

Моё волнение и злость нарастали. Они специально хотят запугать нас, хотят держать всё под своим контролем, хотят шантажировать нас нашими же скрытыми тайнами и желаниями. Я крепко сжал в руке салфетку. Нет, я не позволю им этого сделать. Я пойду и расскажу всё о них. Но кому?.. Тут я остановился... Куда идти с этим? В полицию? Там или примут меня за сумасшедшего или, если они заодно с правительством и считающими, просто уничтожат меня, как ненужного свидетеля. Вот почему Лолия не боялась, рассказывая мне всё это. Я просто ничего не смогу предпринять против неё. Мне стало жутко от своих мыслей. Ужасно, я думал сейчас что бы сделать против своего самого близкого человека. Против женщины, которая за всё время, сколько я её знаю, не сделала мне ничего плохого, а только наоборот помогала во всём. Ведь даже сейчас она думала прежде всего обо мне. Я понимал, что она, не имея больше возможности скрывать от меня проблемы со здоровьем, просто не хотела, чтобы я волновался и впустую бегал по врачам. В конце концов, может считывание не так уж страшно. Человек привыкает ко всему. Ведь у нас уже не вызывает никакого дискомфорта тот факт, что во всех оживлённых местах за нами наблюдают ка-

меры. Нет, бесполезно успокаивать себя... Считывание, это совершенно другое. Возможность проникать в наши мысли намного страшнее любого наблюдения за внешними поступками. Обмануть поступками и словами можно, в мыслях же содержится истина о каждом из нас. Всё зависит от того, как будет использоваться считывающими то, что они узнают. Судьба каждого нового технического изобретения зависит исключительно от его использования. Когда была открыта энергия атома, человечество тоже стояло перед выбором – использовать это открытие для разрушения, создавая бомбы, или направлять эту энергию для решения мирных бытовых потребностей человечества. К тому же оставался шанс, что не всё так, как она рассказывает. Возможно, она и умеет читать мысли, но может быть не все их можно узнать, просто посмотрев человеку в глаза. А может быть всё-таки это вообще только её выдумка? Но какова тогда истинная причина? Что же скрывает от меня Лолия?..

Я вошёл в спальню. Лолия спала. Во сне она была похожа на милую, беззащитную девчонку, и только её слегка нахмуренные брови говорили о том, насколько тревожны сейчас её сны. Может быть, в этот момент Лолию беспокоили все те мысли, которые она узнала, проникнув в чужие головы, а, может быть, сейчас ей снилось, что она теряет своего любимого человека...

Глава 3. Проверка

Мы ждали гостей. С момента «признания» Лолии (так называл я тот ночной разговор после больницы, в котором она рассказала мне о считывании) прошла ровно неделя. Всё это время я был одержим идеей проверить Лолию. Посетив свою клинику, она снова вышла на работу, а всё своё свободное время мы проводили вместе за всевозможными тестами, которые я придумывал в надежде убедиться, что весь её рассказ был простой выдумкой.

Лолию мои эксперименты забавляли. Она не видела в них необходимости, но, разделяя моё стремление получить реальные подтверждения её способностей, старательно принимала в них участие. Конечно, любому человеку, даже такому как она, хочется, чтобы люди верили ему на слово. Но я не мог... Я не мог просто так поверить в столь фантастический рассказ, не имея на руках достоверных фактов. Мне нужны были неоспоримые доказательства.

К своему сожалению, я не мог найти подтверждений как тому факту, что Лолия умеет считывать мысли, так и тому утверждению, что она этого делать не умеет.

В первый же свободный вечер я захотел, чтобы Лолия озвучила то, о чём я буду думать. Целый день я готовился и придумывал, как это странно не звучит, тестовые предложения, которые Лолия должна была угадать. Но как толь-

ко я оказался перед ней, как только посмотрел в её глаза, как только соприкоснулся с ней взглядом, все заготовленные фразы улетучились у меня из головы. Мысли понеслись с бешеной скоростью, и в этом водовороте я уже сам не мог разобраться и понять о чём именно думаю. Что же говорить тогда о Лолии?.. Как она могла определить мои мысли, если я не мог сконцентрироваться ни на одной конкретной. Мысли неслись, перескакивали с одной вещи на другую, одна тема возникала в голове ещё раньше, чем успевала уйти предыдущая. Я думал обо всём и ни о чём одновременно. Лолия смотрела на меня, слегка нахмутив брови, а потом стала озвучивать мне самые, как ей казалось, яркие мысли, но я понимал, что во всей этой каше, творящейся у меня в голове, можно было отыскать всё. Сейчас она могла говорить любую фразу, и я бы не смог сам с точностью сказать думал ли я об этом или нет. Чем дольше продолжался наш эксперимент, тем больше я не мог сосредоточиться. Я так разволновался, что Лолии стало жалко меня. Она села рядом со мной, обняла и предложила пока всё прекратить. Я согласился, и мы договорились в следующий раз поискать более удачный способ проверки.

Я решил больше ничего не выдумывать, а тестовые предложения просто взять непосредственно из любого печатного издания. Сидя перед Лолией, я бы читал про себя какую-нибудь газету или журнал, а Лолии же нужно было повторить вслух прочитанные мною фразы. Если она действи-

тельно умеет читать мысли, то сделать это ей будет несложно. Я же, благодаря тому, что все фразы теперь были бы не только в моей голове, а и на бумаге, безошибочно проверил её способности. Большим плюсом мне виделся ещё и тот факт, что тестовые предложения в этом случае до начала эксперимента не были известны даже мне самому, а значит, Лолия никак не могла обсуждать со мной раньше эти темы.

Вечером мы снова сели друг напротив друга. Для чистоты эксперимента я взял ту газету, которую заранее купил утром в магазине. Я стал читать про себя первую попавшуюся мне статью из колонки новостей, стараясь не отвлекаться ни на что другое. Там писалось о каком-то урагане, кажется, на побережье Мексики, который разрушил несколько домов и унёс вроде бы даже несколько жизней. Я читал, а через пару минут Лолия полностью повторила мне содержание статьи. Она говорила размеренно и спокойно, и с каждым её словом росло не только моё удивление, но и моя уверенность в том, что моя жена всё-таки умеет читать чужие мысли. Когда я уже был готов признаться ей в том, что верю в её рассказ о считывании и в её уникальные способности, Лолия улыбнулась и сказала:

– А ты не задумывался над тем, что я могла уже читать эту газету.

Весь мой эксперимент был нарушен одной этой фразой. Как я не подумал, ведь Лолия читает намного больше меня. Конечно, она могла прочитать не только эту, а и множество

других газет.

– К тому же эта газета лежала рядом с твоим портфелем весь вечер, я ещё удивилась, зачем ты её принёс, ты ведь не увлекаешься прессой. Да и статью ты читал прямо с первой полосы, – засмеялась она.

Да уж... Конечно, я читал колонку с первой полосы под самым заметным заголовком. Мне стало стыдно за свою несообразительность. Лолия наверняка обратила внимание на лежащую без присмотра газету и уж конечно прочитала, если не всю её, так уж первую страницу точно.

– Может, ты сходишь за другой газетой или бери сразу какой-нибудь журнал, его я не успею так быстро прочитать.

Я видел, как Лолию забавляет моё желание проверить её. Сейчас она просто смеялась надо мной. Я же, раздосадованный, был вынужден признать, что и в этот раз мне ничего не удалось толком проверить.

Я понимал, она хотела бы, чтобы я поверил её словам без всяких проверок, но то, что она рассказала мне о считывании было слишком невероятно, и мне нужны были доказательства. Для чего? Не знаю... Я просто не привык верить на слово даже самым близким людям.

Сообразив, что экспериментами ничего не добиться, я решил просто понаблюдать за Лолией в повседневной жизни. Наверняка её способности должны были как-то проявляться в быту. Почему же я раньше не замечал этого? Потому что, естественно, не мог приписывать их умению читать мысли, а

объяснял хорошо развитой у Лолии интуицией и способностью понимать людей.

Наши вечера потекли по обычному распорядку, но, став более внимательным к ней, я начал замечать, как Лолия улавливает мои желания. То она, не говоря ни слова, подавала мне в нужный момент за ужином сахарницу, то первой начинала обсуждать со мной именно те вопросы, которые волновали меня и постоянно крутились в голове, то готовила на ужин именно то, что я хотел. Всё это были мелочи, которые я теперь пытался объяснить её способностью к считыванию. Но ведь, как и любая обычная женщина, которая хорошо знает привычки живущего рядом с ней любимого мужчины, она могла догадаться об этом и, не умея читать мысли. Все мои наблюдения приводили только к одному выводу: когда люди живут вместе, каждый из них настолько хорошо узнаёт друг друга, что им уже не составляет труда, зная желания и привычки партнёра, выполнять их. Вот и всё. Лолия слишком хорошо узнала меня за то время, которое мы живём вместе.

Я мог бы продолжать эксперименты и наблюдения дальше, мог бы начать расспрашивать её о себе, о своём прошлом, о пережитых мною событиях, о том, что она могла узнать, поковырявшись в моей памяти, но мы с самого первого дня нашего знакомства так много общались и успели уже стольким поделиться друг с другом, что я не помнил всего, о чём говорил ей раньше. Видимо, за то время, что мы вместе, я рассказал ей о себе очень многое, так что расспра-

шивать Лолию о самом себе было уже бессмысленно. Вот поэтому я и решил пригласить друзей. Мы встречались с ними довольно редко, но сейчас я за пару дней обзвонил всех, и всеми правдами и неправдами заманил к себе в этот субботний вечер. Никто из них не догадывался, что я с их помощью просто хочу опять попытаться проверить Лолию. Теперь уже ошибки быть не могло. Я решил, что с одной стороны, Лолия не настолько хорошо знает их, как меня, чтобы просто угадать их желания и мысли, а с другой стороны, я смогу сам выведать от друзей, о чём они думали, чтобы потом сравнить с тем, что расскажет мне Лолия.

Итак, сегодня к нам должны были прийти наши друзья, это Артур со своей женой, Герман с подругой и Виктор со своей новой девушкой. Если с парами Артура и Германа мы дружили давно, и они были нам довольно хорошо знакомы, то на новенькую девушку Виктора я возлагал особые надежды. Её не знали ни я, ни Лолия, а значит в случае с ней «чистота» эксперимента будет максимальной.

Лолия довольно скептически отнеслась к моему желанию проверить её способности на наших друзьях. Она не видела достойного способа обнародовать те мысли, которые она будет считывать. По моему замыслу, она могла бы говорить их тут же вслух, к удивлению всех окружающих, но Лолию такое предложение возмутило. При всех имеющихся у неё возможностях, она считала просто аморальным перед всеми рассказывать о том, что думает другой человек. Лолия раз-

нервничалась, и мы договорились, что она будет просто тайком говорить мне считанные мысли, а я уже сам найду способ проверить их.

Первыми пришли Герман со своей подругой Эллиной. С Германом я был знаком ещё со времён учёбы в университете, мы учились вместе в одной группе. Теперь он работал в одной из компаний, занимающихся грузоперевозками. Пару лет назад он познакомился с Эллиной, и теперь мы иногда проводили время вместе, выбираясь парами в кафе или клубы. Его подруга Элина раньше работала официанткой в ночном клубе, и, хотя Герман после их знакомства уговорил её сменить работу, у неё осталась тяга к ночной жизни. Когда я увидел их перед дверью нашей квартиры, то сразу же понял, что и на этот раз Элина будет всеми силами пытаться вытащить нас из дома куда-нибудь в более оживлённое место. Ей, с её бурным темпераментом, будет скучно просто сидеть вместе с нами, проводя время за разговорами. Герман уже похоже тоже догадывался о том, что весь вечер ему придётся умирять свою подругу и поэтому выглядел довольно мрачным.

Сразу же после их прихода появились Артур и его жена Эмма. Эта пара была нам с Лолией особенно по душе, потому что в них мы всегда находили интересных собеседников близких нам по духу и образу жизни. Эмма как всегда была очаровательна. Будучи на несколько лет старше Артура, она выглядела даже немного моложе него. Они с Артуром были

очень похожи внешне, и если бы я не знал, что они женаты, то скорее принял бы их за брата и сестру. Я знал, что Артур познакомился с Эммой на последнем курсе университета и с тех пор они уже не расставались. С этой парой мы сдружились после нашей с Лолией свадьбы, когда у нас появились общие житейские интересы, до этого же Артур был просто моим хорошим другом, который работал в соседнем отделе.

Последним появился Виктор, он опоздал. Нарушив все мои ожидания, он пришёл один и на все мои расспросы ответил лишь то, что его подруга заболела. Я был расстроен и больше не из-за болезни его подруги, а из-за того, что часть моего эксперимента срывается. Хотя, поразмыслив немного, я решил, что пять человек, мысли которых я смогу проверить, это тоже немало.

Я старался не оставлять Лолию наедине с гостями, чтобы у неё не было возможности общаться с ними. Только в этом случае я мог быть уверен, что всё, что она расскажет мне о наших друзьях, будет действительно взято ею из их мыслей, а не с их слов.

Лолия молчаливо накрывала стол и заканчивала последние приготовления, пока я развлекал гостей. Они впервые оказались в нашей новой квартире, поэтому я с удовольствием водил их по комнатам, рассказывая историю покупки нашего жилища и повествуя о проделанном ремонте. Когда мы закончили осмотр, стол был уже накрыт, и множество приготовленных Лолией блюд манило нас приятным ароматом.

Все делились друг с другом впечатлениями о проделанной мной небольшой экскурсии по дому, а перед тем, как сесть за стол, Эмма подошла ко мне и, заговорчески улыбаясь, сказала, что у них с Артуром тоже есть одна приятная новость.

Я пошёл на кухню к Лолии, чтобы уже вместе вернуться к столу. Я застал её слегка расстроенной, ей явно не нравилась моя идея с экспериментом по считыванию, и я понимал, что она недовольна тем, что вместо того чтобы как обычно проводить время с гостями я прячу её от них на кухне.

– Эмма беременна, – посмотрев на меня, коротко бросила мне Лолия. – Это тебе для проверки.

Я опешил... Так вот какую новость хотела сообщить нам Эмма. Но откуда Лолия узнала?.. На секунду я забыл, что весь этот вечер устроен для того, чтобы проверить её способности читать чужие мысли... Конечно, Эмма с Артуром давно хотели детей, и мы с Лолией знали об этом, но неужели после нескольких лет совместной жизни теперь они наконец-то станут родителями? Что ж, теперь у меня будет возможность проверить слова Лолии.

Мы сели за стол. Разговор не клеился, Виктор выглядел расстроенным, видимо, из-за болезни подруги; Эмма с Артуром, казалось, были поглощены только друг другом. За столом же слышался в основном только громкий голос Эллины, которая своей яркой внешностью и неугомонной болтовнёй резко выделялась из нашей компании. Когда она наконец-то ненадолго замолчала, чтобы отпить из бокала вина, я вос-

пользовался долгожданной паузой и обратился к Эмме.

– Кажется, ты хотела, сообщить нам какую-то новость?

Эмма, похоже, уже давно ждала этого момента. Они ласково обменялись взглядами с Артуром, и она торжественно сообщила:

– Раз уж так получилось, что здесь собрались наши самые близкие друзья, то мы хотели бы... – было видно, что Эмма немного волнуется, – в общем, мы ждём ребёнка.

Все наперебой кинулись поздравлять Артура и Эмму, а я же сидел и думал о том, что Лолия на этот раз угадала. Она угадала... Но мне нужны были более яркие доказательства её способностей. В конце концов, Эмма дружила с Лолией, и они вполне могли как-нибудь раньше обсудить эту новость по телефону. Кроме того, может быть то, что Эмма в положении, уже заметно по внешним признакам. Нам мужчинам, это определить сложно, а вот у женщин глаз намётан. Но тогда, откуда Лолия узнала, что Эмма поделится своей радостью со всеми именно сегодня? Хотя, почему бы и нет, кто знает, когда мы снова соберёмся все вместе... Нет, этот случай мне ничего не доказывал.

Дальше ужин продолжался более оживлённо, а я ждал момента, когда снова смогу поговорить с Лолией. Этот момент представился, когда она снова ушла на кухню, чтобы приготовить чай. Я пришёл к ней.

– Ты хочешь узнать, о чём думают сейчас остальные? – повернувшись ко мне, спросила Лолия.

– Да.

– Виктор весь поглощён мыслями о своей недавней ссоре с его девушкой, – начала рассказывать мне Лолия. – На самом деле она не больна, он просто постеснялся сказать тебе, что поругался с ней, когда они собирались идти к нам. Он заехал за ней заранее, и ему сначала пришлось ждать, пока она выберет себе подходящий наряд, потом дожидаться, когда она наконец-то останется довольна своей причёской. Он высказал ей своё недовольство и вместо желаемых быстрых сборов получился скандал, в котором она обвинила его в непонимании и заявила о том, что ему придётся идти к нам одному, что он и сделал. Сейчас он сидит и переживает, не понимая, как ему следовало бы себя вести с ней.

– И как же надо было?

– Я не знаю, – удивлённо ответила Лолия. – Ведь я не могу видеть его девушку, поэтому не знаю, что делается в её голове. Могу только предположить, чего она хотела. Я знаю только о чём думает Виктор, знаю, что он очень хотел прийти к нам вместе с ней, что сейчас переживает и не понимает, как ему надо было бы себя вести.

– Ну что ж. А остальные? Что думают остальные? – не унимался я, хотя уже видел, что Лолию начинает раздражать моя настойчивость.

– Эллина думает о том, какие мы все зануды и если бы не её желание выйти замуж за Германа, то она бы никогда не стала проводить время в такой скучной компании. Она уже

давно решила выйти замуж за обеспеченного и перспективного молодого человека. Ей попался Герман, и теперь, тщательно скрывая от него своё прошлое, она всеми силами пытается удержать его возле себя и создать с ним семью. Герман же сейчас думает о том, как закончить новую сделку.

– А жениться на Эллине он не думает?

– Нет, у него в мыслях такого нет, – слегка смутившись, сказала Лолия. – Он занят своей работой и даже не замечает того, что встречается с Эллиной уже больше двух лет. Ему с ней весело и ещё ему нравится её фигура и нравится заниматься с ней сексом, но он никогда не думал о ней, как о своей будущей жене.

«Ну фигура у моей Лолии намного лучше, чем у Эллины», – подумал я автоматически. И, тут же заметив проскользнувшую по лицу Лолии улыбку, смутился своих собственных мыслей. Надо же, я уже стесняюсь перед ней за то, о чём думаю... А ведь я так и не закончил свою проверку и до сих пор не уверен, что она может читать мысли...

Мои размышления нарушили громкие звуки музыки, которые стали доноситься из комнаты. Мы поспешили туда.

Эллина, видимо выпив больше обычного, затеяла танцы. Громко смеясь, она пыталась заставить танцевать расстроенного Виктора, а Герман всячески пытался её уговорить.

Ко мне подошла Лолия и тихо спросила:

– Как же ты будешь проверять мои слова? Подойдёшь к Герману и скажешь, что Эллина работала раньше танцовщи-

цей в дешёвых стриптиз-барах?

– Что??? – удивился я. – Герман связался со стриптизёршей?

– Он не знает об этом, – ответила Лолия. – Эллина скрывает от него своё прошлое и пытается начать новую жизнь. Для того чтобы проверить мои слова тебе придётся поговорить с Эллиной, но она наверняка будет всё отрицать, выставя тебя лгуном, пытающимся очернить её. Я могу сказать тебе названия тех заведений, в которых она работала раньше, но вы с Германом вряд ли решитесь отправиться опрашивать их работников, чтобы убедиться в том, что всё это правда.

Я задумался. Действительно, я не мог пойти к Герману со своими фактами и вопросами. Сказать ему, что Эллина мечтает выйти за него замуж? Об этом мечтает каждая женщина. Пойти к нему и рассказать о той последней сделке, которую он сейчас обдумывает? Он просто решит, что я шпионоу за ним и пытаюсь каким-то способом влезть в его дела. Я ведь совершенно не связан с ним по работе, и Герман обычно мне рассказывает только самые общие детали, а всё наше общение в последнее время заключалось в совместных воспоминаниях о студенческих годах и, конечно, в рассказах о нашей теперешней личной жизни.

Может попросить Лолию рассказать мне что-нибудь из его прошлого?

– Что же ты хочешь, чтобы я тебе рассказала? – в отчаянье спросила Лолия. – Рассказать тебе, что Герман рос в семье

медсестры и обыкновенного рабочего, радость жизни которого заключалась на дне бутылки. Отец Германа пил и частенько бил его мать, которая терпела всё только ради того, чтобы сохранить семью. Рассказать тебе, что в школе Герман был середнячком, но, глядя на жизнь родителей, задался целью вырваться из ненавистного ему городка, где всю красоту и чувства женщин убивал быт, а единственным смыслом жизни для мужчины была выпивка. Ему хотелось другого, поэтому он, закончив школу с отличием, смог поступить в университет. Рассказать тебе о первой и неудачной любви Германа, которую звали Лизой? Это было ещё в школе, и, несмотря на все ухаживания Германа, Лиза сочла его слишком непохожим на остальных ребят, которые мечтали в том возрасте только лишь о том, чтобы завалить какую-нибудь девчонку. Лизе не нужна была романтика постоянных отношений Германа, ей нужен был здоровенный парень, пользующийся успехом у всех девчонок, который бы целовал её при всех, и которым можно было бы открыто хвастаться перед подругами.

Я был потрясён, я не знал таких подробностей личной жизни Германа. Более чем за восемь лет нашего знакомства, Герман никогда не рассказывал об этом.

– Неужели ты не понимаешь, что если за восемь лет Герман не рассказывал тебе об этом, то и сейчас вряд ли захочет этим делиться с тобой, даже если ты начнёшь спрашивать.

Я уже не слушал слов Лолии, я уже шёл в комнату к Герману. Я знал, как проверить её слова.

– Герман, ты встречался в школе с девушкой по имени Лиза? – выпалил я.

Герман удивлённо посмотрел на меня и слегка попятился.

– Ты какой-то сегодня сам не свой, – сказал он мне.

– Ответь мне на вопрос?

– Встречался.

Я заметил, как в его глазах наряду с удивлением промелькнула то ли грусть, то ли злость, то ли тоска.

– А почему ты спрашиваешь меня об этом сейчас? – удивился Герман.

– Просто думаю, откуда об этом могла знать Лолия.

– Не знаю, – растерянно ответил Герман, – может быть, я когда-нибудь в разговоре упоминал об этом. Я не помню... Но ты действительно сегодня не похож сам на себя. У тебя всё в порядке? – спросил Герман и как-то странно посмотрел на меня.

А ведь действительно, Лолия, как и я, достаточно много общалась с Германом. Я пытался отыскать в памяти те моменты, когда бы Герман мог рассказать нам о своём прошлом, но я не помнил... Я просто не помнил всего того, о чём мы разговаривали во время наших встреч, тем более что большинство разговоров велись, когда мы были навеселе. Нет, надо было искать что-то в его свежих мыслях.

– Сейчас Герман радуется тому, что все его любовные

неудачи в далёком прошлом, что теперь женщины сами борются за его внимание, что среди них он выбрал эффектную Эллину, с которой мечтает поскорее покинуть нас и отравиться домой, чтобы заняться сексом. Тебе рассказать, как именно?.. – услышал я шёпот Лолии.

Она добила меня, я понял, что не смогу дальше расспрашивать Германа о том, что творится в его голове. Я не собираюсь заставлять Лолию озвучивать вслух его эротические фантазии.

Итак, оставался один Виктор. Самое разумное, это проверить слова Лолии на нём.

Тут до меня неожиданно донеслись слова Германа:

– Лолия, какая ты молодец! Я как раз подумал о том, что хорошо бы нам попить чаю, – с радостью говорил он.

При слове «подумал» я вздрогнул. Теперь меня настораживало любое слово, которое могло бы пролить свет на мысли другого человека. Оказывается, до этого Лолия просто пригласила всех сесть за стол, она собиралась принести свой фирменный торт. Герман, похоже, был рад, что наконец-то удастся как-то усмирить Эллину. Лолия угадала его желания. Я же обрадовался возможности пообщаться с освободившимся Виктором.

Я сел с ним рядом за столом и тихо спросил:

– Ты выглядишь расстроенным? Ты случайно не поссорился со своей девушкой, как её зовут?

– Стела, – сказал он и недоверчиво посмотрел на меня,

а потом продолжил, – мы просто немного повздорили с ней перед тем, как идти сюда.

– Ты знаешь, эти женщины... – задумчиво произнёс я, – иногда они могут просто бесить и сводить с ума. Мне, например, никогда не нравилась их ужасная привычка копать-ся перед тем как куда-нибудь пойти. Вообще не понимаю, зачем им нужны такие длительные сборы.

– Точно, – обрадовано закивал Виктор. – Не знаю, как у них хватает терпения так долго наряжаться. У меня не хватило терпения её дожидаться. Все женщины так похожи. Они, наверно, специально пытаются вывести нас из себя этими постоянными разговорами о нарядах и магазинах, а может просто у них не бывает других мыслей.

– У некоторых бывают, – угрюмо произнёс я, тут же вспомнив Лолию. Вот уж у кого в голове предостаточно других мыслей... чужих.

– Я пытаюсь строить с ней нормальные серьёзные отношения, а она из-за пустяка начинает раздражаться, из-за одного моего замечания начинает устраивать скандал и вместо того, чтобы собраться побыстрее, заявляет, что вообще никуда не пойдёт и останется дома, – обиженно продолжал жаловаться мне Виктор. – Я не понимаю её. Вот ты, женатый человек, скажи, как мне нужно было поступать в этом случае? – Виктор вопросительно посмотрел на меня, а я не знал, что ему ответить, у нас с Лолией никогда не было таких ситуаций. За всё время, которое мы были вместе, у нас никогда не было

ссор и скандалов, ни разу...

Лолия вышла из кухни с тортом, а я поспешил ей помочь. Она была совсем близко от меня, я снова почувствовал на себе мягкий взгляд её прекрасных глаз.

– Просто скажи Виктору, что в следующий раз ему надо быть более терпеливым, – тихо сказала она мне, – его девушка наверняка очень хотела нам понравиться, она волновалась и не могла, поэтому остановиться на каком-нибудь наряде.

Я всё понял и пошёл к Виктору.

– Знаешь, – сказал я ему, – наверно, Стела просто волновалась, ведь ты хотел познакомить её со своими друзьями. Для неё это настоящее событие. Ты ведь собирался её ввести в круг своего общения, представить её тем людям, мнение которых для тебя небезразлично. Я думаю, она просто разволновалась, не могла выбрать подходящий для этого случая наряд, а ты не смог поддержать её в эту минуту. В следующий раз будь просто более терпеливым. Тем более что ты всё равно опоздал к назначенному времени, так уж лучше вы пришли бы вместе.

– Наверно, ты прав, – задумчиво ответил мне Виктор. – Семейная жизнь действительно изменила тебя... Ты стал лучше разбираться в людях.

Довольно улыбаясь, я хлопнул Виктора по плечу. В этот момент я почувствовал себя значимым. Я давал советы Виктору, при этом ни о чём не спрашивая и не выпытывая у него подробности происходящих в его жизни событий. Я без

всяких слов знал, что творится у него на душе. А ведь это всё Лолия... Без неё я бы никогда не догадался о произошедшей между Виктором и его девушкой ссоре... И тут неожиданно я осознал то огромное преимущество считающих перед простыми людьми. Им не нужны были пустые разговоры и расспрашивания, им не надо было теревить людей, допытываясь у них правды, они, как настоящие мудрецы, сразу же могли выдавать нужные человеку советы и решения. В этот момент мне показалось, что я жалею о том, что в моей голове не установлен считыватель...

Мы ехали в метро. Наш поезд мягко скользил по накатанным рельсам, проходя всё новые и новые станции. Вокруг было многолюдно. Сидя рядом с Лолией на скамейке вагона, я наблюдал, как люди потоками входили и выходили в открывающиеся на остановках двери.

Вечера с друзьями для меня оказалось недостаточно, чтобы убедиться в способностях Лолии к так называемому считыванию. Всего лишь трём мыслям друзей мне удалось получить подтверждение. Всего лишь трём... Этого мне было мало. Ведь то, что Лолия каким-то образом озвучила мне некоторые фразы, сказанные позднее другими людьми, могло оказаться простой случайностью. К тому же это были друзья, которые могли поделиться с ней своими новостями до моего эксперимента, в моё отсутствие.

Я продолжал мучиться оттого, что по-прежнему не имел

чётких доказательств словам Лолии, а поверить в то, что всё сказанное ею, правда, у меня просто не хватало сил. Чтобы как-то успокоить меня и наконец-то разрешить мои сомнения, Лолия предложила мне отправиться с ней на работу. Она решила показать мне, то чем занимается изо дня в день. Это была не работа в редакции над статьями и не сбор материалов по городу для её журналистской деятельности, главной её работой было считывание. Целыми днями она сканировала своим взглядом содержимое голов простых граждан, ища в них преступные мысли и воспоминания о совершенных неправомерных поступках. Её местом работы были самые многолюдные места города – торговые центры, парки, центральные улицы и метро. Здесь она вела наблюдение, считывая мысли тех, кто на несколько секунд встречался с ней взглядом.

Метро, как объяснила мне Лолия, было идеальным местом для работы. Здесь в час-пик собиралась пёстрая, многоликая толпа небогатых горожан. Именно здесь, под землёй, можно было встретить тех, кто находился в так называемой группе риска, то есть, возможных преступников. Все они были людьми небогатыми и по городу передвигались именно на метро. К тому же в метро никто не пользовался тёмными очками, которые могли бы стать помехой считыванию. Лолия любила работать именно здесь, поэтому сейчас мы сидели на скамейке поезда и разглядывали проходящих мимо нас пассажиров.

Я взглянул на Лолию. Она была спокойна и даже расслаблена. Её внешний вид совершенно не выдавал того, что творилось в её голове. Я чувствовал, что она попала в привычную для неё среду и не испытывает ни напряжения, ни раздражения, ни прочих неудобств от того, что сегодня рядом с ней я.

– Посмотри вон на того мужчину в синей рубашке, который стоит напротив нас, – тихо произнесла Лолия, наклонив голову ко мне и кивком головы указывая в нужную сторону, – он из Спрингса, сюда приехал в поисках работы. Хочешь, подойди и поговори с ним, сейчас он едет на собеседование и собирается выходить через пару остановок.

Мне было как-то неловко подходить к незнакомому человеку, но любопытство одержало верх, и я решил не упускать этот шанс. Ведь, в конце концов, я здесь именно ради того, чтобы проверять слова Лолии.

Я подошёл к молодому мужчине в синей рубашке.

– Извините, – сказал я, и при этом мужчина повернулся ко мне, – вы случайно не из Спрингса?

– Да, – удивлённо произнёс он и вопросительно посмотрел на меня.

– Я тоже, и мне кажется, я видел вас там раньше, – это всё что я смог выдумать, чтобы хоть как-то ответить на его немой вопрос, – а здесь вы наверняка, в поисках работы?

– Да, – снова удивился молодой человек. – А где мы могли с вами видаться, я что-то вас не припомню?

– Ну..., – начал я и посмотрел на Лолию.

– На свадьбе у вашего троюродного брата Себастьяна, в позапрошлом году, – сказала Лолия, подходя к нам, – мы были в числе приглашённых со стороны невесты, вы нас, наверно, уже и не помните.

Парень радостно улыбнулся.

– Да, тогда там было столько народу, – радостно произнёс он.

– Это моя жена, – я взял Лолию под руку. – А в нашем городе, какими судьбами?

– Хочу найти хорошую работу, из нашего городишки сейчас все ведь разъезжаются...

– Ну и как, нашли?

– Да, сейчас как раз еду на собеседование, – оживлённо ответил мне парень.

– О! Тогда желаю вам удачи, – сказал я.

– Спасибо, мне уже пора продвигаться к выходу, скоро моя остановка, – поезд, сделав во время нашего недолгого разговора остановку, закрыл двери и продолжил свой путь.

«Выходит через пару остановок...» зазвучали в моей голове слова Лолии, когда я смотрел вслед удаляющейся от меня синей рубашке...

Парень вышел, поезд тронулся дальше, а Лолия снова заговорила со мной:

– Если бы ты знал, сколько мыслей промелькнуло у него в голове, когда ты сказал, что видел его где-то. Он вспомнил

всех знакомых в своём городке, всю школу, все клубы и бары, где бывал, но я решила, что безобидней всего будет выбрать место свадьбы его брата, он там так напился, что всё равно никого не вспомнил бы.

Происходящее стало меня увлекать. Чтобы не привлекать внимания, проехав несколько остановок, мы перешли в другой вагон.

И началось... Попеременно с Лолией мы подходили к совершенно незнакомым мне людям, при этом повторялся примерно один и тот же разговор.

– Извините, вы не из Гринвильда.

– Да, – всегда следовал ответ, сопровождающийся удивлённым взглядом.

– Кажется, мы с вами виделись, на вечеринке у Конрадов, вас зовут Зак.

Затем пара слов о вечеринке, быстрое прощание и переход в другой вагон.

– Здравствуйте, вас кажется, зовут Мария?

– Да, – и снова вопросительно-удивлённый взгляд.

– Я видел вас на ежегодном благотворительном вечере полгода назад.

Опять пара слов под руководством Лолии, снова прощание и другой вагон.

Сначала я думал, что существует вероятность того, что Лолия знает этих людей. Но потом я сам стал выбирать жертву для знакомства и на десятом человеке у меня уже отпа-

ли всякие сомнения. Ни Лолия, ни эти люди друг друга не знали. Лолия не допускала ни одной ошибки, больше, чем с десятком совершенно разных людей. Я был потрясён.

Я уже решил, что доказательств больше не нужно, но Лолия сама вошла в азарт и уже не останавливалась. Было видно, что она занимается привычным для себя делом и в этом подземном, полусумрачном мире чувствует себя непринуждённо и свободно, как рыба в воде.

– Вон смотри, сидит старушка. Сейчас она едет за очередным пособием, которое по приезду домой у неё отберёт безработный сын-алкоголик.

При этом тут же она написала в своей записной книжке незнакомый мне адрес, посмотрела на меня, как-то хитро улыбнулась и сказала:

– Отдам полиции, пусть наведаются.

Потом её внимание привлёк один сгорбленный угрюмый худощавый тип в углу. Она долго и пристально смотрела на него, он же казалось, был полностью погружен в свои мысли и совершенно не замечал продолжительного взгляда Лолии. Я ждал объяснений, но их не последовало. Лолия долго напряжённо смотрела на этого человека, потом она довольно улыбнулась, а лицо мужчины при этом вдруг стало более беззаботным, и он с интересом стал разглядывать станцию за окном.

– Что произошло, спросил я?

– Ничего, – ответила Лолия, – я просто работаю.

Я тут же отвлёкся на нового персонажа, им оказался молоденький студент.

– Волнуется, – сказала Лолия, – едет сдавать свой первый проект. В руках парня действительно были свёртки чертежей, – учится в строительном университете на архитектора, – пояснила Лолия.

Я уже не стал ничего проверять, я верил ей.

– А почему твоё внимание привлекают в основном мужчины? – спросил я.

– Потому что среди них, во-первых, больше потенциальных преступников, ради которых я здесь и работаю, а во-вторых, мысли женщин намного проще и считываются быстрее. Ты просто даже не замечаешь, что я работаю одинаково и с женщинами, и с мужчинами.

– И о чём же думают женщины? – поинтересовался я.

– О вас, о мужчинах.

– Что, только о нас? – удивился я.

– Да.

– Я думал они думают о нарядах, о косметике, о детях, о кухне или, наконец, о работе или о деньгах.

– Не стоит судить о мыслях женщин по их разговорам, – ответила Лолия. – Женщины говорят об этом, но их мысли по большей части поглощены только лишь отношениями с интересующими их мужчинами. Планы, как их завоевать, как понравиться, как удержать и наконец, как понять, почему они так с ними поступают, вот о чём они в основном думают.

мают. В уме они плетут интриги, расправляются с соперницами и обдумывают все услышанные сплетни только лишь с одной целью – быть не хуже других и заполучить себе в мужа мужчину своей мечты. Их мысли зациклены на личной жизни.

Я был удивлён. Хотел спросить Лолию, неужели и она такая, но, посмотрев на неё, понял всю нелепость своего вопроса. Она была совершенно другой. Ей не было дела до таких мелочных проблем, как отношения с мужчинами. Она знала нас изнутри. Её голова была занята совершенно иными мыслями, и она служила совершенно другим идеалам.

Лолия улыбнулась.

– Мужчины не лучше, – продолжила она. – Я вижу, что больше половины их мыслей заняты размышлениями над противоположным полом. Только мысли мужчин менее романтичны и намного более приземлённые, нежели у женщин, и мне не доставляет большого удовольствия копаться в них. Первое, что мне приходится считать, поймав на себе взгляд любого мужчины, так эта мысль о том, что он бы меня с удовольствием уложил бы в постель...

Мне стало неприятно. Как эти похотливые животные могут думать так о моей Лолии? Они что не видят на её руке кольца? Нет, я не такой, я не думаю об этом, когда смотрю на проходящих мимо привлекательных девушек. Я думаю... И тут я понял, что лучше об этом не вспоминать. Лолия пристально смотрела на меня, и я всем телом чувствовал, как

она проникает своим взглядом в мой мозг, выхватывая в нём все моменты, когда я пусть и только в мыслях, но мог изменить ей.

– Конечно, больше всего о внимании противоположного пола думают молодые или одинокие люди, – продолжила Лолия. – Мысли тех, кто в браке, зачастую вытесняют уже совершенно другие проблемы. Прежде всего, проблемы быта, денег и воспитания детей. Их мысли становятся однообразными и всё менее интересными. Быт до безобразия упрощает мышление, делая его примитивным и сводя мыслительные процессы к элементарным действиям, – продолжила Лолия и затем уже совсем тихим голосом обратилась ко мне. – Вон, например, сидит женщина, которая едет в недавно открывшийся гипермаркет, чтобы закупить подешевле товаров для всей семьи. Сейчас в её голове мелькают числа... Скидки, цены... Её сейчас интересует любая возможная экономия. Каждый день она думает только о том, как обеспечить пропитанием своё многочисленное семейство.

Я посмотрел туда, куда показывала Лолия. Полная женщина с задумчивым видом расположилась на скамейке вагона. Она была того неопределённого возраста от сорока до шестидесяти лет, который бывает у женщин, обременённых домашними заботами, и только её не совсем ещё потухшие глаза подсказывали мне, что ей, наверно, не больше пятидесяти лет. Буквально через несколько секунд я услышал рядом с ней приветственные возгласы. Это такая же толстуха,

пробравшись через весь вагон, приветствовала свою подругу.

– Здравствуй, дорогуша!

– О, привет!

Озабоченность на лице нашей подопытной сменилась оживлением, и женщины начали свой разговор.

– А я увидела тебя, смотрю ты сидишь, а я вон в ту дверь зашла... Ты куда едешь?

– Да услышала, что новый гипермаркет открылся. Это всего в трёх остановках от меня. Там говорят цены ниже, чем везде. Ты видела рекламу? Говорят, всё намного дешевле.

– А я в последнее время закупаюсь на рынке, там ещё дешевле и выбор побольше, – последовала реплика подруги. У меня же, сама знаешь, сейчас с деньгами не очень...

– Муж пьёт, – тихо пояснила мне Лолия, пристально глядя на женщин. – Как же все они похожи, эти задавленные бытовыми проблемами женщины. Мне постоянно приходится считывать их малоинтересные мысли, занятые только тем, как справиться с насущными заботами. Они уже забыли, что когда-то были молодыми, красивыми и умели мечтать. Все эти женщины так похожи, что они сливаются для меня в один общий образ...

Женщины стали разговаривать о здоровье и жаловаться друг другу на жизнь. В их беседе не было ничего примечательного. Но самое главное, они даже не могли догадываться о том, что их болтовня интересна кому-то ещё... Им было

невдомёк, что двое сидящих напротив них людей следят за их беседой и один из этих людей чётко улавливает не их слова, а их мысли, равно как и мысли всех окружающих...

– Смотри, а вон тоже считающаяся, – отвлекла меня от раздумий Лолия, кивком головы указав на довольно привлекательную, аккуратно одетую, молоденькую блондинку, внешне напоминающую служащую какого-нибудь офиса. – Только не смотри на неё больше секунды, отводи сразу глаза.

Я испугался... Это была обычная девушка, которая вроде бы ничем не выделялась из толпы и только своей хорошей фигуркой и миловидной внешностью привлекала к себе чуть больше внимания, чем основная серая масса окружающих нас людей. Единственное, что делало её слегка непохожей на других, так это – её взгляд. Если остальные пассажиры, погрузившись каждый в свои мысли, уныло смотрели в одну точку прямо перед собой, то эта девушка методично переводила свой взгляд с одного человека на другого. Но это было вполне нормально, и если бы я не знал о считывании, то вряд ли бы обратил внимания на человека, рассматривающего всех вокруг.

– Ты знаешь её? – спросил я.

– Нет, – ответила Лолия. – Нам не за чем знать друг друга. Каждая из нас работает совершенно независимо, а различаем мы друг друга только по мыслям. Она тоже сейчас работает и, поверь мне, для нас будет лучше, если она не узнает, что творится у тебя в голове. Я много тебе рассказала про

считывание, пока ты рядом со мной, ты в безопасности, я смогу тебя защитить, а вот без меня старайся не смотреть в глаза других людей или надевай тёмные очки. Знать о считывающих небезопасно.

– А что они сделают со мной?

– Потом как-нибудь я тебе расскажу, и ты поймёшь, почему о нас до сих пор ещё никто не знает, – замяла эту тему Лолия, посеяв в моей душе первые ростки страха. Я решил пока не поддаваться панике и просто принять вещи такими, какие они есть.

Мы вышли на станцию. Опустевшие после прихода поезда скамейки, стоящие на платформе, тут же заполнились новыми людьми. Был час-пик. Не желая попасть в плотный поток людей, направляющихся к выходам из метро и к тоннелям переходов на соседнюю станцию, мы сделали вид, что ожидаем очередной электрички.

– Скажи, а, наверно, интересно читать чужие мысли? При этом ты, наверно, чувствуешь себя выше всех нас? – неожиданно для самого себя выдал я вопросы Лолии.

Она посмотрела на меня и сказала:

– Раньше мне было это безумно интересно. Я очень многое узнала о людях, поняла ход их размышлений, узнала о тех сокровенных тайнах, о которых принято молчать. Я могла часами просто сидеть и считывать, пока от переполнявших чужих мыслей не начинала раскалываться голова. Но потом, я поняла, что основная масса людей думают однотипно,

всё больше мне стало попадаться похожих мыслей, менялись только имена, названия городов, а проблемы, мечты и желания людей были одинаковыми. Условно всех встречающихся мне на улице я разделила на несколько групп – женатые мужчины, замужние женщины, холостые мужчины-карьеристы, одинокие женщины, мечтающие выйти замуж, подростки, дети, алкоголики и наркоманы. В пределах одной группы эти люди очень похожи, причём не только тем, что твориться у них в голове, но и внешне. Посмотри, вон там сидит мужчина...

Я повернул голову в тот угол, куда кивком головы указала мне Лолия. Там сидел мужчина лет сорока в потрёпанной куртке и мешковатых брюках. Он устало смотрел куда-то в пол перед собой, сжимая в руках потёртую сумку.

– Он думает только о том, как ему не повезло с женой, которая из милой нежной девушки превратилась в злобную старуху, как теперь ему приходится гробиться на работе зарабатывая деньги для своей семьи и не получая никакого удовлетворения от жизни, – продолжала Лолия. – Теперь смотри туда, туда, туда... это всё точно такие же угнетённые жизнью люди.

Я посмотрел, на тех людей, которых показала мне Лолия. Хотя они и сидели в разных концах зала и были по-разному одеты, но их угрюмые задумчивые лица заставили меня поверить в то, что думают они сейчас одинаково...

– Их жизнь проходит, и каждое утро они мечтают о том,

чтобы новый день побыстрее закончился. Они уже ни к чему не стремятся и ни о чём не мечтают, в их головах живут только желания удовлетворить свои насущные потребности. Их единственная радость в том, чтобы забыться и не думать ни о чём. Они живут так по привычке, боясь изменить сложившийся ход жизни. Когда я смотрю на них, – с отчаяньем произнесла Лолия, – мне хочется делать, что угодно, только не быть такими, как они. В эти моменты я мечтаю о том, чтобы наша семья не была похожа на их семьи, чтобы моя работа приносила мне удовлетворение, а рядом был любимый человек, который бы чувствовал возле меня себя счастливым.

Я обнял Лолию, и в этот момент мне показалось, что мне всё равно кто она и что происходит вокруг. В моих руках была любимая женщина, совершенно не похожая на остальных. Мне предстояло постичь всю глубину её души, казавшейся мне уже изведанной и оказавшейся на самом деле такой незнакомой. Ещё в первую нашу встречу я почувствовал, что Лолия особенная. Не знаю как, но почувствовал... Я снова огляделся вокруг. Нет, она никогда не будет такой, как те люди, который окружали нас сейчас...

– Постой, если такое гнетущее впечатление производят на тебя мысли простых людей, то что говорить об алкоголиках, наркоманах? – снова вернулся я к теме чужих мыслей.

– О, – оживилась Лолия. – Таких видно сразу. Полнейшая пустота в голове или в лучшем случае каша никак не связанных между собой мыслей, это когда они под кайфом. А ко-

гда нет, то в их голове всего лишь одна мысль, затмевающая все остальные, стирающая все воспоминания – это мысль о том, как достать новую дозу. Когда я первый раз столкнулась с этим, то сначала испугалась. Я решила, что считыватель сломался. Я не могла ничего считать из памяти человека, насущные мысли представлялись настолько смазанными и невероятными образами, что мне стало страшно. Только позднее, когда я повстречала уже с десяток таких человек, я поняла кто они. Все они почти ничего не помнят о своём прошлом и очень оторваны мыслями от реальности.

– И что ты делаешь с ними? – спросил я.

– Ничего. Жить так – это их выбор. Только иногда, когда я нахожу в их голове преступные планы о том, как достать деньги на новую дозу, мне приходится принимать меры.

Тут же передо мной понеслись образы наркоманов, знакомые мне только по драматическим фильмам. Трудно было поверить, что моей хрупкой Лолии приходится в реальности сталкиваться с этими никчёмными людьми.

– К сожалению, преступления, совершаемые алкоголиками и наркоманами, очень тяжело предотвратить, – продолжила Лолия, – мысли об этом возникают в их головах настолько спонтанно, что мы просто не успеваем их отслеживать. Во все нелепые ситуации они попадают исключительно из-за своего состояния. Напьются, обколются, обкурятся, а потом творят чёрт знает что, при этом в голове как была пустота, так и остаётся, – с досадой сказала Лолия. – Ещё очень

тяжело работать с подростками, – уже спокойнее продолжила она. – Мысли этих ещё совершенно несформировавшихся личностей весьма расплывчаты, а их размышления зачастую лишены всякой логики. Подростки очень легко поддаются чужому влиянию и даже одна свежая фраза или идея, попавшая в их головы, способна перевернуть все их взгляды на окружающий мир. Обладающие нездоровой юношеской агрессией, подростки, не зависимо от пола, способны в один день любить всех и вся, а в другой – мечтают в буквальном смысле убивать всех, кто попадаетея им под руку. К счастью, далеко не всегда они готовы привести свои желания в исполнение, но вот различить, кто среди них реально может совершить преступление, очень тяжело. Слишком уж яркие их дурные мысли, и слишком уж не развито у них чувство ответственности за свои поступки. Им кажется, что ещё вся жизнь впереди и ещё будет время исправить ошибки. Если взрослые люди стараются глушить в себе мысли о преступлении, то подростки с удовольствием развивают в себе подобные мечты. Хорошо ещё, что неконтролируемые выплески эмоций у этих молодых людей помогают им хоть как-то по реакции окружающих оценивать всю нелепость своих размышлений.

Я с удивлением слушал Лолию. Я никогда так глубоко не задумывался над тем, что происходит в головах других людей. Попытавшись вспомнить себя в переходном подростковом возрасте, я понял, что Лолия во многом права.

– Давай поднимемся наверх, я устала, голова начинает болеть, – подняла на меня свои синие глаза Лолия. – Мы как раз недалеко от городского парка, прогуляемся.

Я не стал возражать, тем более меня стало одолевать чувство голода.

Из сумрачного мира толкотни, поездов и станций мы выбрались наверх. Город встретил нас ярким светом. Здесь, наверху, светило солнце и стоял необычайно погожий для этой осенней поры день. Деревья уже сбросили листву и стояли теперь в ожидании прихода зимних холодов. Лолия купила пирожков у продавщицы в маленькой палатке, и мы отправились в парк. Мы шли по жёлтому ковру из опавших листьев, уплетая купленные пирожки и наслаждаясь тишиной и спокойствием утомившейся после лета природы. Рядом гуляли люди, подобно нам, ловя последнее тепло осени.

Какой-то маленький забавный рыжий пушистый пёс с ошейником подбежал к нам. Заискивающе глядя на нас своими добрыми озорными глазами, он весело вилял хвостом, то ли прося чего-нибудь вкусного, то ли приглашая к игре.

– А животные? Ты можешь читать их мысли? – спросил я.

Лолия рассмеялась тем звонки переливчатым смехом, который мне всегда так нравился.

– Нет, для таких чудес я не гожусь. Наверно, только в сказках люди могут понимать язык зверей, а в нашей реальной жизни этого пока никто делать не умеет. Может передача данных у животных ведётся на другой частоте или их гла-

за вообще ничего не излучают, а может быть, у них вообще нет никаких мыслей, но о желаниях животных также, как и остальные люди, я могу догадываться только лишь по их внешним проявлениям. Хотя, – продолжила Лолия, – нашими учёными было выдвинуто предположение, что как раз наоборот животные могут обладать способностью улавливать исходящее от нас излучение, которое передаёт наши мысли. Проводилась даже серия опытов на животных, но затем за ненадобностью таких исследований программу свернули.

– Почему? – удивился я. – Это же ведь очень интересно.

– Да, но бесполезно. Сам понимаешь, даже если животные и умеют воспринимать наши мысли, всё практическое применение их способностей ограничится выполнением ими простейших, отдаваемых нами мысленно команд. В общем, было решено, что подобные способности животных пока тяжело будет использовать на практике, и все усилия были направлены на развитие считывания у людей. Теперь просто считается, что животные, хорошо поддающиеся дрессировке, действительно улавливают наши мысли. Насколько хорошо им это удаётся и за счёт чего, науке пока не известно.

Лолия подошла к краю дорожки и подняла небольшую ветку, лежащую под деревом среди опавших листьев. Она посмотрела на собаку и кинула ветку. Та упала на землю недалеко от нас, а пёс с радостью кинулся к этому месту.

– Собаки понимают нас, – задумчиво произнесла Лолия. – Нет полной уверенности в том, что они улавливают наши

мысли с помощью собственного своеобразного считывателя, но зачастую их поведение очень красноречиво свидетельствует об этом. Слишком часто они понимают наши команды без слов...

Когда пёс подбежал к нам с веткой в зубах, мы услышали рядом довольный женский голос.

– Ты уже играешь, мой ты золотой, – мы обернулись и увидели пожилую женщину.

– Это его хозяйка. Она одинока, а пёс, которого она назвала Чуки, – это единственное создание, которому она посвящает своё время, – успела прошептать мне Лолия.

– Иди к мамочке, Чуки хорошая собачка..., хорошая, – взяв пса на руки, приговаривала женщина.

Глядя своего питомца, она медленно удалялась от нас по дорожке в глубину парка, а я смотрел ей вслед. Чуки, высунув язык, продолжал радостно вилять хвостом.

Я вдохнул бодрящий осенний воздух, ощутив в нём запах уже приближающейся зимы, и ещё раз посмотрел на дивный, словно нарисованный искусным художником, окружавший нас пейзаж. Резные жёлтые листья затейливым узором покрывали всю землю, а деревья своими тёмными стволами буквально разрывали этот толстый жёлтый ковёр, и, устремляясь к небу, накладывали на его прозрачную синеву тончайший рисунок своих переплетающихся ветвей...

– И что, так ты работаешь каждый день? – спросил я Лолию, которая, так же как и я, наслаждалась сейчас приро-

дой, глубоко вдыхая осенний воздух и, слегка зажмурившись, подставляя солнцу своё лицо.

– Да, – ответила Лолия, – а в конце дня люблю приходить сюда, здесь я отдыхаю. Моя работа в газете, это можно сказать моё хобби. Я не хочу тратить свои способности только на слежку, мне нравится ещё и просто наблюдать за людьми, и поэтому я прихожу сюда. Здесь собирается много интересных персонажей, только никто кроме меня не знает, насколько они занимательны. Знаешь, о чём мечтает каждый человек?

– Ну... – я задумался, – наверно, о богатстве и благополучии.

Лолия засмеялась.

– Нет, о славе. Каждый хочет быть знаменитым и каждому человеку кажется, что он уникален, талантлив и неповторим. Даже деньги и богатство для тех, кто их имеет, это тоже, прежде всего, способ выделиться из толпы. Некоторые на своём пути к известности способны идти по головам, выдавая свои ничтожные способности за великий талант или чужие идеи за собственные. Я же выбираю тех, кто по-настоящему интересен и достоин того, чтобы стать знаменитостью. Моя работа в газете даёт возможность писать о таких людях, делая их известными всему городу. Ко мне в редакцию приходит много писем, где люди расхваливают сами себя, но я предпочитаю для поиска героев своих статей использовать свои методы. Я люблю сидеть здесь в парке на скамейке и

выбирать тех, кто заслуживает внимания и чью жизнь действительно может изменить статья в газете. Для многих из тех, о ком я писала, мои статьи оказались счастливыми билетиками в новую жизнь. В жизнь, где они получают внимание, известность и славу, то есть то, о чём мечтали. Кого-то начинают уважать не замечающие раньше коллеги и соседи, кого-то приглашают на новую работу, кто-то начинает путешествовать по миру, а некоторые получают предложения, о которых даже не могли мечтать. Главное, что каждый из героев моих статей начинает представлять интерес для окружающих и получает необходимую помощь и поддержку. Я пишу свои статьи так, чтобы этих людей начинали уважать и ценить, а не подвергали насмешкам или упрёкам. Помнишь человека, который выкладывал картины из макаронных изделий?

Я всегда был почётным первым читателем статей Лолии. Ценил и уважал её работы, я всегда находил время для обсуждения с ней её очерков, и поэтому все они откладывались в моей памяти. Без труда я вспомнил ту статью и фотографии картин, которые были выложены человеком из самых разнообразных сортов макарон. Это были пейзажи, натюрморты и даже портреты.

– Так вот, – продолжила Лолия. – Ведь он очень долгое время стеснялся своего увлечения, а после моей статьи его картины стали украшать лучшие кафе и рестораны города. Его работы стали пользоваться популярностью, и теперь он

делает их на заказ, для украшения квартир обеспеченных граждан. Подобный успех получили работы другого человека, о котором я написала. Сейчас открывается выставка коллажей, которые этот человек делает из мельчайших кусочков вырезанных из журналов фотографий.

Я вспомнил эти работы. Материалом для них служили фотографии из гляцевых журналов. Разрезанные на кусочки размером не больше трёх миллиметров, они становились сырьём для создания новых огромных коллажей. Их автор, подбирая по цвету необходимые кусочки, кропотливо выкладывал ими как красками свои картины. Его техника поражала своей уникальностью и требуемым для создания подобных произведений терпением.

– А ведь те люди, которым он раньше показывал свои работы, его друзья, соседи и знакомые, считали, что он просто понапрасну тратит свои силы и время. Для них не имело смысла то, что не приносило денег. Никто его не понимал и не поддерживал, а он продолжал заниматься любимым делом. Теперь же этот человек получает за своё мастерство больше денег, чем все его знакомые вместе взятые, – с гордостью в голосе сказала мне Лолия.

– Значит ты у меня добрая фея? – улыбнувшись, спросил я. – Фея, которая сидит на лавочке и ждёт того, ради кого она взмахнёт волшебной палочкой и изменит его жизнь.

– Да, это я, собственной персоной, – Лолия шутливо поклонилась и засмеялась, – а вот и моя волшебная палочка, –

она достала из сумочки ручку, а затем блокнот.

– А самой тебе разве не хочется славы? – спросил я. – Напиши о том, что ты умеешь считывать мысли. Представляешь, какой начнётся переполох?

Лолия укоризненно посмотрела на меня.

– У меня достаточно способов получить известность, сохраняя свои способности считывания в тайне. Всё ещё впереди. Пока же мне нравится заниматься тем, что я делаю, – ответила она мне. – После каждого дня я пытаюсь освободиться от всех чужих мыслей, которые считала за день, иначе голова начинает просто разрываться на части от переполняющей меня информации, но самые нужные мысли я всегда записываю. Самые настораживающие и тревожные факты идут в отчёты для органов безопасности, а самые интересные и забавные – для статей в журнале.

Вот так... Так всё просто. Рядом со мной живёт совершенно уникальный человек, а я об этом даже не догадывался. Я не догадывался, что где-то рядом ходят ещё пять миллионов вот таких же волшебниц, которые каждый день читают чужие мысли и распоряжаются ими по своему усмотрению. Так всё просто, фантастично и ужасно.

– А что все остальные считывающие, они тоже где-то работают и тоже куда-то пишут наши мысли?

– По-разному, – начала Лолия. – Официально большинство из нас состоит на государственной службе, подобно полицейским и военным. Хотя, правильнее нас было бы срав-

нивать с секретными службами или органами шпионажа. Мы работаем на правительства различных государств. Нашей основной работой является наблюдение за гражданами и предотвращение преступлений. За неё нам очень хорошо платят, кроме этого, подобно прочим государственным служащим, мы имеем многочисленные льготы и состоим почти полностью на попечении государства. В силу некоторых обстоятельств, вернее, по состоянию здоровья, мы не можем вести наблюдение более шести часов в сутки. Наш человеческий мозг имеет огромный, но всё-таки ограниченный объём памяти и пока его никакими способами не удаётся расширить. После шести часов напряжённой работы по считыванию память переполняется, это вызывает сильные головные боли, и вести работу в таком состоянии уже не представляется возможным. Всё оставшееся время мы можем посвящать другим занятиям. Это даже приветствуется, когда мы дополнительно ещё где-нибудь работаем, потому что тогда не возникает никаких подозрений о том, что мы ведём другой, скрытый от глаз окружающих, образ жизни. Каждый из нас имеет возможность выбрать занятие по душе, государство оплачивает наше обучение выбранным специальностям, и после этого мы, ничем не отличаясь от других людей, так же ходим на обычную работу.

– И при этом вы все обязаны до конца жизни работать на правительство?

– Нет, – к моему удивлению ответила Лолия, – некоторые

из нас по истечении оговорённого в договоре срока начинают заниматься частной деятельностью.

– Как это? – снова удивился я. – Они продолжают заниматься считыванием? Значит, есть агентства, в которых оказывают услуги по считыванию мыслей.

Лолия улыбнулась.

– Нет, конечно, таких агентств существовать не может. Это бы означало, что технологию считывания пришлось бы придать огласке. Представляешь, какая паника началась бы тогда? Вывески с надписью: «здесь оказывают услуги по считыванию мыслей», вряд ли будут способствовать поддержанию порядка. Такие технологии нельзя полностью коммерциализировать, потому что, попав в руки тех же преступников, они подорвут общественный порядок. Не зря в настоящее время в качестве считывающих используются, в основном, женщины, которые по своей природе больше поддаются контролю, нежели мужчины. Наши врождённые страх и ответственность позволяют сохранить технологию считывания в секрете. Тем не менее, многие сильные мира сего знают о нас и предпочитают иметь при себе постоянного считывающего. Обычно он, вернее в большинстве случаев «она», занимают пост советника, секретаря или переводчика. Однако основной обязанностью такого человека является считывание мыслей всех, кто попадает в поле их зрения. Естественно, удовольствие это очень дорогое, поэтому далеко не каждый высокопоставленный чиновник или бизнесмен может

позволить себе иметь в своём штате считывающего, однако сам понимаешь, все подобные затраты окупаются с лихвой. Мало того, что охраняемый получает очень мощное средство в борьбе за свою безопасность, ведь все попытки хоть как-то на неё покуситься становятся известны уже в момент зарождения их в чей-либо голове, так ещё он получает и огромное преимущество перед конкурентами, если, конечно, они в своём арсенале тоже не имеют считывающего. Знать планы и замыслы противников – это ведь самое главное в борьбе за власть, деньги и могущество. Умение украсть чужую идею, воплотить первым чей-то план и быть всегда на шаг впереди всех – это дорогого стоит. Считывающие, работающие с такими людьми постоянно сканируют чужие головы и докладывают обо всём своим работодателям, получая взамен шестизначные суммы на свои личные счета.

– Это же незаконно? – попытался возразить я.

– Не забывай, что нет закона, регламентирующего применение считывания, – ответила мне Лолия. – Обществу вообще ничего не известно о считывании. Нельзя прописать в законе то, чего формально пока не существует. Представь себе судебный процесс, где будет заявлено, что информация была украдена с помощью проникновения конкурентов в чужие мысли. Это будет выглядеть просто нелепо и смешно.

Мне стало не по себе.

– И правительства это разрешают?

– А что им остаётся делать? Считывающие нужны им.

Эта технология используется всё в больших и больших масштабах. Но не стоит бояться частных считывающих. Их ещё очень мало, а срок, который мы предварительно должны отработать, чтобы получить разрешение на частную деятельность, довольно велик.

– А что происходит с теми, кто всё-таки его отработал? Все идут в частные считывающие? Ты тоже хочешь потом заняться при ком-нибудь частной практикой? – спросил я.

– Многие из нас, те, чьё здоровье позволяет отработать необходимый срок, – с тоской в голосе пояснила Лолия, – предпочитают удалить из головы считыватель.

– Как удалить? Я думал, обратная операция невозможна, – воскликнул я.

– Возможна, и многие из нас по истечению срока контракта предпочитают проделать эту операцию. Большинству считывающих здоровье не позволяет продолжать и дальше носить в себе считыватель. С каждым годом у любого считывающего растёт не только его мастерство в распознавании чужих мыслей, но и увеличиваются боли. Я не думала ещё о том, что будет со мной по истечению срока службы, указанного в договоре, до этого дня ещё очень далеко. В любом случае, после удаления считывателя мне будет трудно вернуться к обычной жизни. Я не представляю, чем буду заниматься без считывателя, и как смогу жить, не имея возможности читать мысли встречающихся мне людей. Для меня удалить считыватель – это всё равно, что ампутировать руку или но-

гу. Я смогу жить, но, наверно, буду чувствовать себя неполноценной. Я слишком привыкла к этому маленькому прибору и к тому образу жизни, который веду благодаря ему.

Мы прошли по главной аллее парка и сели на скамейку.

– Скажи, все считывающие работают только на улицах и в метро? – поинтересовался я.

– Нет, далеко не все. Всё зависит от заданий и мастерства считывающего. Работа на улицах – это самый высокий уровень, которого может достичь считывающий. Она требует наибольшего опыта и умения, потому что приходится считывать мысли огромного количества людей. У каждого из них своё мышление, свои способы излагать эти мысли и тут требуется особое мастерство, чтобы в самое короткое время суметь настроиться и правильно истолковать эти мысли. Начинающие считывающие в основном работают с одним человеком или небольшой группой людей. Обычно, они внедряются к наблюдаемому в его ближайшее окружение или устраиваются к нему на работу, а потом просто методично день ото дня считывают мысли. Я тоже так начинала.

– И у кого же ты работала?

– Я была секретарём у одного высокопоставленного чиновника, подозреваемого во взяточничестве. Наверно, излишне говорить, что сейчас он уже давно за решёткой, – улыбнулась Лолия и пустилась в воспоминания. – Это было моё первое задание. Я тогда только прошла подготовительные курсы и после выхода из больницы получила назначение

в столицу. Мне дали только адрес и имя человека, с которым мне предстояло работать. Для меня это стало хорошей начальной школой. До меня этот чиновник был уже заподозрен во взяточничестве, но фактов для его ареста не было. Сначала мне предстояло завоевать его внимание, потом устроиться к нему на работу, заставив уволить предыдущую секретаршу, а затем я день ото дня наблюдала за ним, считывала его мысли и собирала нужные факты. Сейчас, благодаря моей работе, этот человек уже в тюрьме.

– Ты занималась слежкой? – с пренебрежением воскликнул я.

– Считывание – это не слежка или шпионаж, это совершенно иное, – ответила Лолия. – Мне не надо постоянно находиться рядом с нужным человеком, не надо выслеживать его из-за угла, не надо скрываться от него и прятаться. Я веду абсолютно открытый образ жизни, однако мне становится известно об этом человеке намного больше, чем обычному детективу. Вернее, я узнаю о человеке всё. Я знаю где он бывает, что делает, с кем общается, где хранит деньги, знаю даже все его пароли и секретные коды доступа. Самое главное, это просто побольше видеть человека, ловить его взгляд и учиться правильно считывать его мысли. Всё, что от меня тогда потребовалось, так это просто ходить на работу в нужное учреждение и, считывая мысли своего начальника при каждой нашей встрече, собирать необходимую информацию и составлять отчёты для своего руководства. Всё остальное

происходило уже без моего участия. По моим отчётам правоохранительные органы собрали необходимые улики, опросили свидетелей. А потом... Этот человек понёс заслуженное наказание.

– И тебе не пришло в голову самой шантажировать его той информацией, которую ты собрала? – прервал я Лолию. – Что мешает считывателям в своих интересах воспользоваться чужими тайнами?

– Ничто не мешает, – ответила Лолия. – Так же, как и психологу ничто не мешает воспользоваться, тем, что рассказывают ему пациенты на приёмах или священнику ничто не мешает нарушить тайну исповеди. Это просто вопрос профессиональной этики и личной морали. Да и зачем считывающему портить себе репутацию, когда судьба даёт ему такие уникальные возможности и открывает двери в совершенно новый мир. Зачем мне вымогать с кого-то деньги, если я за три секунды могу узнать все электронные коды доступа к его счетам. Я могу в любой момент перевести необходимую сумму с его счета на свой, и никто об этом не узнает... Кроме тех людей, кто также, как и я, умеет считывать мысли. Не стоит забывать, что мысли считывающих также доступны для считывания и глупо надеяться на то, что руководство погладит по голове за злоупотребление нашим служебным положением и пренебрежением должностными инструкциями. У нас каждый следит за каждым, все под контролем. Наша работа высоко оплачивается не для того, чтобы мы, поддавшись со-

блазну, пользовались чужими тайнами.

– А что будет с теми, кто всё-таки использует считанную информацию в своих преступных целях? Их отстранят от работы?

– Считывающих не отстраняют, – отрезала Лолия. – Никто не позволит нам не работать, мы слишком ценны. В каждого из нас вложены слишком большие средства, которые мы должны отработать. Мы стараемся не нарушать должностные инструкции, осознавая, что в прямом смысле физически зависим от своих работодателей. Те лекарства, которые необходимы нам для жизни, невозможно купить в аптеке, а профилактика и наше лечение возможно только в специальных клиниках. Нам проще хорошо выполнять свою работу, получая за это различные льготы и поощрения, чем идти на конфликты с руководством и, хотя бы на один день, в качестве наказания, остаться без необходимых лекарств. Хотя, сам понимаешь, если кто-нибудь захочет злоупотребить своим служебным положением, то никакой контроль и страх перед наказанием его не остановят.

– А кто твоё руководство? Ты видела этих людей? – спросил я.

– Нет, – ответила Лолия. – Вся связь с ними осуществляется через собственные закрытые электронные каналы обычного интернета. Никто из считывающих не знает, как выглядят люди, являющиеся нашими начальниками, однако мы общаемся с ними практически каждый день. Пока моя ра-

бота не вызывает подозрений, контроль за мной минимален, если же я допущу оплошность, не выполню задание или каким-либо другим образом подведу своих работодателей, то начнутся многочисленные проверки. Однако даже в этом случае я вряд ли увижу своих руководителей, в проверках будут участвовать только другие считающиеся и наши врачи.

Я молчал. Трудно было представить, что в этом мире нас повсюду окружают внешне ничем не отличающиеся от нас люди, каждую минуту наблюдающие за нами, и не просто наблюдающие, а проникающие в наши мысли и сознание. Ведь вот взять хотя бы этого чиновника... Он же даже не догадывался о том, кем на самом деле является его новая секретарша. Он и подумать не мог о том, что эта милая девушка каждый день проникает в его мысли, донося обо всём, что ей становится известно, в соответствующие органы. Он был уверен в том, что ему ничего не угрожает, что его проступки скрыты от всех, что ему удаётся утаивать все свои делишки. А на самом деле он был под колпаком у невидимой, ничем не ощутимой силы...

Это считающиеся... На них лежала ответственность за то, как распорядиться всеми собранными данными и судьба любого человека, по большому счету, зависела исключительно от их желания. Не только преступников, а всех, кто попадался им на пути... Даже если я не замышляю ничего плохого, не имею в голове дурных мыслей, то где гарантия того, что

какой-нибудь считавающий не оклеветает меня или не воспользуется моими секретами, моими идеями или мои паролями к личной информации. По моей спине пробежал лёгкий холодок...

– Это же ужасно, – прошептал я.

– Возможно, – спокойно глядя на меня, произнесла Лолия, – но такова жизнь.

На мгновение я попытался представить, как это, быть считающим... Представил и испугался спокойствию Лолии.

– Как же тебе удаётся не запутаться в этом потоке чужих мыслей? Это же огромный объем информации! Ты можешь перепутать какой человек о чём думает. Ты можешь приписать кому-то чужие мысли. Ты можешь подставить невиновного человека...

– Не могу, – прервала меня Лолия. – У меня хорошая память, подобных случаев со мной не бывало.

– А ты сама?.. Ты сама в этом водовороте не боишься потерять своё собственное «я»?

– Нет, не боюсь, – спокойно ответила Лолия. – Ты же не боишься лишиться собственных мыслей, например, при чтении новой книги. Для меня все люди – это обычные открытые книги. Я узнаю их мысли и ненужные просто выбрасываю из головы. Чужие мысли пишутся в свободные ячейки моей памяти, а не вытесняют из головы мои собственные воспоминания. Я остаюсь прежним человеком, который просто со стороны наблюдает за другими людьми...

Я сидел на скамейке в парке и смотрел на неторопливо проплывающие мимо меня парочки, случайных прохожих, гуляющих на свежем воздухе детей. А ведь все они даже не догадываются о том, что их мысли, их желания, их воспоминания, с лёгкостью могут считать те особенные люди, которые находятся среди нас. Они незримы, неприметны, они такие же, как мы... Нас повсюду окружают считывающие, способные за несколько секунд проникнуть в наш разум, узнать все наши самые сокровенные тайны, добраться до глубин сознания. Я понял, что мне открывается новый, совершенно непознанный, незнакомый мне мир. Мир, в котором не было ничего личного, ничего скрытого, всё было ясно и абсолютно прозрачно. Внешне этот мир был для меня таким обычным и знакомым, но открывающаяся мне правда делала его пугающе-чужим. Надо мной было привычное небо, под моими ногами была привычная земля, вокруг росли привычные деревья, вот только люди..., все люди казались мне теперь иными. Одни из них, такие как Лолия, с лёгкостью считывали все наши мысли, не оставляя ни малейшего шанса утаить что-либо от их всевидящих глаз, другие же, такие как я, были полностью безоружны перед ними. Мой мозг – хранилище всех моих знаний, мой инструмент для размышлений, мой... Мой мозг предательски позволял впустить в него посторонних. Я был беззащитен... Я ещё раз огляделся вокруг и молча опустил глаза.

Я сидел на нашей кухне дома. Лолия задерживалась сегодня в редакции. После того, как я посмотрел на её работу в метро, у меня уже не оставалось сомнений в том, что она умеет считывать мысли. В тот день мы выбирали совершенно случайных попутчиков, людей разного пола и возраста, и результат был неизменно потрясающим. Она не просто угадывала их мысли, она озвучивала их с поразительной точностью. Это означало только одно, она действительно знала, о чём думают все эти люди. Теперь я ещё больше был склонен верить всему тому, что всё рассказанное Лолией о считывании – правда. Я не знал толком, как работает этот прибор, но главное – он работал. Работал безотказно, позволяя своему хозяину проникать в самые сокровенные уголки чужого сознания. Я до сих пор не мог поверить в то, что в наше время такое возможно. Несмотря на свою образованность, я не знал, что современная наука достигла такого высочайшего уровня. Вполне вероятно, что весь процесс считывания до конца не был известен даже тем учёным, которые придумали считыватель. Люди, зачастую, извлекают практическую выгоду из научных открытий, полностью не зная природы вещей, не докапываясь до сути и не задумываясь обо всех возможных последствиях. Меня не удивляло то, что ни от кого я не слышал о считывании. Такие данные не могли быть нигде обнародованы. Как и всегда, власть имущим было проще, оставив всё в тайне, пользоваться безграничными возможностями, открывающимися для них в мире, где каж-

дая мысль любого человека будет им известна. Даже страшно было представить, что началось бы, если бы все узнали о возможности считывать чужие мысли. Это только породило бы множество этических, психологических, социальных и политических проблем. Как всегда, нашлись бы сторонники и противники технологии считывания, которые в своих интересах растравливали бы общество, раскалывая его пополам. Но меня сейчас больше заботило другое. Мои мысли, вряд ли, смогут вызвать у кого-то большой интерес, я не думаю ни о чём преступном, и мои планы не представляют угрозы ни для кого в обществе, разве что для кое-каких моих мелких недоброжелателей, которые вряд ли будут пытаться разгадать мои замыслы. Но вот как дальше жить с женщиной, которая ежедневно сканирует мой мозг? От которой у меня не может быть секретов, которая каждую секунду знает, что твориться у меня в голове. Я не собирался думать о чём-то плохом, но сам факт того, что у меня не остаётся ничего личного, даже мыслей, пугал меня. Это сродни тому, что кто-нибудь без моего спроса из пустого интереса залез бы в мой компьютер и стал ковыряться в моих файлах, рабочих документах и переписке. Ничего компрометирующего, скандального и вызывающего этот человек не нашёл бы. Но сам факт! Мне было бы просто неприятно, что кто-то без моего разрешения вторгается в моё личное пространство. Тревожные вопросы продолжали мучить меня. Хватит ли у считывающих мастерства, чтобы разобраться в моих мыслях? Да

и где гарантия того, что всё считанное ими будет истолковано правильно, и не будет каким-либо способом направлено против меня. Считывающие сознательно или нечаянно могли исказить информацию о любом человеке, выставить его не в лучшем свете и навести не наго ложные подозрения. И им бы поверили. Ведь они – считывающие, значит, они знают правду. Не было никакой гарантии того, что считывающие не употребят всё, что им становится известно о людях, в своих целях. А если вдруг Лолия когда-нибудь обидится на меня или захочет за что-нибудь отомстить? Что будет со мной тогда?.. Хотя, с другой стороны, ведь получается, что Лолия и раньше, с самого первого дня нашего знакомства, с самой первой секунды, знала всё, о чём я думаю. Ещё в первую нашу встречу я был потрясён необыкновенной красотой её глаз, их притягательностью и глубиной. Оказывается, всё это было искусственно. Она и раньше читала все мои мысли, только я об этом не знал. Считывание помогало ей понимать меня, мои поступки и слова. Там, в моей голове, она отыскивала образ идеальной женщины, которую я бы хотел видеть своей женой. Ей удалось стать моей мечтой наяву. За всё время, которое мы были знакомы и жили вместе, я ни разу не видел Лолию злой, потому что и не хотел её видеть такой. Мы ни разу не ссорились, потому что я этого не хотел. Ни разу ни одна моя идея не вызвала у неё непонимания, а только наоборот, я получал поддержку и нужные советы, которые помогали мне достигать всё больших жизнен-

ных высот. Даже в бытовых мелочах Лолия старалась делать всё, чтобы радовать меня. Она готовила мои любимые блюда, она наполняла мою жизнь яркими событиями, она создала неповторимый уют в нашем доме, она подолгу беседовала со мной вечерами, она сотворила вокруг меня тот бесценный мир, наполненный любовью и вниманием, о котором я всегда мечтал. И это всё, благодаря считывателю!.. Вот почему мне всегда было так хорошо с ней в постели. Она тонко улавливала все мои желания, а истинной причиной этому было то, что она постоянно забиралась в мои мысли и поэтому всегда точно знала, чего я хочу. В такие минуты мне не надо было произносить слов... Лолия была несравнима с теми женщинами, которых я знал раньше. Лолия понимала меня! Она чувствовала меня, каждый мой жест, каждый мой вздох. Я любил её, потому что её нельзя было не любить! Проникая в глубины моего сознания, она знала, какой я хочу её видеть. Будь на моём месте кто-нибудь другой, он бы тоже не смог не влюбиться в такую женщину. Моя жена была идеальна, потому что, зная мои мысли, она не меняла меня, она менялась сама. Почему же что-то должно измениться теперь?..

Я услышал звук открывающейся входной двери. Это вернулась моя Лолия.

Глава 4. Открытия

Наша жизнь потекла в привычном ритме, с той лишь только разницей, что всё окружающее стало представляться мне в совершенно новом свете.

Как-то Лолия пришла вечером в мой офис. Она и раньше иногда заходила ко мне на работу в конце дня, чтобы потом вместе со мной проделать путь домой. Теперь я спешно собирался, а Лолия из-за моей стеклянной перегородки наблюдала за остальными сотрудниками офиса.

Сегодня я уходил раньше всех. Ровно в семь часов вечера мы с женой вышли из моего кабинета. Надо же, даже Тереза, которая обычно убегала с работы первой, была ещё на месте. Я попрощался с ней, когда она, собираясь домой, подправляла перед уходом макияж. Та, посмотрев на нас, слегка смутилась и опустила глаза. Я стал думать о том, как Тереза сейчас побежит к своему сыну. Она рассказывала о своём забавном мальчишке, которому было всего четыре года. Днём с ним сидела её сестра, а по вечерам Тереза иногда отпрашивалась у меня пораньше, чтобы побыстрее вернуться домой и освободить на вечер сестру. Как бы и мне хотелось возвращаться домой, и слышать там радостный детский гам. Я бы с удовольствием проводил время со своими детьми. Вечерами мы бы играли с ними в те игры, которые я помнил с детства, а перед сном я читал бы им добрые детские сказки.

В выходные мы бы водили их в парк с аттракционами или в цирк... Муж Терезы наверняка очень счастливый человек...

Меня отвлек взгляд Лолии, который я почувствовал на себе.

– А ты знаешь, любимый, что Тереза отпрашивается у тебя не для того, чтобы побыстрее вернуться к сыну, – прервала меня Лолия.

– Для чего же тогда? – опешил я.

– Она встречается в эти дни с другим мужчиной, – огорошила меня Лолия.

На секунду я потерял дар речи. Все мои предыдущие размышления о семейной идиллии, были разрушены всего лишь одной сказанной Лолией фразой.

– Нет, этого не может быть, – попробовал возразить я. – Я видел её мужа, он приходил как-то, когда мы всем отделом отмечали какой-то праздник. На меня он произвёл впечатление очень хорошего человека...

– Однако Тереза изменяет ему, – сказала Лолия. – Ты можешь проверить это.

Лолия тут же достала из сумочки блокнот, написала в нём что-то, оторвала этот листик и протянула мне.

– Это адрес Терезы, можешь проверить его в вашем отделе кадров, а здесь – название кафе, в котором Тереза встречается со своим любовником. Когда в очередной раз она отпросится у тебя, просто посмотри, куда она пойдёт.

Я держал в руках листок и не мог поверить, что вот так

просто и быстро должно измениться моё представление о человеке.

– Откуда же ты знаешь это? – спросил я и тут же понял всю нелепость своего вопроса. Считывание – это то, что позволяло за пару секунд разоблачить любого.

Лолия посмотрела на меня и не стала отвечать.

Я возвращался домой по вечернему городу, чувствуя себя разбитым и подавленным. Я плохо знаю окружающих меня людей – вот, что я вынужден был признать сегодня. Весь мой опыт, все мои знания психологии, все попытки изучить тех, кто существовал рядом со мной, не стоили и ломаного гроша. Я верил тем, кому не следовало верить. Я доверял тем, кто был способен предать. Я был уверен, что хорошо разбираюсь в людях... Но Лолия... Моя жена в сотни раз лучше меня знала тех, кто был со мною рядом. Конечно, Лолия оказалась права. Не знаю, с какой целью я отправился за Терезой, когда та в очередной раз попросила меня отпустить её пораньше. Я хотел проверить Лолию? Нет, в её способностях я уже не сомневался. Хотел убедиться в том, что милостивая женщина, рассказывающая всем на работе о своей семье способна изменять мужу? Нет, я знал, что подобное случается. Наверно, мне просто захотелось увидеть своими глазами, как люди обманывают. Обманывают на каждом шагу, предавая даже в мелочах. Ну зачем Терезе нужно было врать мне? Я был абсолютно чужим для неё человеком,

которого не касались её личные дела. Неужели нельзя было, хотя бы не описывать мне то, как она счастлива в браке? Не рассказывать мне сказок о чудесной семье? Как это подло, прикрываться своим маленьким сыном для того, чтобы изменять мужу. Я был зол... Может быть, люди просто не могут не врать? Видимо, такова природа человека – обманывать, скрываться и предавать. Это результат естественного отбора, который происходил веками. В природе всегда выживали только те особи, которым лучше всего удавалось приспособиться к условиям окружающей среды. Так и у людей, в развивающемся обществе выживали только те люди, которые лучше всех умели притворяться. Говорить правду или поступать так, чтобы потом не приходилось врать – всегда было сложно и небезопасно. Вот и теперь у людей не хватает смелости быть честными друг с другом, а может быть до настоящего момента ни у кого просто не было такой необходимости. Ну что ж... Изобретение считывателя, похоже, положит конец этому. Всё тайное когда-нибудь становится явным, а при считывании ничего тайного не остаётся вообще. Да уж... Если бы люди знали, что все их мысли известны..., то они бы наверняка бы что-нибудь выдумали в ответ. Обман... Он живёт у них в крови. Они научились бы запутывать себя, других, свои собственные мысли и умудрились бы перехитрить даже считывающих, выдавая в уме желаемое за действительное и наоборот. Но пока люди о считывании ничего не знали. Одним это помогало находиться в счастливом

неведении и думать, что их дела и поступки можно скрыть, другим же позволяло безошибочно узнавать правду...

Я видел, как Тереза зашла в кафе, и сев за столик в углу зала, я смог хорошо разглядеть её спутника. Он не был её мужем...

Когда я вернулся, Лолия была уже дома.

Она посмотрела на меня и не стала ничего спрашивать. Конечно, она сразу поняла, где я был.

– Почему люди изменяют друг другу? – коротко спросил я.

– Причины могут быть разными, – спокойно ответила мне Лолия. – Тереза слишком рано вышла замуж и родила ребёнка. Через пару лет после свадьбы у неё стало складываться ощущение, что она не увидит в жизни больше ничего, кроме пелёнок и кухни. Несмотря на хорошее отношение к ней со стороны мужа, её стала пугать мысль о том, что всю жизнь ей придётся провести с одним человеком. Ей стало скучно, захотелось романтики и новых отношений. Поэтому, когда в её жизни случайно появился мужчина, проявивший к ней интерес, она решила получить те ощущения, которых ей не хватало в спокойной семейной жизни, и с головой кинулась в новый роман.

– Откуда ты знаешь всё это? – удивился я.

– Мне было достаточно одного беглого взгляда на Терезу, чтобы считать с неё эту информацию, – сказала Лолия.

Вот так, в один миг становились известны все тайные по-

ступки людей и их причины тем, у кого в голове установлен считыватель.

– Я хочу знать всё об остальных своих сотрудниках, – выпалил я.

– Хочешь пожить так, же как я? – грустно улыбнулась Лолия. – Слышать одно и знать, что в мыслях у людей совершенно другое.

– Не хочу, чтобы меня обманывали, – угрюмо отрезал я.

– А вот муж Терезы наверняка бы предпочёл бы быть обманутым, сохраняя привычный для него уклад жизни, чем узнать правду и стать перед необходимостью принятия трудного решения, касающегося судьбы, по меньшей мере, трёх человек – его, жены и их сына. Большинство людей не любят принимать решения, им приятней мнимые покой и стабильность. Ты не представляешь, насколько тяжело знать правду, и какая ответственность ложиться на того, кому всё-таки она становится известна. К тому же ни ты, ни я не имеем права, зная истинные мысли людей, выдавать себя или вторгаться в чужую личную жизнь.

– Я не хочу, чтобы меня обманывали мои сотрудники, скрывая от меня свои настоящие «лица». Ты не понимаешь... Подобно тому, как человек обманывает своих близких людей, свою семью, он может подвести меня и на работе, – не унимался я.

– Если что-то человек от тебя утаивает, это ещё не значит, что он тебя обманывает, – укоризненно сказала Лолия. – Де-

ловые отношения сильно отличаются от дружеских или каких-либо других. Они строятся по совершенно иным правилам. Например, какое тебе дело до того, что Мартин встречается не с подругой, а с женщиной...

– Что???... – воскликнул я. – Как это, какое дело! Ведь это же значит, что он...

– Ну и что, – перебила меня Лолия. – Это как-то скажется на вашей работе? Или скажется на ваших отношениях, которых нет? На личные темы вы общаетесь не больше минуты в неделю, так какое тебе дело до того, что своей сексуальной ориентацией он отличается от тебя?

Я задумался.

– Если бы ты знал, как часто мысли людей отличаются от их слов и поступков, – продолжала Лолия. – Поверь, у каждого человека есть своя тайна и каждый имеет право скрывать кое-что от других. Я, наверно, уже просто привыкла и не обращаю на это никакого внимания, всегда видя перед собой, прежде всего то, что твориться в голове человека. Я, пожалуй, даже не слушаю то, что мне говорят люди, а просто считываю в это время их мысли. Для меня самое главное – выявлять мысли о преступлениях, а всё остальное остаётся на совести каждого конкретного человека. Ложь – это всего лишь противоположность истине. Она не плоха и не хороша. Обман не страшен сам по себе, губительными могут быть его последствия, так же, как и непоправимыми могут оказаться последствия правды. Иногда, проще скрывать истин-

ные мысли, чтобы предотвратить конфликт. На этом основано искусство дипломатии. Или... Ты не задумывался, что, например, нас не возмущают правила этикета и вежливости, которые на самом деле позволяют людям скрывать своё истинное отношение друг к другу. Как бы ты в душе не относился к человеку, при встрече с ним ты будешь пожимать его руку и улыбаться ему, не задумываясь о том, что это неправильно. Вести себя именно таким образом тебе выгодно и удобно, к тому же, так поступают и все остальные окружающие тебя люди, и ты даже не отдаёшь себе отчёта в том, что это обман.

– Ты оправдываешь ложь? – удивлённо спросил я.

– Нет, я просто принимаю её, как факт, – ответила Лолия. – Я проще отношусь к обману, потому что меня вообще невозможно обмануть, ведь я знаю то, о чём думают люди. Эта информация достовернее их слов и действий.

Я попробовал представить себя на месте Лолии и невольно позавидовал ей. Она могла составлять безошибочное мнение о людях. В мире, в котором она жила, не существовало даже самого понятия неправды.

Всё меньше и меньше оставалось у меня сомнений в возможностях моей жены считывать чужие мысли. Всё больше и больше открывались мне чудеса считывания.

Мне вспомнился случай в торговом центре. Как-то в выходные мы с Лолией выбрались за покупками. Накупив про-

дуктов на неделю и сложив их в машину, мы расположились за столиками в большом кафе на третьем этаже здания, чтобы перекусить перед дорогой.

Пока я был увлечён поглощением аппетитной пиццы, внимание Лолии привлекла толпа людей, собравшаяся перед расположенными недалеко от нас детскими игровыми автоматами. Она отправилась туда, а я поспешил за ней.

В центре собравшихся оказался маленький мальчик, лет трёх, который ревел тем безутешным детским плачем, который всегда возвещал о наступившем настоящем детском горе, связанным не с простой прихотью, а с чем-то более серьёзном. Периодически он останавливался и, всхлипывая и потирая свои большие серые глаза, оглядывал окружающих. Затем плач продолжался с новой силой, привлекая к себе внимание всё большего количества зрителей.

Рядом с мальчиком суетился охранник торгового центра, по вопросам которого я понял, что парнишка потерялся. Громко выкрикивая: «Чей это мальчик?», охранник пытался отыскать в толпе его родителей. Никто не отзывался, а мальчишка продолжал выть. Догадавшись, что в толпе нет никого, кто бы знал паренька, охранник стал приставать с вопросами к самому мальчишке, но тот смотрел на всех огромными испуганными глазами и молчал. Сердобольные женщины, пытаясь помочь охраннику, стали тоже приставать к мальчишке, чем вызвали ещё большие приступы плача. Мальчик не произносил не слова, а только ревел.

Не известно, сколько бы ещё это всё продолжалось, если бы не моя Лолия. Она пробралась сквозь толпу и села на корточки перед мальчиком. Он посмотрел на неё, надеясь увидеть перед собой знакомое лицо, а потом снова стал всхлипать. Этого короткого детского взгляда Лолии было достаточно.

– Ну что же ты плачешь, – еле слышно произнесла Лолия. – Ты ведь знаешь, кто ты и где живёшь.

Потом она встала и уже громче обратилась к охраннику.

– Я видела, как этот мальчик заходил в торговый центр с женщиной в сером пальто, а потом видела их в отделе с одеждой. Наверно, его мать до сих пор там. Я немного знаю их семью, вот на всякий случай вам их адрес, – и Лолия, написав что-то на листке бумаги, протянула его удивлённому охраннику. – Ещё я написала вам имена мальчика и его матери, вы можете объявить их по громкой связи.

Не дав никому опомниться, она поволокла меня к выходу.

Когда мы оказались в машине, Лолия сказала:

– Извини за то, что нам так спешно пришлось покинуть торговый центр. Но, сам понимаешь, мне не нужны были лишние вопросы. Главное, что той информации, которую я оставила охраннику, хватит для того чтобы в течение пяти минут отыскать мать мальчишки.

Лолия бросила на меня короткий, но пристальный взгляд и продолжила.

– Когда я посмотрела в глаза мальчику, то сразу увидела

яркие образы о том, как прошёл для него этот день... Он заходит с матерью в двери торгового центра. Его мать одета в серое пальто, у неё длинные тёмные волосы, а на вид ей не больше двадцати пяти лет. Затем они с матерью покупают продукты, мальчик засматривается на витрину со сладостями. Он не может оторвать взгляда от красивого большого торта в виде красной машины, а когда он оборачивается, то мать находится уже у кассы, он догоняет её, и они идут дальше... Платья, манекены... Они заходят в отдел одежды. Тут его мать встречает свою подругу, рыжеволосую девушку с короткой стрижкой в джинсовой куртке. Женщины начинают о чём-то оживлённо разговаривать, а мальчишка, увидев неподалёку эскалатор, оставляет их и поднимается наверх... Игровые автоматы... Они повсюду и все дальнейшие его мысли только о них. Яркие игры, завораживающие мигающие огоньки и громкие звуки... Затем в его памяти всплывает охранник, который наверняка заметил одиноко шатающегося между игровыми автоматами мальчишку. После этого я увидела только испуг и осознание того, что он потерялся.

– Откуда же тогда ты узнала его адрес?

– Он хранился в его памяти. Мать давно заставила сына выучить их адрес, на случай, если он потеряется, однако мальчишка так растерялся, что забыл об этом, хотя адрес продолжал надёжно храниться в его голове. Так часто бывает и со взрослыми, какие-то данные хранятся в голове, но в некоторых ситуациях человек просто не может составить

своеобразный запрос, чтобы, образно говоря, обратиться к нужной ячейке памяти.

– Но зная всё это, мы могли бы сами заняться мальчишкой и отвезти его домой.

– Нет. Есть специальные люди, которые могут сделать это быстрее и лучше нас... – отрезала Лолия.

Мы сидели в машине на стоянке перед торговым центром, и я через стекло автомобиля увидел выходящую через двери здания перепуганную женщину лет двадцати пяти в сером пальто, которая несла на руках зарёванного сына...

Как-то мы пошли в театр. Лолия не любила оперу и балет, её привлекали только драматические постановки.

Название спектакля, я, как всегда, успешно забыл, но, чтобы рассказать о нём потом друзьям, сохранил программку. В этот раз на сцене разворачивалась очередная семейная драма, показавшаяся мне довольно правдоподобной, но уже с середины спектакля мысли мои углубились куда-то в собственные проблемы, и я потерял ход сюжетной линии. Лолия же все два с небольшим часа увлечённо смотрела на сцену. Её глаза светились, и я надеялся, что после спектакля она объяснит свой интерес к довольно посредственной, на мой взгляд, пьесе.

Когда мы вышли на улицу, холодный воздух взбодрил меня. Мне захотелось, вспомнив старые времена, прогуляться по городу, вдыхая свежее дыхание приближающейся зимы.

Раньше после спектаклей Лолия обычно обсуждала со мной постановку и сюжет, сегодня же разговор потёк совершенно в ином русле. Мы начали обсуждать актёров. Лолии всё проще становилось общаться со мной на своём уровне, на уровне считающего. Теперь я знал о её возможностях и всё больше замечал, как велико в ней желание делиться своими наблюдениями хоть с кем-нибудь. В качестве этого «кого-нибудь» она выбрала меня.

Сейчас мы шли по вечернему городу, и Лолия пыталась объяснить мне, как происходит перевоплощение актёров. Она увлечённо рассказывала, как лучшие из них настолько вживаются в роль, что полностью отождествляют себя со своим персонажем. Они наделяют себя его мыслями, помнят не своё, а его прошлое, имеют не свои, а его привычки. Они внутренне становятся тем человеком, которого играют. Другие же актёры, не способны на сцене полностью отрешиться от собственных забот. При помощи грима их внешность может полностью измениться, они могут надеть одежду своих персонажей, но в душе они будут оставаться теми же прежними людьми. Они играют самих себя на сцене. Бывает, актёр настолько выучивает свою роль, что играет её просто на автомате, продолжая думать о своих повседневных проблемах...

Мы свернули с центральной улицы в немногочисленный переулок.

– Внешне, ты даже не заметишь, что этот человек думает

о совершенно посторонних вещах, – увлечённо рассказывала мне Лолия. – После множества однотипных спектаклей роль выучивается настолько, что в любом состоянии актёр без труда может изображать на сцене своего персонажа.

– Как же можно играть и думать о чём-то другом? – удивился я, вовлечённый в разговор напором и энтузиазмом своей жены.

– Можно. Если бы ты, так же как и я, мог заглянуть в мысли этого человека, то понял бы, как всё его тело на автомате проигрывает заученные движения и произносит привычные фразы, оставляя мозг свободным для посторонних мыслей.

Понемногу я стал понимать Лолию. Мне нравилось, что у нас появлялось всё больше новых тем для разговоров.

– Помнишь ту женщину, которая играла небольшую роль старой горничной? – спросила Лолия.

Пока я пытался вспомнить, Лолия продолжила.

– Её настоящее имя Наталья и во время спектакля голова её была занята совершенно другими проблемами. Её муж, один из режиссёров этого театра, недавно увлёкся молодой актрисой. Теперь Наталья только и думает о том, где проводит время её благоверный во время спектакля. Её движения на сцене хорошо отточены многими репетициями и повторяющимися из вечера в вечер спектаклями, её немногочисленные реплики выучены до автоматизма. Она играет хорошо выученную роль, а внутри неё кипит совершенно другая жизнь. На самом деле её мысли в гримёрке, там, где сейчас,

как ей кажется, её муж проводит время со своей юной любовницей. Когда-то Наталья играла только главные роли, теперь же рада и тому, что ей просто позволяют находиться на сцене. Ревность и недоверие к мужу сжигают её, не давая возможность работать в полную силу.

– Она волнуется и ревнует, продолжая при этом играть на сцене? – удивился я.

– Она не волнуется, – сказала Лолия. – Она просто думает об этом. К тому же я с трудом определяю эмоции человека. Это ведь не мысли, это нечто особенное. Так же, как обычные люди судят об эмоциях по их внешним проявлениям – интонации, жестам, мимике, так же и я могу всего лишь догадываться по ходу размышлений о том, что испытывает сейчас человек...

Неожиданно Лолия обернулась назад, потом остановилась и потянула меня за руку, увлекая в темноту проёма между двумя домами. Она ласково обняла меня и стала целовать. Я был удивлён этим волнующим приступом нежности, который отвлёк меня от круживших в голове вопросов. Эмоции – то, что невозможно передать и уловить считывателем, отлично передавались совершенно другими способами. Волшебство прикосновений, гамма интонаций, азбука жестов иногда были красноречивее сухих мыслей. Мы целовались, как подростки, и когда я, потеряв голову, уже был готов подхватить Лолию и понести быстрее обратно к машине, она резко остановилась и потянула меня опять на освещённую улицу.

Мы быстрым шагом продолжили путь. Из-за позднего часа, вокруг было пустынно, только одинокая худенькая девушка, закутавшись в широкий вязаный шарф, шла впереди. Я удивился тому, что она не побоялась в такой поздний час идти одна по этой плохо освещённой улице. Мы следовали за ней, а когда она вошла в подъезд, остановились.

– Ну вот, теперь можно идти домой, – улыбнувшись, сказала Лолия.

– У меня сложилось впечатление, что мы преследовали эту девушку, – шутливо продолжил я.

– Не преследовали, а провожали, – поправила Лолия.

– Так мы действительно специально шли за ней? – удивился я.

– Да. На неё хотели напасть, – спокойно ответила Лолия.

– Кто?

– Там, между домами, где мы целовались, стоял мужчина.

Он спрятался в темноте.

– Он был рядом с нами?

– Да.

– И когда ты об этом узнала?

– Ещё до того, как повлекла тебя в темноту дворов.

Лолия посмотрела на меня, и, наверно, уловив моё невероятное удивление, стала объяснять.

– Когда мы шли по улице и разговаривали, я уловила на нас чужой взгляд человека на секунду высунувшегося из-за угла дома. Той секунды, на которую я увидела его лицо, было

достаточно, чтобы я поняла его мысли. Он ждал объект для нападения. Мы ему не подходили, потому что, по его оценке, могли бы при случае вдвоём справиться с ним, ты крупнее его, я – могу закричать, к тому же сзади нас уже появилась более подходящая жертва. Было бы правильнее поймать преступника в тот момент, когда он нападёт на девушку, чтобы потом, имея так сказать состав преступления, сдать полиции. Но, в этот раз я решила поступить по-другому...

Моё удивление возрастало с каждым сказанным Лолией словом.

– Она шла так поздно вечером не с пьяной вечеринки и не в поисках приключений, – отвечала на мой немой вопрос Лолия, – она возвращалась из больницы, где после тяжёлой операции лежала её мать... Теперь ты понимаешь, что я не могла допустить того, чтобы преступник напал на неё. Сидя возле кровати своей матери до позднего вечера, ожидая момента, когда та очнётся от действия наркоза, эта хрупкая девушка заслужила более спокойного вечера, чем нападение преступника и дача показаний в полицейском участке.

– Но как??? Как ты всё это узнала?

– Пары секунд, на которые я обернулась и посмотрела на неё, было вполне достаточно, – невозмутимо ответила Лолия. – А потом мы с тобой погрузились в темноту проёма между домами.

– Но ты ведь подвергла наши жизни опасности, – воскликнул я. – Ведь пока мы были рядом с преступником, он мог

напасть на нас из темноты.

– Он этого не сделал бы. Я позаботилась об этом.

– Как? Мы же просто мило целовались в этот момент.

– Я потом расскажу тебе, как действую в таких ситуациях.

Главное, что девушка безопасно дошла до дома, – ответила Лолия.

Она посмотрела на загоревшееся приглушенным светом окно дома на третьем этаже и задумчиво продолжила.

– Знаешь, а ведь она даже не смогла бы позвать кого-нибудь на помощь. Эта девушка с рождения нема...

Скоро я понял, что Лолия всё время находилась на работе. Её считыватель постоянно сканировал головы тысячей попадающихся на её пути людей, заполняя её мозг миллионами чужих мыслей. По вечерам я всё чаще замечал, как она, сделав какие-то записи на компьютере, в бессилии опускалась на диван.

Как-то меня разобрало любопытство, и пока она отдыхала, я открыл крышку ноутбука, оставленного ею на столе. Пароля не было, и я сразу увидел только что отредактированный файл. Раньше я считал, что Лолия записывает по вечерам наброски своих статей, но увидев сделанные ею записи, я понял, что это совершенно иное. Передо мной зарябили столбики фамилий, адресов, телефонов и...

– Это база данных подозреваемых, – услышал я за спиной голос Лолии.

Я не заметил, когда она подошла, её шаги всегда были бесшумны. Её рука потянулась, чтобы закрыть ноутбук.

– Это единая база данных подозреваемых в возможном совершении преступления, которая ведётся считывающими. Стоит человеку только подумать о совершении чего-либо, противоречащего закону, как мы это обнаруживаем и заносим сюда. Каждый день здесь появляются новые записи о тех, кто может отважиться на преступление.

– И что происходит дальше? – спросил я, судорожно начиная думать о том, мог ли я оказаться в этой базе.

– Сюда заносят только тех, кто действительно всерьёз задумывается над совершением преступления... Не волнуйся, тебя здесь нет. Все твои прегрешения настолько невинны, что тебе не о чем беспокоиться. К тому же, неужели ты думаешь, что у меня когда-нибудь поднялась бы рука записать в этот список своего любимого человека, – попыталась успокоить меня Лолия и продолжила. – Соответствующие службы рассматривают все полученные за день отчёты и принимают решение о том, как поступить с этими людьми.

– А как с ними можно поступить? Ведь они ещё ничего не совершили? – удивлённо спросил я.

– Когда совершат, поздно будет, – улыбнулась Лолия. Потом посмотрела, и, видимо заметив в моих глазах испуг, добавила, – не волнуйся, эти люди попадают всего лишь под пристальное наблюдение с дальнейшим привлечением различных служб, мешающих им нарушить закон. Каждый день

в этой базе появляются новые записи, сформированные из наших дневных отчётов. Кроме того, в эту базу нами заносятся также случаи, в которых промедление было невозможно и считающийся сам принял решение о том, как поступить с возможным преступником.

Я не понял, о каких случаях говорит сейчас Лолия, но почему-то мне вспомнилась ситуация в супермаркете, которая произошла несколькими днями раньше.

Тем вечером мы с Лолией решили пешком прогуляться в соседний супермаркет, чтобы купить каких-нибудь вкусностей к ужину. В магазине было не очень многолюдно, но к двум работающим кассам уже стояли небольшие очереди. Видно, задержавшиеся после работы люди, пытались восполнить свои запасы перед предстоящим вечером. Выбрав красивый шоколадный торт, мы с Лолией заняли свою очередь в кассу. Когда мы подошли к кассе, и я уже стал расплачиваться за нашу покупку, Лолия умудрилась обо что-то споткнуться и случайно задела стоящего позади нас парня в толстой синей куртке. Она видно автоматически схватила его за руку и тут же от толчка из кармана его куртки посыпались консервные банки. Они упали на пол, а парень то ли от неожиданности, то ли от того, что мы с Лолией преграждали ему путь, не двигался с места. Охранник, зорко следивший за всеми покупателями у кассы, моментально сориентировался, и уже через секунду вора держала не хрупкая рука моей Лолии, а крепкая ручища здорового грома. Охран-

ник, крепко сжимая ругающегося и вырывающегося парня, волочил его к служебному выходу. При каждой безнадёжной попытке сбежать, из кармана вора выпадала очередная банка консервов. Всем удивлённым невольным зрителям этого происшествия оставалось только догадываться о том, сколько ещё продуктов было скрыто в больших карманах дутой синей куртки.

Когда мы вышли, я задал Лолии только один вопрос:

– Ты знала?

– Конечно, – ответила она. – Мне нужно было только привлечь внимание охранника.

Я понял, что она всегда была на работе. Даже в мелочах, она следила за порядком...

Этот случай пролетел у меня в памяти, а Лолия, посмотрев на меня, открыла ноутбук. Она навела курсором на какую-то строчку и сказала.

– Почитай, это запись о том случае в супермаркете. Так подаётся отчёт.

Я присмотрелся к выделенной серым цветом строчке.

«28.11...», далее следовали фамилия, имя, адрес, телефон, точная дата рождения... Здесь было всё, все данные о человеке, и в конце «кража в супермаркете, время 20.40, ликвидирован без записи привлечением охранника».

Заметив, что я дочитал, Лолия закрыла ноутбук...

Они были рядом! Нас повсюду окружали считывающие!

Они скрывались среди нас! Только теперь, благодаря Лолии, я стал ощущать всю масштабность проекта «Считывание».

Теперь я знал, что каждую неделю мне попадаются те, кто также, как и Лолия, умеют считывать чужие мысли. Их устрашающие способности не вызывали у меня сомнений. Я понимал, что Лолия далеко не единственная, кому установлен заветный прибор. Но я не мог предполагать, что этих людей так много и они так близко. Считывающие могли оказаться где угодно, и только с помощью Лолии я мог распознать их в толпе. Эти люди ничем не выделялись, они были такие же, как мы.

Я никогда бы не подумал, что девушка, сидящая на кассе огромного гипермаркета, не только выбивает чеки, а ещё и методично сканирует мысли всех проходящих через её кассу покупателей. Подобно считывателю штрих-кодов, через который она прогоняла покупки, она прогоняла мысли всех покупателей через свой собственный считыватель. Когда Лолия рассказала мне об этом, мне стало не по себе. Короткий писк, и по штрих-коду считаны данные о товаре, короткий взгляд, и считана информация с покупателя. Вот так, всё невероятно просто. Со своими покупками мы прошли в другую кассу...

А швейцар в одном из отелей, куда мне пришлось поселить прибывшую на нашу фирму иностранную делегацию?.. Мне поручили не только проводить гостей до гостиницы, но и организовать для них экскурсию по городу. Лолия взялась

мне помочь и отправилась вместе со мной к дверям отеля. Каково же было моё изумление, когда она сказала мне не смотреть на швейцара. Этот мужчина – лет сорока – оказался считывающим. Стоя на улице возле дверей гостиницы, своей яркой формой он привлекал взгляды не только постояльцев, но и многочисленных прохожих. Никто не догадывался, но каждый, кому открывал дверь и перед кем снимал свою фуражку этот человек, попадал под его контроль. Одна открытая дверь – одна считанная мысль. А в результате, планы и намеренья огромного количества приезжих, прибывающих в наш город, становились известны соответствующим службам.

– Но ты же говорила, что большинство считывающих – женщины? – спросил я у Лолии, когда она рассказала мне о швейцаре.

– Девяносто процентов, а одна десятая считывающих – мужчины, – Лолия посмотрела на двери отеля. – На подобном посту женщина смотрелась бы нелепо, а место для наблюдения это очень удачное. Работая здесь можно считывать мысли всех приезжих, которые по несколько раз в день входят и выходят через двери гостиницы. К тому же здесь самый центр города, поэтому перед глазами этого человека проходит целая толпа народа.

Я понял, что считывающие могут быть везде. Они не запирались в офисах и не отгораживались от остального мира стенами своих квартир. Напротив, считывающие постоянно

находились в центре самых людных мест. Каждый человек, хотя бы раз в неделю оказывался в поле их зрения. Считывающие контролировали все районы города.

Теперь я знал, что считывающим мог оказаться кто угодно – официантка в ресторане, продавец в магазине, администратор клиники, служащая банка. Всё чаще Лолия показывала мне их лица в толпе. Они могли быть случайными прохожими или одним из тех, кто околачивается в массе зевак, они прогуливались по улице, сидели за столиками в кафе, бродили по магазинам. Главное, их считыватели всегда работали. Они сканировали головы всех, кто проходил мимо них и, кто бросал на них свой неосторожный взгляд.

Считывающие ничем внешне не отличались от нас, и это меня пугало. Я не мог самостоятельно распознать их. Мне нужна была Лолия...

Глава 5. Подозрение

Лето в этом году обещало быть жарким. Уже сейчас, в начале июня, температура на улице частенько достигала сорока градусов. Однако в этом году жара меня не пугала. В моём новом кабинете исправно работал мощный кондиционер, а летний отдых мы с Лолией впервые собирались провести не в душном городе, а на островах.

Осенью нас ждал переезд в столицу. Лолия уже получила новое назначение. Её мастерство считывающего росло. В столице её ждала работа по наблюдению за одним из самых оживлённых центральных районов, где располагались торговые центры и многочисленные офисы. Я же два дня назад узнал о моём окончательном переводе в главный столичный офис нашей компании. Я давно мечтал о таком повышении, но даже не мог помышлять о том, что это случится так скоро. Теперь же нам оставалось только завершить здесь последние дела, съездить отдохнуть и после отпуска отправиться на покорение столицы. Я не сомневался, что с нашими возможностями нас ожидал успех.

Лолия теперь частенько появлялась у меня на работе. После того, как я узнал о потрясающих способностях своей жены, она стала моим советником и настоящим надёжным другом. Я понимал, что тем, чего я смог добиться за это короткое время, я был обязан ей. Это сначала меня пугало то,

что Лолия умеет читать чужие мысли, теперь же я с лёгкостью использовал её уникальные способности для своих целей. Волей судьбы, в моих руках оказался считывающий и я, подобно сильному мира сего, мог с успехом манипулировать людьми и корректировать свои действия, пользуясь тем, что я о них знал. Лолия была настоящим сокровищем!

Теперь многие мои рабочие встречи и переговоры проходили в присутствии Лолии. Она, несмотря на свою занятость, всегда находила время, чтобы присутствовать на всех моих важных деловых встречах. Став незаменимой моей помощницей, она помогала мне узнавать планы конкурентов и партнёров. В любой момент, когда мне это было необходимо, она делилась со мной их мыслями. Раньше я и не мог подумать, насколько легко и просто можно вести дела, зная о том, что думают окружающие, теперь же я уже не представлял, как может быть по-другому. Благодаря способностям Лолии, меня невозможно было обмануть, невозможно было что-либо скрыть от меня, теперь я всегда мог быть на несколько шагов впереди всех. С лёгкостью я обходил своих конкурентов, заключая крупнейшие сделки. Мне завидовали, меня не любили, но мне было всё равно. Я не задумывался больше над средствами и неумолимо поднимался вверх. Мне не страшны были интриги и чувства. Теперь я всегда знал с кем и как мне можно обращаться, от кого я могу требовать чего-либо, а кого стоит о чём-то просить. Благодаря Лолии я знал, что творится в чужих головах.

Сам же я научился жить с ощущением того, что все мои мысли известны моей жене. Надо отдать ей должное, за всё то время, которое мы были вместе, она никогда не воспользовалась этим в своих целях. Я знал, что она всегда тайно наблюдает за мной, считывая мои мысли, но, оказалось, что с этим можно смириться. Так же, как участники многочисленных телевизионных реалити-шоу привыкают постоянно находиться под прицелами видеокамер; так же, как обычные люди не замечают мощных систем видеонаблюдения, установленных в оживлённых аэропортах, банках и торговых центрах; так же и я перестал обращать внимание на то, что мои мысли проверяются. Радовало, что за мной хотя бы наблюдает близкий для меня человек, не желающий мне зла.

Иногда мне самому начинало казаться, что я умею читать чужие мысли. Окружающих меня людей выдавали их поведение, интонация голоса, поза или даже походка. Те безобидные мелочи, на которые раньше я не обращал внимания, теперь помогали мне догадаться, о чём думает человек или о его реакции на мои слова. Наверно, благодаря Лолии, я просто стал намного лучше понимать людей. Мне стал доступен язык жестов, мимики, взглядов, поз и движений, которыми несознательно пользуются люди в повседневной жизни, и которые расшифровала для меня Лолия. Получив своеобразный перевод этой хитрой азбуки, я пытался догадаться, о чём думают окружающие меня люди, и у меня иногда это получалось. Теперь я знал, что если один из моих сотрудни-

ков, Карл, пытается скрыть от меня какую-нибудь важную информацию, то во время разговора начинает легонько тереть кончик своего носа, а если во время совещания Александр в своих бумагах начинает обводить прямоугольниками пропечатанные слова, то значит, он не согласен с тем, что говорится...

Меня до сих пор поражал тот факт, что Лолия рассказала мне о считывании. По моему мнению, такая информация должна была храниться в строжайшей тайне и за её неразглашением должны были следить специальные службы. Я ни в коем случае не считал Лолию легкомысленной, но то, что она посвятила меня в свои тайны, меня пугало. Я был не готов отвечать за то, что стало мне известно. Лолия всячески пыталась развеять мои страхи. Единственное полученное от неё предупреждение было о том, чтобы я вёл себя более осторожно в многолюдных местах и опасался смотреть в глаза незнакомым людям, из которых кто-нибудь может оказаться считывающим. Она так и не рассказала, что они могут сделать со мной, а я без всяких объяснений понимал, что ничего хорошего в этом случае меня не ждёт. Мне почему-то даже не хотелось узнавать у Лолии об ожидающих меня перспективах. Я вспомнил, что какое-то время мне даже казалось, что на меня охотятся тайные агенты, которые в любое время, догадавшись о том, что я знаю о считывающих, заберут меня или просто убьют. Но Лолия быстро развеяла мои сомнения, сказав, что никакой тайной армии просто нет. Теперь,

следуя её инструкциям, я всего лишь старался не встречаться взглядом с посторонними людьми. Пока мои глаза были скрыты от окружающих, считать мои мысли было практически невозможно. Я умело научился отводить при разговоре свой взгляд. Без боязни я смотрел только на тех собеседников, которых до этого успевала проверить Лолия.

Ещё один страх постоянно посещал меня – иногда мне начинало казаться, что Лолия может заведомо неверно представлять мне информацию об окружающих меня людях. Ставя себя на её место, я понимал, что, рассказывая о каком-нибудь непонравившемся мне человеке, я наверняка захотел бы сгустить краски и представить его не с лучшей стороны. Или наоборот, расхваливал бы того, кто мне наиболее симпатичен. А вдруг и Лолия, посвящая меня в мысли других людей, руководствуется, прежде всего, своим личным отношением к ним? Хотя, если подумать, то зачем ей это? Для Лолии всегда мои интересы и наши отношения были на первом месте. Я являлся самым важным человеком в её жизни. Нет, пока всё шло вроде бы нормально, и у меня не было причин не доверять своей жене...

Лолия тоже много добилась за последнее время, она ещё больше стала писать. Я всячески пытался поддерживать её, и это придавало ей новые силы. Её трудами теперь были не только статьи в журнале, в столице Лолия хотела издать свою первую книгу. Это был настоящий объёмный роман. Его читатели вряд ли когда-нибудь догадаются, что все описанные

в нём страсти, интриги, скандалы, любовь, разочарования, встречи, разлуки, взлёты и падения, всё это было считано Лолией из памяти одного реального человека. Его жизнь от рождения до старости шаг за шагом была разложена на бумажных страницах. Здесь было начало – учёба, становление и первая любовь; продолжение – запрет родителей жениться на любимой, получение престижной работы, женитьба на другой женщине, рождение троих детей, их воспитание, руководство крупной фирмой, многочисленные измены и финал – похороны жены, отход от дел и возвращение к своей первой любви. Для Лолии все люди были открытыми книгами, и теперь она собиралась обнародовать первую из них. Первую, но далеко не последнюю, накопленного материала ей с лихвой хватило бы на сотню романов. Всё, что ей удалось узнать при помощи считывания, она тщательно записывала и каждая из историй одной человеческой жизни заслуживала того, чтобы попасть на страницы книги.

Наша семейная жизнь была такой же безоблачной, как и раньше. Лолия понимала меня без слов, а я по-прежнему любил её. Она была «бриллиантом», который неожиданно послала мне в руки судьба. Теперь этот драгоценный камень сиял в оправе наших совместных ярких событий и свершений.

Единственное, что меня огорчало, так это ухудшающееся здоровье Лолии. Его нам не удавалось поправить никакими силами. Сначала у меня была надежда, что новейшие препараты и самые последние достижения в медицине помогут

Лолии, но потом я понял, что мои надежды напрасны. Головные боли участились, и для того, чтобы вести нормальный образ жизни ей теперь требовалось всё больше и больше лекарств. Она всё чаще посещала клинику. Один раз Лолии было настолько плохо, что мне пришлось среди ночи везти её туда. Я видел, как её почти в бессознательном состоянии поместили в специальную палату и, обвешав замысловатыми трубками и капельницами, стали незамедлительно вводить ей какие-то препараты. Суетившиеся вокруг моей жены врачи, видимо даже не догадывались о том, что мне была известна истинная причина того, что происходило. После этого случая, я стал ещё больше беспокоиться за свою Лолию. Я делал всё, чтобы избавить её от забот и следил за тем, чтобы она больше отдыхала. Как-то у нас даже возникла идея об удалении считывателя, но ни мне, ни Лолии не хотелось терять пока её уникальную способность. Нам нужно было ещё хотя бы немного поработать.

Было время, когда я тоже задумался над установкой себе считывателя. Но, во-первых, в считывающие брали женщин, а не мужчин, а во-вторых, видя много раз, как Лолия, не в силах подавлять вырывающиеся стоны, корчилась на кровати, я передумал.

Прервав свои размышления, я огляделся вокруг... Сейчас я сидел в своём новеньком кабинете. Это была уже не та маленькая каморка со стеклянными перегородками, с которой я начинал. Теперь это был настоящий кабинет с плот-

ной дверью, солидной мебелью и окном на улицу. Конечно, недоброжелателей в последнее время у меня прибавилось. Мои успехи и резкое продвижение по карьерной лестнице вызвали зависть у многих, но теперь при помощи Лолии, я знал, кому можно доверять, а кому нет. Когда же её не было рядом, надёжные стены кабинета скрывали меня от посторонних взглядов и не давали возможности следить за мной.

Я заканчивал работу над одним из своих новых масштабных проектов. Теперь я не доверял самому себе, вернее я боялся хранить важные сведения в своей голове. То, что раньше представлялось мне самым надёжным хранителем информации, полностью защищённым от постороннего вторжения, на самом деле оказалось таким же простым ничем незащищённым носителем, как и все прочие. Теперь я старался выкинуть из головы все пароли и секретные шифры, все коды доступа и свои самые смелые идеи, потому что всё это за пару секунд могло стать известно простому прохожему на улице, у которого в голове мог быть установлен считыватель. Я больше стал доверять электронным носителям и обыкновенной бумаге, которые надёжно покоились в моём сейфе и доступ к которым получить было намного сложнее, чем доступ к тому, что хранил мой мозг. Чтобы грабителю проникнуть в мой кабинет, нужно было достать ключи, единственный экземпляр которых был у меня, или нужно было бы взломать замок, привлекая к себе внимание моих многочисленных коллег. Затем нужно было бы найти код от сейфа,

который хранился только на моём компьютере и который я всегда носил с собой, чтобы же проникнуть в мои мысли достаточно было всего лишь одного взгляда...

Решив подстраховаться и создать резервную копию ценнейших рабочих данных, я запустил их копирование на оптический диск. Тот монотонно зажужжал в приводе, а я ещё раз подумал о том, что люди очень уж похожи на компьютер. Кто бы мог подумать, что наш мозг послужил ему прототипом и что с нас так же легко, как с любого носителя информации, можно считывать всё то, что хранится в нашей памяти. Наш мозг – этот огромный кладёзь информации – является, по сути, таким же обычным носителем, как и тот диск, который сейчас крутился в моём приводе. С него так же считываются данные и на него... Я оцепенел... Новая мысль поразила меня своей простотой и буквально парализовала. Диск докрутился в приводе... «Процесс записи окончен» – увидел я системное сообщение на экране. Я смотрел на эту надпись и холодел от ужаса. Если с нашего мозга можно с помощью считывателя считать информацию, значит, на него тем же способом можно её и записать! Эта мысль пришла мне только что в голову совершенно случайно. Почему я никогда не задумывался об этом раньше?! Я кинулся рассматривать компьютер. Жёсткий диск, съёмные носители, оптические диски, магнитные носители... Любой носитель позволял, прежде всего, записывать на него информацию, а уже потом считывать. Значит, и считыватель должен был позво-

лять таким же способом, используя то же излучение, записывать данные в наш мозг. Почему я не спрашивал у Лолии об этом раньше? Почему мне никогда не приходило в голову, что информация может не только считываться, но и записываться?! Нет, стоп... Не хочу же я доказать самому себе, что всё, что я помню, что я знаю, записано кем-то извне. Нет! Нет... Все данные поступают в наш мозг из окружающего мира естественным путём – через органы чувств, однако это совершенно не означает того, что нет другого способа поместить в нашу голову новую информацию! На поверхности обычного диска тоже можно сделать запись маркером, но это не означает, что за этой поверхностью не будет скрываться других, более объёмных и важных данных, выжженных оптическим лучом. Чтобы до них добраться, нужен всего лишь соответствующий прибор. Если наши мысли излучаются в пространство и теперь уже с лёгкостью считываются, то почему аналогичным способом нельзя заносить в наш мозг новые?

«Ликвидирован без ЗАПИСИ» – всплыли у меня слова из увиденного на ноутбуке отчёта Лолии. Тогда я не придал значения этой фразе, и только теперь стал догадываться, что она могла означать...

Я сорвал трубку телефона.

– Лолия, мне нужно срочно тебя увидеть! – почти закричал я, услышав знакомый голос.

– Что случилось? – встревожено спросила она.

– Ничего, но мне нужно с тобой поговорить, я сейчас же отправляюсь домой.

– Ты не можешь подождать до вечера? – удивлённо спросила Лолия.

Я чувствовал, как меня всё больше охватывает непонятная паника.

– Нет, мне надо поговорить с тобой прямо сейчас, это очень важно.

– Я не понимаю, что случилось. Почему такая срочность? – забеспокоилась Лолия.

Я знал, отчего она волнуется – она не может видеть сейчас моих глаз, а значит, не может считать мои мысли. Общение по телефону делало Лолию обычным человеком. Ей пока ничего не было известно о моей догадке...

– С тобой всё нормально? – спрашивал её встревоженный голос, доносящийся из трубки.

Я чувствовал, как моё беспокойство стало передаваться Лолии.

– Хорошо, я сейчас тоже приеду домой. Жди меня, – услышал я.

Я не успел ничего ответить. В трубке пошли гудки...

Схватив свои вещи, я устремился по лестнице вниз, к машине. На меня удивлённо смотрели проходившие мимо служащие, я ловил непонимающие взгляды коллег, но мне сейчас всё это было не важно. Считывающие могут записывать нам свои мысли! Они умеют записывать!.. Это была всего

лишь догадка и оставалась ещё слабая надежда, что я ошибаюсь. А если это действительно так? Меня стал охватывать ужас...

Я хотел ясности. Я спешил за ответом к Лолии.

Мой новенький красный седан молнией промчался по городским улицам, рассекая разогретый полуденной жарой воздух...

Я приехал домой первым, Лолии ещё не было. Сев на диван, я стал ждать её. Просто ждать. Ничего не делая, я пристально смотрел на стрелку часов и отсчитывал каждую минуту. Я пытался думать о чём-нибудь, но в голове стояла только одна мысль, вернее только один вопрос: «Правда ли, что считывающие умеют не только читать мысли, но и записывать в память человека новые?»

Наконец-то, я услышал звук открывающейся двери. Как всегда, Лолия отворила её еле слышно, а потом в коридоре послышался звук её лёгких шагов. Она вошла в комнату, и тут же я почувствовал на себе её тяжёлый пронизывающий взгляд. Её лицо никак не изменилось, ни один мускул, ни одна мельчайшая мышца в её теле не дрогнула, но я знал, что мои мысли уже внутри неё. Я ждал. Мне не хотелось ничего говорить ей. Теперь я вызывающе смотрел на Лолию открытым немигающим взглядом, позволяя глубоко проникать в моё сознание и читать там мысли о моей догадке. Мне показалось, что в глазах Лолии появилась грусть. Опустив глаза,

она устало опустилась на стул.

– Что ж, давай поговорим. Не думала, что ты когда-нибудь начнёшь задумываться о записи, – задумчиво произнесла она упавшим голосом.

Я продолжал пристально смотреть на Лолию, она же бросила на меня только один короткий колючий взгляд.

– «Да» – вот ответ на твой вопрос, – коротко сказала Лолия.

Я давно уже привык, что она отвечала на мои вопросы, которые я не произносил вслух. Слово «Да» ставило точку во всех моих сомнениях и догадках. Слово «Да» прозвучало, как приговор. Оно не оставляло ни малейшей надежды на то, что мои мысли не поддаются редактированию извне. Я понял, что мой мозг – это всего лишь болванка для записи и считывания информации.

– Почему раньше ты мне этого не рассказала? – удивлённо спросил я.

– Зачем? – ошарашила меня Лолия. – Ты же не спрашивал. Зачем тебе понадобилось знать больше?

Я не верил тому, что слышал. Неужели она не понимает, что это меняет всё. Одно дело уметь считывать чужие мысли, а другое дело – записывать в головы людей свои.

– Послушай меня, – продолжала Лолия. – Я всё понимаю, я понимаю твою тревогу. Я не говорила тебе о том, что можно записывать мысли только ради твоего спокойствия.

Спокойствие!.. Это она говорит сейчас? Неужели она счи-

тала, что мысль об обратном процессе считывания – записи, никогда не придёт мне в голову? Неужели она считала меня глупцом, не способным догадаться об этом? Рано или поздно эта мысль сама собой пришла бы мне в голову, и в этот момент сложно было бы говорить о каком бы то ни было спокойствии. Почему она так легкомысленно отнеслась к тому, что считывающие умеют ещё и записывать мысли? Ведь это же намного важнее процесса считывания. Если считывание позволяет только проникать в чужое сознание, то запись позволяет менять его! Менять мысли человека, менять его личность, его индивидуальность, диктовать свои условия без слов, напрямую перенося собственные мысли в чужой мозг... Мне стало жутко... Хотя, может быть Лолия не умеет этого делать, и поэтому ей просто нечего было мне рассказать. Может быть, это какие-то другие люди занимаются подобными вещами, но не моя Лолия...

Лолия снова грустно опустила глаза.

– Послушай меня и постарайся понять, – начала она. – Я не хочу тебя обманывать, потому что ты тот человек, которому я доверилась и который имеет право знать правду. В тебе я нашла верного друга и хотела в свою очередь стать для тебя незаменимой, надёжной помощницей. Я направила все свои способности на достижение твоих целей. Мне приятно, что ты оценил это и понимаешь, что многим из того, что на сегодняшний день имеешь, обязан мне и считывателю, установленному у меня в голове. Я буду с тобой откровенной до

конца. Не хочу тебя пугать, но помимо считывания, я умею записывать и стирать чужие мысли. Я с успехом делаю это с другими людьми, но не с тобой. Ты слишком мне дорог. Я принимаю тебя таким, какой ты есть и ни разу я не хотела переделать тебя и повлиять на тебя таким способом.

Моя Лолия!.. Я чувствовал себя обманутым и загнанным в угол. Она ведь знала, как трудно мне далось понимание того, что каждая моя мысль доступна ей без моего согласия на это, и вот теперь новый обман. Она умеет намного больше, чем мне сказала...

– Скрыть – это не значит обмануть, – услышал я голос Лолии, прерывающий мои размышления. – Ты же часто сам говорил, что скрывать что-то или недоговаривать людям, это вполне допустимо. Почему же ты теперь обвиняешь меня в обмане? Я всего лишь скрыла от тебя один факт, узнать который ты был не готов.

Она говорила моими словами. Как часто раньше я повторял, что скрывать – это не значит обманывать... Да, это один из моих принципов, но не по отношению к Лолии, с ней он никогда не срабатывал. Она могла копаться в моих мыслях без моего ведома, и скрыть от неё что-либо было просто невозможно. И вот теперь Лолия использует мои же слова для своего оправдания. Я был в ярости. Бесчестно иметь такое огромное превосходство надо мной.

– Мне не в чем оправдываться. Я не пользуюсь своим превосходством, – сказала Лолия. – Я никогда не использова-

ла свои способности во вред тебе, а только всегда старалась всеми силами помочь.

Я посмотрел на Лолию и встретил ровный взгляд её пронзительно синих глаз. Она была абсолютно спокойна и, глядя на неё, я сам стал понемногу приходить в себя. Действительно, чего я так разволновался. Ну, умеет человек записывать мысли, но ведь мы и без записи подвержены чужому влиянию. Как часто мы считаем своими те мысли и фразы, которые сыпятся на нас со страниц журналов и газет или с экранов телевизоров. Мы уже привыкли к этому и не возмущаемся тому, что нам навязывают чужое мнение. А сколько существует гипнотизёров и прочих людей, которые могут внушать нам своим мысли? Да и вообще, стоит нам довериться какому-нибудь человеку, как он начинает этим пользоваться для проталкивания своих идей. Мы уже привыкли и относимся к этому спокойно. Почему же сейчас я должен волноваться? Надо просто поговорить с Лолией и выяснить все подробности процесса записи. Наверняка, я пойму, что бояться мне нечего.

– Я могу рассказать тебе, как всё происходит. Но поверь, я не использовала запись на тебе, – снова повторила Лолия.

Поверить... Я вспомнил как давно, в тот холодный январский вечер, когда мы встретились, я увидел в Лолии человека, которому могу верить. А что теперь? Каждый год мне открываются какие-то невероятные подробности её жизни, подробности, которые я даже не мог себе вообразить. Я ду-

мал, что могу ей полностью доверять. А теперь я должен поверить, что, ежеминутно имея возможность записывать мне свои мысли, она этим никогда не пользовалась. Это просто невероятно, ни один человек не смог бы удержаться от соблазна изменить для своей выгоды сознание того, кто всегда находится рядом. Вот почему у нас никогда не было ссор и скандалов, вот почему всё было так идеально и мирно. Это Лолия... Она переделывала меня изнутри, обходясь без слов...

– Я люблю тебя, и никогда не делала и не буду делать ничего, что могло бы навредить тебе, – сказала Лолия, и в её голосе я услышал нотки отчаяния. – Я всегда пыталась помогать тебе, и впредь буду делать всё на благо нашей семьи.

Нашей семьи! А что представляет собой наша семья? Раньше я точно знал это. Мы были обычными супругами. Потом я узнал, что моя жена – человек нового поколения, одна из тех, кто умеет благодаря передовым технологиям читать мысли людей. Мне пришлось смириться с тем, что моя жена, проникая в мой мозг, всегда знает, о чём я думаю, а вот теперь ещё и это – она может их записывать. С кем я живу? Кто она? И кто я?..

Я посмотрел на неё. Передо мной было всё то же милое знакомое создание. Решив успокоиться, я попробовал продолжить разговор.

– Хорошо, тогда расскажи мне ВСЁ. Я хочу знать, обо всём, что ты умеешь делать.

Грустно посмотрев на меня, Лолия начала свой очередной рассказ.

– Ты давно уже знаешь, что я умею считывать мысли. Теперь же я хочу тебе признаться, что умею записывать посторонние мысли другим людям.

«Хочу признаться. Как же, призналась бы ты, если бы я сам обо всём не догадался», – подумал я. Я был расстроен и в то же время горд из-за того, что смог разоблачить её. Я без всякого считывателя в голове обо всём догадался. Посмотрев на Лолию, я увидел, как она в очередной раз нахмурила брови.

– Ну что ж, – раздражённо начал я. – Расскажи, как это происходит. Опять через считыватель в твоей голове?

– Да, – спокойно ответила Лолия. – Благодаря ему, я могу не только считывать, но и записывать мысли. Это происходит с точностью наоборот. Я формирую в своей голове мысль или образ, а затем взглядом посылаю это находящемуся рядом со мной человеку. Более интересно проходит процесс стирания мыслей...

– Он тоже возможен?!

– Конечно, если возможна запись, значит, возможно и стирание. Для этого мне нужно просто глядя на человека представлять, как какая-нибудь его мысль превращается в пустоту или просто исчезает.

– И что чувствует в это время тот человек?

– Вероятно, ничего. Просто какие-то свои мысли или фак-

ты, хранящиеся в памяти, он забывает.

– И это всё за те же несколько секунд, за которые происходит считывание? – удивлённо спросил я.

– Нет, считывание и запись – это два разных процесса. Мало того, что их можно производить только последовательно, так ещё и запись требует значительно большего времени. Этот процесс уже невозможно провести за три секунды. Для того, чтобы записать или стереть какую-нибудь яркую мысль, постоянно крутящуюся в голове человека, требуется не меньше десяти секунд прямого зрительного контакта, для того же, чтобы что-то сделать с более сложными, хранящимися в памяти человека, воспоминаниями может потребоваться более минуты. Время является основным недостатком записи, этот процесс уже невозможно провести с посторонним человеком. На улице взгляд любого прохожего удаётся привлечь к себе всего на несколько секунд, не больше. Для того чтобы осуществить запись, всегда приходится вступать в непосредственное знакомство с человеком, завязывать разговор, а зачастую мысль удаётся записать в сознание только за несколько встреч.

«Мы с Лолией вместе уже два с половиной года...» – судорожно стал думать я. У неё было достаточно времени, чтобы записывать мне свои мысли...

– Я повторяюсь, но я никогда не использовала на тебе запись, – продолжала говорить мне Лолия. – Хотя и могла бы... У меня не было необходимости делать это, мне хватало того,

что я могу читать твои мысли и видеть, что ты тот человек, который и без записи мне подходит. Я не зря тебя так долго искала. Я хотела найти мужчину, которого мне не нужно бы было менять и подстраивать под себя. Возможно, другие считывающие записывают свои мысли своим мужьям и партнёрам, но я не хочу этого делать с тобой. Это небезопасно.

– Чем же? Считывание ведь безопасно, почему с записью не так? – удивился я.

Лолия ещё больше нахмурила брови и продолжила.

– Сумасшествие – вот к чему это приводит. Неаккуратно записанные мысли вызывают шизофрению, паранойю и прочие болезни. Одним словом, люди сходят с ума.

Я опешил, а Лолия, не давая мне опомниться, продолжила свой рассказ:

– Запись стала внедряться почти одновременно с процессом считывания и сразу же получила очень широкое распространение. Представляешь, насколько привлекательным выглядел процесс, позволяющий без всяких слов и внушений влиять на людей, меняя изнутри их мысли и сознание. В ходе записи собственные мысли человека стирались и подменялись новыми. Так, например, властям удавалось формировать массовое общественное мнение или подавлять недовольство какими-либо новыми реформами. Но уже после года активного использования записи все психиатрические лечебницы оказались переполненными.

Я слушал, затаив дыхание.

– Всплеск психических расстройств был слишком бурным и постепенно стал привлекать внимание не только врачей-психиатров, но и наших ведущих специалистов в области считывания. Раньше, так же как и сейчас, обо всех фактах записи каждый считывающий был обязан подавать отчёт в управление. В этом документе указывались все данные о человеке, прошедшего процесс записи. Так вот сравнив имена и даты подвергшихся записи людей со списком недавно поступивших в психиатрические клиники больных, сомнений не осталось. Большинство из тех, на ком была использована запись, уже через несколько месяцев попадали в больницы с сильнейшими психическими расстройствами. Мало кто знает, что на сегодняшний день большинство душевнобольных – это люди, неудачно подвергшиеся записи.

Лолия остановилась и посмотрела на меня. Только сейчас я заметил, что рассказывая мне всё это, она смотрела куда-то в сторону.

– Мысли любого человека не возникают ниоткуда. Каждый факт, хранящийся в памяти, каждая мысль, то есть обработка этого факта или множества фактов, это результат работы многочисленных индивидуальных мыслительных процессов конкретного человека. Таким образом то, к чему человек приходит в результате своих размышлений нельзя просто удалить из памяти или заменить на другую мысль. Записав новый результат, мы нарушаем одно из звеньев в цепочке размышлений и вызываем сильнейший дисбаланс в

психике. После этого открытия мы стали работать намного осторожнее. Теперь мы используем либо простое стирание на ранних стадиях возникновения мысли, либо уже записываем всю цепочку возникновения новой мысли целиком.

– Как это? – не понял я.

– Ну смотри, когда какая-нибудь мысль только зародилась в голове человека и считывающий это зарождение отследил, он может безболезненно просто стереть её. Человек, образно говоря, ещё не успел развить её в своей голове и не связал ни с какими остальными фактами, хранящимися в его памяти. Удаление такой мысли безопасно, человек как будто просто забывает, о чём думал. Если же мысль уже пустила корни в сознании человека, то приходится разобраться во всей логической цепочке и затем уже, разработав свою, записать полностью новый вариант. Например, человек стоит на улице и держит в руках яблоко. Это факт, которому предшествует некоторая цепочка событий, уже отложившихся в его голове. Он пошёл в магазин, купил яблок, вышел на улицу, достал яблоко из пакета и теперь держит его в руке. Что будет, если мы сотрём в его мозгу всю эту цепочку. Получится, что он просто стоит, держит в руках яблоко и страдает от провала в памяти, потому что не может вспомнить как он оказался в этом месте с яблоком в руке. Но мы можем записать ему альтернативный вариант. Ну скажем, он вышел из дома, зашёл в свой сад, нарвал там яблок, сложил в пакет, пошёл по улице, достал яблоко из пакета и теперь стоит тут, чтобы его

съесть. Если записанная логическая цепочка будет достаточно продуманной и совместимой с остальными событиями, отложившимися в памяти этого человека, то она не вызовет никакого нарушения в его психике.

И тут у меня в памяти всплыл эпизод, там в метро, когда я первый раз поехал с Лолией, чтобы она показала мне свою работу по считыванию. Тогда она просто смотрела на человека, а тот изменился в лице.

– Ты часто используешь запись?

– Нет, редко. Только тогда, когда я уверена, что это не вызовет никаких повреждений психики записываемого. Я не помню тот случай в метро, о котором ты сейчас подумал, но, вероятно, тогда я как раз стёрла из головы этого человека какую-то дурную мысль, зародившуюся недавно и не дававшую ему покоя. Так часто бывает, что люди в плохом настроении начинают выдумывать планы, как расправиться со своими обидчиками или как сорвать зло на ни в чём не повинных близких им людях, причём эти планы зачастую многие из них готовы привести в исполнение.

– А почему ты не можешь в таких случаях просто записывать им какие-нибудь общие установки или какой-нибудь позитивный настрой? Радость, любовь к ближнему, желание работать и справляться с трудностями – всё это могло бы придать сил любому человеку. Возможно, это помогло бы таким людям самостоятельно справиться с плохим настроением, и они без посторонней помощи выкинули бы из головы

все негативные мысли.

– Нельзя записать человеку эмоции и чувства. Записываются только мысли и конкретные факты. Записать любовь, ненависть, радость или грусть невозможно. Это фантастика, – огорошила меня своим ответом Лолия. – Для того чтобы изменить отношение человека к окружающему его миру, требуется полное изменение его сознания. На сегодняшний день считающиеся применяют всего лишь небольшую коррекцию мыслей окружающих или стирание некоторых мыслей, представляющих наибольшую опасность.

– И какие же мысли, по-твоему, заслуживают того, чтобы их удаляли? – продолжал я нервно допрашивать Лолию.

– Например, человек злится и у него возникает идея покалечить или убить обидчика. Такую мысль лучше уничтожить в самом начале, чтобы она не разрослась в план преступления. В головах людей мне часто встречаются дурные мысли об изнасиловании, воровстве или хулиганстве. Я думаю, вряд ли кто-нибудь из нормальных людей сочтёт такие мысли заслуживающими право на дальнейшее обдумывание. Когда я удаляю их, то у человека возникает всего лишь ощущение того, что он о чём-то забыл, а на самом деле, таким образом нам удаётся предотвратить многие преступления. Вечером я пишу отчёт в управление и в любом случае, такие люди уже попадают под наше более тщательное наблюдение. Зачастую бывает так, что я уже сталкиваюсь с детально обдуманым планом преступления. Тогда простым стиранием его из

памяти ограничиться не удастся. Мне приходится разрабатывать в своей голове подобие антиплана и, знакомясь с подозреваемым, записывать ему свои мысли.

– А если тебе не удастся познакомиться с этим человеком и у тебя не будет достаточного времени, чтобы записать свои мысли ему? Ты позволишь ему тем самым совершить преступление, и будешь мучиться от чувства вины из-за того, что не смогла помочь жертве? Или не имея достаточного времени для записи, ты просто нарушишь его психику, вызвав более тяжёлые и страшные последствия, дав вырваться наружу всем его страхам в более ужасающей форме. В такие моменты тебе не приходит в голову, что лучше бы ты не занималась считыванием?

– Таких моментов, чтобы мы не предотвратили преступление, быть не может. Если не удастся записать мысли, то я просто пойду традиционным путём.

– Каким?

– Просто вызову полицию до того, как преступление совершится.

– Ты скажешь им, что считала мысли и поняла, что тут должно совершиться? Полиция с вами заодно?

– Нет, они ничего не знают. Полиция – это всего лишь самая низкая инстанция правосудия, им ничего не известно о считывающих. Но если я скажу им, что преступление уже совершилось, то они приедут и своим появлением предотвратят то, что могло бы произойти. Есть и много других спосо-

бов предотвращения. Когда я точно знаю, где лежит нож у преступника или в какую сторону он собирается бежать, не составляет большой трудности незаметно вынуть у него нож или заранее преградить путь.

– А если у тебя всё-таки не будет такой возможности? – продолжал настаивать я.

– Тогда мне ничего не останется, как воспользоваться последним методом.

– Последним? Каким?

– Я стираю мысли преступника, не думая уже о том, как это скажется на его психике. В таком случае я всегда стою перед выбором – жизнь человека или расстроенная психика преступника. Я думаю, в этом случае правильный ответ очевиден.

Лолия посмотрела на меня, и, вероятно, увидев мой растерянный вид, продолжила.

– Подожди, я покажу тебе кое-какие записи. Они помогут тебе понять, как я работаю.

Она ушла в комнату и вернулась через пару минут, держа что-то в руках.

– Это дневник человека, который был террористом, – сказала Лолия, протягивая мне изрядно потрёпанную, старую тетрадь.

– Кем-кем был??? – удивлённо переспросил я.

– Террористом, – отчётливо повторила для меня Лолия.

В моих руках оказалась потёртая, зелёного цвета тетрадь.

ка. Я открыл первую страницу.

– Лучше начни читать вот отсюда, – Лолия перевернула пару листов. – Именно с этого момента. Здесь я обнаружила этого человека и начала с ним работать.

Я посмотрел на крупные каракули чужого почерка, оставленные на пожелтевшей бумаге в том месте, на которое указала мне Лолия.

«23 июня. Сегодня встречался с Хазифом. Он сказал, что есть задание для меня. Нужно взорвать бомбу в метро. Получил предварительные инструкции, завтра отправляюсь на осмотр линии».

– В этот день я встретила этого человека в метро, – услышал я где-то рядом с собой тихий голос Лолии. – Он сидел в углу вагона и, неподвижно глядя куда-то прямо перед собой, выглядел очень задумчивым. Хоть он и был погружен в свои мысли, но его взгляд был открыт и доступен для считывания. Через три секунды я знала план того теракта, который он обдумывал, а через пятнадцать секунд я знала всё об этом человеке. Мысль о бомбе сложно было уже просто стереть из его головы, он над ней постоянно работал, и она крутилась в его мозгу. К тому же я поняла, что в целях безопасности должна буду найти всю их шайку, а в голове этого человека вертелись только обрывочные воспоминания об их штабе, так как доставляли его туда с завязанными глазами. Мне оставался один выход – слежка и предотвращение. Я знала его адрес и знала, где могу встретить его на следующий день.

Лолия замолчала, а я продолжил читать.

«24 июня. Осмотрел девятую станцию. Людей достаточно много, в час-пик легко будет затеряться в толпе. Сумка не вызовет подозрения, рядом вокзал. Сажусь с сумками на своей станции, на девятой в толкотне оставляю одну из них в поезде, выхожу на следующей остановке. Сразу же поднимаюсь наверх. Чтобы дойти до следующей станции поезду потребуется минут пять, бомба взорвётся через три. Завтра еду к Хазифу за бомбой»

– Во вторую нашу встречу самой ценной оказалась информация о провожатых Хазифа. Я знала время встречи и станцию, где он должен был встретиться с этими людьми. Это было следующее звено в цепочке моих поисков... Их было двое. В тот день я нарочно оделась ярко и смогла несколько раз на несколько секунд привлечь к себе взгляд одного из них. Этого было достаточно, чтобы точно узнать адрес Хазифа. На следующий день ими уже занимались специальные службы. Читай дальше...

«25 июня. Спал плохо, снились кошмары, встал рано. Бомба у меня. Заводится по таймеру. Сегодня вычислил, сколько времени потребуется, чтобы пройти путь от моего жилища, до девятой станции. Прошёл этот путь раз пять. Вечером в час-пик ещё раз проверил время, таймер нужно выставлять на двадцать четыре минуты. Потом ещё гулял до темноты, обдумывая завтрашний день».

– В этот день в десять часов я поджидала этого человека

на его станции.

– Почему в десять?

– Потому что я уже начала применять на нём запись. Он должен был плохо спать, и утром у него в голове сразу же должна была всплыть мысль, что в десять он должен быть уже в метро. В его голове был уже чётко сформировавшийся план теракта. Он хотел выйти из дома в час-пик с двумя сумками, в одной из которых была бы бомба с уже заведённым таймером, дальше он спускается в метро, садится в поезд, идущий к вокзалу. На девятой станции, где всегда в поезд набивается много людей, он незаметно оставляет сумку с бомбой в поезде, а сам выходит наверх, садится в автобус и добирается домой. Бомба должна была взорваться между станциями через три минуты, после того, как поезд отойдёт от девятой станции.

– Это ужасно! – воскликнул я. – И что никто не смог бы остановить этого человека?

– Обычными методами, нет, – ответила Лолия. – Ни у кого не вызовет подозрения человек отправившийся из района, где никто толком не знает друг друга, на вокзал. На участке от своего дома до девятой станции вряд ли кто мог бы его остановить, а то, что было бы с ним потом его, поверь мне, совершенно не волновало. У этих людей совершенно другие ценности и понятия, и взорвись эта бомба в поезде прямо у него в руках, он бы всё равно был бы счастлив и считал свою задачу выполненной. Таким людям бесполезно записывать

мысли о наказании или возмездии за содеянное. Я записывала ему совсем другое.

– Ты записывала?

– Да, немного. Читай...

Следующий день был написан неразборчиво. Он был последним, после него записей не было.

«26 июня. Это ужасно... Всю ночь снились кошмары, море крови, мои соотечественники, они все погибли... из-за меня... Я совершаю ошибку, все из-за меня погибнут... весь наш род... Всё не так... Умереть должен я... Дверь не открывается, это плохой знак...»

На этом записи оканчивались.

– Что с ним произошло? – спросил я.

– Повесился, так и не вышел с бомбой из дома.

– Что? Как это получилось?

– Моя работа, всё было сделано чисто и быстро. Мне пришлось расстроить его психику и довести до самоубийства. Другого выхода не было. Он принадлежал к восточному террористическому течению. Психология, поступки и мотивы их совершения у этих людей в корне отличаются от наших. Эти фанатики боязливо-религиозны и преданы своему народу. Муки людей других рас и массовые смерти людей других национальностей таких не пугают. Его убила мысль о том, что он стал причиной бедствий своего рода, навлёк на них божью кару и стал виновником их полного уничтожения. Ему снились кошмары, море крови из-за взорванной бомбы,

только погибали не те, кого он хотел уничтожить, а его соотечественники. Плюс ещё мысли о возмездии, проклятии, гневе господнем и прочее...

– Это всё ты записала ему в голову?

– Да. Во время нашей последней встречи я специально постаралась попасть в поле его зрения. Ещё раньше я заметила, что этот человек всегда смотрит прямо перед собой, когда едет в вагоне поезда. Пока мы ездили от станции к станции, мне удалось стать прямо перед ним, пару минут он смотрел сквозь меня своим немигающим взглядом. Этого было достаточно.

– Но почему нельзя было просто сообщить о нём в полицию, те могли обнаружить у него бомбу и арестовать за это.

– Терроризм не подчиняется никаким законам. Это тайная война, которая ведётся уже давно, – сказала Лолия, подчеркнув интонацией слово «тайная». – В терроризме замешаны все страны, и любые возникающие вопросы вызывают излишнюю возню и препирательства. Лишняя волокита никому не нужна, у нас приказ истреблять физически таких людей, как этот. Устранять их тихо, без всяких подозрений.

– Ты записываешь таким мысли о самоубийстве?

– Да, – ответила Лолия. – И слежу за их исполнением. Этот человек даже физически не смог бы выйти из квартиры, я заперла его снаружи.

– Ты не побоялась отправиться к нему в какой-то глухой район?

– Бояться нечего, когда ты можешь стирать мысли. Любая дурная мысль по отношению ко мне, возникшая у любого встретившегося мне человека, тут же будет стёрта мною.

Я поразился тому хладнокровию, с которым Лолия рассказывала мне всё это.

– А тетрадь? – поинтересовался я. – Как она к тебе попала?

– Я забрала её себе, когда всё было закончено. Я решила, что вещь, пусть и косвенно, но обнажающая мою работу, будет ни к чему.

Я посмотрел на Лолию, и от её ледяного взгляда мне стало страшно.

– Почему? Почему о вас никто ничего не знает? У вас, наверно, есть специальная служба, которая уничтожает всех простых людей, которые знают о считывании.

Лолия нахмурила брови.

– Ты мыслишь традиционно. Пойми, у нас на вооружении такое мощное средство, которое отмечает любую необходимость прямого физического уничтожения людей. Мы можем проникать в мысли и менять их.

– Значит, нет никаких органов, следящих за сохранением вашей секретности? Значит, любой человек может узнать о вас?

– Мы работаем, как единая информационная сеть. Это огромный добротнo сколоченный механизм, который работает по собственным правилам. Никаких органов надзора

нет, есть только наше внутреннее руководство, которое следит за выполнением установленных для нас инструкций. Нам дано распоряжение, стирать из голов людей, узнавших о нас, все мысли о считывании. Каждый из нас сканирует сотни голов в день и, заметив, что кому-то стало известно о считывании, удаляет эти мысли, не взирая ни на что. Поэтому я тебя предупреждала, чтобы ты старался избегать встречи со считывающими, ты слишком много знаешь.

По моей спине пробежал холодок. Только сейчас и ещё не в полной мере я осознал, насколько большую власть имеют считывающие над простыми людьми. Это было нечто новое, воздействующее не физическим принуждением, а проникающее в глубины сознания и меняющее... всех нас.

– А может быть, они уже обрабатывали меня? – испуганно спросил я.

– Нет, не волнуйся. Я слежу за твоими мыслями, если бы в них кто-нибудь вторгся, я бы сразу узнала об этом. В этом случае я могла бы восстановить их, не допустив нарушения в твоей психике. К тому же, пока я рядом, я охраняю тебя от считывающих. Я могу безошибочно определять их в толпе и контролировать их, не допуская вторжения в твой мозг. Я стираю их мысли раньше, чем они успевают что-либо сделать тебе. «Я очень дорожу тобой, я люблю тебя», – сказала Лолия очень нежно, взяв меня за руку и опустив глаза.

Почему-то я ей верил.

Они обрабатывали других... Как-то я застал Лолию за изучением довольно толстой папки с текстом и фотографиями. Лолия была так сосредоточена, что, похоже, совершенно не замечала моего присутствия. Она внимательно вчитывалась в буквы, и, изредка откидываясь на спинку стула, как будто повторяла про себя прочитанное. Я сел рядом на диване и принялся читать газету, пока она не закончила и не закрыла папку.

– Что ты читала? – спросил я.

– Помнишь дело о серийном убийце, который нападал на молодых девчонок, а потом зверски с ними расправлялся. Об этом широко рассказывала пресса лет пятнадцать назад.

Я попытался вспомнить. Тогда мы были ещё детьми, но это нашумевшее дело долго вспоминали ещё после того, как нашли этого маньяка и посадили его за решётку. Об этом неоднократно писали газеты и журналы, а на телевидении даже сняли документальный фильм.

– Недавно он был освобождён, – продолжала Лолия. – В тюрьме он никак не проявил агрессивности и за это был выпущен, но, оказавшись на свободе, уже через месяц совершил очередное преступление. Его снова поймали. Держать его в тюрьме бессмысленно и дорого. С ним решено поступить проще, его подвергнут записи.

Я напрягся.

– Завтра я уезжаю в командировку, – говорила Лолия очень серьёзно. – Я буду проводить запись этому человеку.

– Как запись? – недоуменно произнёс я.

– Этому человеку решено полностью стереть сознание и записать новое.

Лолия посмотрела на меня, и, увидев моё недоумение, стала объяснять дальше.

– Все его воспоминания, все мысли, все поступки, всё, что сейчас находится в его голове, будет стёрто. Затем ему будет записана совершенно новая биография, новые воспоминания, новые мысли. Проблема этого человека в сильно нарушенной психике. В тюрьме с ним работали профессиональные психологи, но видимо это не дало никаких результатов. В былые времена за такие преступления его ждала бы смертная казнь, но теперь она запрещена и всё, что нам остаётся, так это провести ему полную замену сознания...

– А разве это не противоречит закону? – удивился я.

– Закону не может противоречить то, что в нём не оговаривается. Если никто не знает о считывании, как может быть принят закон, в котором будет запрещаться его использование?

Я был шокирован. Эти люди, называющие себя считывающими, ставили себя вне закона... И власти поощряют это, им это выгодно. Они тайком используют новые технологии, не предавая их ненужной им огласке. Сейчас они хладнокровно готовились полностью поменять сознание человеку!

– И что же вы запишете этому бедняге? – спросил я.

– Бедняге??? – гневно воскликнула Лолия. – Этот бедня-

га зверски изнасиловал и убил шестнадцать несовершеннолетних девочек, это до того, как его посадили, а после того как через пятнадцать лет оказался на свободе он снова принялся убивать. Смертная казнь у нас запрещена, а его заключение закончилось освобождением. Его расстройства в психике очевидны, и они делают его опасным для общества. Психологи не смогли выявить причину этого, так что же нам остаётся делать?

Лолия посмотрела на меня, её глаза злобно сверкали, делая ещё более красивой.

– Подобно тому, как на компьютере в экстренных случаях производят форматирование жёсткого диска, полностью очищая его от ВСЕХ данных, этому преступнику будет записано новое сознание, – уже спокойней продолжила она. – Там, в папке, находится его новая биография. Нам предстоит сделать из него добропорядочного одинокого человека, зарабатывающего на жизнь выращиванием цветов. В его жизни теперь будет всё правильно и красиво – счастливое детство, заботливые родители, увлечение ботаникой, любимая работа. Его новая биография идеальна для того, чтобы из него получился человек, напроць лишённый агрессии.

Я не верил своим ушам. Неужели так просто, за несколько минут можно превратить серийного маньяка в безобидного садовника. Почему же тогда всех преступников не подвергают подобным операциям?

– Полная подмена сознания применяется только в край-

них случаях, – стала отвечать Лолия на мой немой вопрос. – Зачем полностью менять человека, вычёркивая из его жизни всё, что было раньше, если возможно он сам справится со своими проблемами. К тому же после подобной операции нам ещё необходимо обеспечить человеку соответствующие его новой жизни условия. Если менять сознание всем преступникам, то придётся вместо тюрем создавать целые города, в которых будут жить обновлённые люди. Это слишком дорого и главное, это привлечёт внимание к считыванию. Намного проще предотвращать с помощью считывания преступления и только в крайних случаях использовать подмену сознания.

– Но почему в этот раз именно ты будешь проводить запись? – удивлённо спросил я.

– Потому что у меня есть уже подобный опыт, – ответила Лолия. – Проводить запись в таком большом объёме непросто. Сначала я должна во всех мелких деталях выучить новую биографию записываемого. Это как раз и есть та толстая папка, которую я читала. Там всё: фамилии, имена, даты, события и даже фотографии, для лучшего формирования записываемых зрительных образов. Мне нужно досконально запомнить все эти данные, потому что любые неточности при записи могут привести к очередным дисбалансам в психике записываемого. Для проведения записи в больших объёмах нужна хорошая память и серьёзная подготовка. Я уже несколько раз проводила такую подмену сознания, по-

этому меня выбрали для проведения операции и в этот раз.

Моему удивлению не было предела. Получалось, что моя жена не только профессиональный считыватель, но ещё и высококлассный специалист по записи. Мне открывались всё новые и новые факты о Лолии, казалось, этому не будет конца...

– А как же будет происходить... запись? – спросил я.

Лолия посмотрела на меня и неторопливо начала свои объяснения.

– Преступника посадят напротив меня, руки и ноги его будут надёжно привязаны к креслу, чтобы он не смог нарушить процесс. Его веки тоже будут зафиксированы, чтобы он не смог закрывать глаза. Для того чтобы полностью очистить его сознание мне потребуется около минуты. Затем пойдёт запись. Вся его новая биография шаг за шагом будет передаваться мною человеку в виде зрительных образов, слов и звуков и записываться прямо в мозг. На это может потребоваться десяток минут. Но, это ещё быстро. У других бы получилось намного дольше, а у меня установлен считыватель нового поколения с повышенными скоростями чтения и записи. Я устанавливала его всего пару лет назад, – сказала Лолия с некоторой гордостью в голосе.

– Но ты же говорила, что ещё в институте узнала о считывании и тогда же установила его себе, – прервал я Лолию.

– Несколько лет назад я заменила его на новый, более совершенный. Старых скоростей мне было недостаточно для

работы, – сухо сказала Лолия.

– Новый??? – воскликнул я. – Значит, ты дважды проходила через операцию установки считывателя?

– Да. Это было ещё до знакомства с тобой. Как и любой другой прибор, считыватель постоянно дорабатывается, появляются всё более новые совершенные модели. В один прекрасный миг я поняла, что мой считыватель слишком стар. Он стал тормозить мою работу и другие считывающие, прошедшие операции установки позднее, благодаря своим новейшим моделям считывателей имели передо мной преимущество, несмотря на свой небольшой опыт работы. Я одной из первых решилась на операцию по переустановке считывателя.

– Но ты же говорила, что операция по установке довольно сложна и болезненна? – продолжал удивляться я.

– Меня это не остановило, – с грустью в голосе произнесла Лолия.

Я понял, что даже не догадывался о том, насколько велико в Лолии желание знать, что творится в чужих головах. Дважды!.. Она устанавливала себе считыватель дважды, несмотря на всю опасность операции и, невзирая на дальнейшие негативные последствия, катастрофически подрывающие её здоровье. И всё это только ради того, чтобы иметь возможность лучше и быстрее прочих менять сознание окружающих её людей. Мне стало страшно...

Глава 6. Смятение

Хотя Лолия утверждала, что пользуется записью только в крайних случаях, я всё же стал замечать, что это не так. Те моменты, на которые раньше я не обратил бы внимания, теперь для меня были явным доказательством того, что Лолия использует запись в своих личных целях.

Лолия не любила проигрывать. Никогда... Проигрыш в любой игре бесил её, и она знала за собой этот недостаток. Поэтому она выигрывала. Всегда... Игры на компьютере или игровых автоматах не привлекали её, здесь она показывала весьма посредственные результаты. Когда же она играла с людьми, ей не было равных. Карты – это была её страсть. Лолия давно уже пользовалась репутацией самого лучшего игрока среди моих друзей, но кое-кто иногда всё же пробовал садиться с ней за стол. Сначала я связывал её выигрыши с простым везением, ведь бывают же люди, которым просто патологически везёт в азартных играх. Когда Лолия рассказала мне о том, что умеет читать мысли, я понял, что её везение напрямую связано со считыванием и больше ни с чем. Никакая удача здесь была ни при чём. Если обычные люди могут только мечтать о том, чтобы подсмотреть карты противника, то Лолия имела возможность не только видеть чужие козыри, она знала ещё и каждый следующий ход любого игрока, его тактику и планы. Просто во время игры она за-

глядывала в мысли других игроков. Недавний же случай не оставил у меня сомнения в том, что она ещё и записывает им нужные ей мысли.

Ко мне пришли друзья. Раз в несколько месяцев мы устраивали у кого-нибудь дома своеобразные мальчишники. Мы пили пиво, смотрели футбол по телевизору, делились последними новостями и обсуждали дела. В этот день Лолия обещала задержаться на работе, поэтому все собрались в нашем доме. Вечер начался как обычно, поэтому, когда Лолия вернулась, все мы были уже навеселе. К нашим посиделкам моя жена относилась абсолютно спокойно. Конечно, ведь она в отличие от прочих женщин понимала меня и знала, что мне необходимо периодически расслабляться с друзьями, а за её понимание я только ещё больше любил и ценил её.

Лолия открыла входную дверь и вошла в комнату тогда, когда мои гости, вдоволь наговорившись, уже стали скучать. Она сразу же внесла в нашу компанию оживление. Мои друзья уважали её, и присутствие моей жены в нашей чисто мужской компании никогда не вызывало их недовольства. За оживившимся разговором я не заметил, кто и когда достал игральные карты, но по громким возгласам понял, что друзья до сих пор не оставили мысли обыграть Лолию. Я знал, что это бесполезно, они же не могли смириться с тем, что их обыгрывает... женщина.

Лолия не сопротивлялась, а, наоборот, с удовольствием приняла игру. Её глаза безжалостно засверкали, и она заняла

приготовленное ей место за столом.

Глупцы, они не знали, что обречены на проигрыш. Этот холодный взгляд не оставлял им ни малейшего шанса. За этим взглядом стояла одна из самых передовых на сегодняшний день технологий, технология считывания. Они не знали, что спешат сесть за стол и подвергнуться вторжению в их мысли... Я единственный, кто остался вне игры.

Играли в покер. Я не следил за игрой, а смотрел только на Лолию. Раздали карты... Мои друзья, севшие играть с беззаботно-весёлым настроением, всё больше и больше втягивались в игру, становясь сосредоточенными и серьёзными. Их охватывал азарт. Лолия даже в этой полушутливой игре с подвыпившими игроками хотела выиграть. Её глаза сверкали, и я видел, как зорко она следит за каждым игроком. Она была выдержана и спокойна.

Карты шуршали, разлетаясь по столу...

Лолия не любила проигрывать... Она и не проиграла, ни разу.

Когда после игры раздосадованные игроки стали расходиться из-за стола, я услышал сокрушённый голос Леона:

– Ну что меня заставило остановиться раньше времени, – причитал он. – С такими картами мне можно было продолжать игру. Но когда я уже готов был тянуть последнюю карту, какой-то голос внутри меня навязчиво твердил, что надо открываться. Я решил послушаться... Зачем? Я бы точно выиграл. А потом всё наоборот. Стал тянуть, когда этого не

хотел. Внутренний голос сегодня только вредит мне...

Я посмотрел на Лолию, она выглядела довольной, её глаза сияли холодным расчётливым блеском. Она тоже посмотрела на меня и отвернулась.

– Зачем ты делаешь это? – спросил я её, когда гости разошлись.

Тут я снова ощутил на себе её тяжёлый пронизывающий взгляд.

– Я не могу сдержаться, не люблю проигрывать, – после короткой паузы ответила мне Лолия.

– Но не такой же ценой, – возмутился я. – Ты же записываешь им свои мысли. Эти голоса, которые звучат внутри них... Признайся, это ведь твои мысли звучат у них в голове.

– Ну и что. Часто люди говорят, что имеют внутренний голос, который подсказывает им как жить дальше, даёт советы или просто является их совестью. Почему-то никто не жалуется, когда внутренний голос ведёт их к успеху, когда же к неудаче, то они начинают причитать...

– Так те потусторонние голоса, которые мы слышим внутри нас – это тоже дело рук считывающих? – осенило меня.

– Вполне может быть, – не стала отпираться Лолия. – Иногда приходится зарождать в головах людей совершенно новые непривычные для них мысли. Они наверняка звучат, как своеобразный незнакомый внутренний голос.

– Ты понимаешь, что подвергла опасности мозг и психическое состояние моих друзей, указывая, что им делать? Это

же мои друзья... – продолжал возмущаться я.

– Я не причиняю им зла, – гневно ответила Лолия. – Это абсолютно безопасно. Подумай сам, что такого в том, что всего лишь секунду в их голове будет звучать голос, диктующий как поступить с имеющимися на руках картами. Это игра. Маленькая безобидная игра, и встав из-за стола, они забудут о том, что ими что-то руководило.

– Ты и об этом позаботишься? Позаботишься о том, чтобы они всё забыли? – кричал я. – Запиши им в головы тогда сразу то, что тебе нет равных, и что они уже сразу тебе проиграли.

– Нет, – уже спокойно сказала Лолия. – Так нельзя поступать, в этом случае целый временной кусок в десяток минут выпадет из жизни каждого, кто находился в этой квартире. У них останется ощущение, сродни массовому гипнозу.

Лолия смотрела на меня своим спокойным ровным взглядом. Глядя на неё, я начал успокаиваться. Правда, зачем я так всполошился из-за безобидной шалости, которая просто позволила Лолии доказать, что она может быть в чём-то лучше других...

Я стал прислушиваться к тому, что происходило в моей голове. После нашей последней встречи с друзьями и разговора с Лолией, состоявшегося следом за игрой в карты, я всё больше стал задумываться о том, что возможно кто-то тоже диктует мне свои мысли.

Всё больше стало вспоминаться мне случаев, когда я принимал не свойственные для меня решения. А ведь это кто-то другой мог просто записывать мне новые мысли. Нас повсюду окружали считывающие, я ни на минуту не забывал об этом. Как часто голос внутри меня советовал поступить мне так или иначе, как часто ругал за совершенные проступки и хвалил за удачные дела. Я думал это совесть или мой внутренний разум, но видимо всё было иначе...

Мы ехали в машине. В последнее время я всё больше и больше думал над тем, насколько мысли, кружащиеся у меня в голове, действительно являются моими. Вот и сейчас, неожиданно для самого себя, я стал размышлять о внутреннем голосе. Эти мысли сами собой полезли мне в голову.

Лолия сидела рядом. Она не могла видеть сейчас напрямую мои глаза, потому что я устремил свой взгляд на дорогу. Однако, это не помешало ей понять, о чём я думаю в этот момент, и она начала разговор.

– Не стоит так бояться того, что мысли у тебя в голове являются чужими.

Я чуть не закричал: «Как это не стоит бояться?!»

– Считывающие используют запись, в основном, для зарождения новых мыслей. Они могут быть непривычны для записываемого, но они не вредят ему, а наоборот подталкивают к нестандартным решениям, открывая второе дыхание. Это своеобразная психологическая помощь.

– Ничего себе! – разозлился я. – А кто вас просит о такой

помощи?

– Люди часто не решаются просить о помощи и считают, что она им не нужна. На самом же деле со стороны видно, что им просто необходима свежая мысль, – спокойно ответила Лолия. – Закостенелость стандартного мышления часто не даёт развиваться людям, новая же мысль является определённой затравкой и помогает направить мыслительный процесс по новому пути. Те люди, которые могут это делать самостоятельно – гении. Они без посторонней помощи могут менять ход своих мыслей и рождать новые идеи. Мало обладать какими-либо знаниями, важно ещё и уметь эти знания использовать. Это как в компьютере, есть данные, и есть программы для обработки этих данных. Так вот ни один компьютер не способен самостоятельно написать новую программу, он всегда следует уже заложенным в него алгоритмам. Так и люди, в основной своей массе, следуют исключительно заученным установкам и правилам. Гении же способны идти наперекор всему, и только они способны генерировать новые идеи. Только они способны взглянуть на накопленные знания по-новому и найти новые пути их использования. Эти люди – самое ценное, что есть на земле. Они становятся родоначальниками всего нового и заставляют человечество двигаться вперёд. Остальным же иногда помогаем мы, считывающие.

– Это насилие над людьми, – продолжал возмущаться я. – Как ты не можешь понять, что нельзя оказывать помощь лю-

дям насильно. Вы вторгаетесь в такие глубины сознания, в такие сокровенные сферы, куда люди сами зачастую боятся заглядывать.

Чувствуя, как волна гнева охватывает меня, я остановил машину и вышел. На улице было уже темно, она озарялась только лампами фонарей и светом витрин. Мне хотелось просто идти куда-нибудь, размышляя о том, что сейчас я услышал. Лолия вышла из машины и пошла рядом. Мне не хотелось смотреть на неё...

Считывающие записывают нам свои мысли и думают, что тем самым помогают нам, а ведь никто их об этом не просит! Они лишают нас всего самого ценного, отнимают у нас свободу выбора... Лолия продолжала идти рядом со мной.

– Почему вы не займётесь помощью тем, кому это действительно необходимо! – начал кричать я Лолии. – Ведь есть алкоголики, наркоманы, сумасшедшие, не знаю, кто ещё... Займитесь ими.

– Мы не можем им помочь, – спокойно ответила Лолия.

– Не можете или не хотите? – закричал я. – Обычным людям вы помогаете, а им почему-то не можете! Почему же вы не можете записать в голову алкоголика одну простую мысль «Не пей».

– Алкоголики и наркоманы – это зависимые люди, – ровным голосом ответила Лолия. – Одна мысль не спасёт их. Она просто затеряется в пустоте их искаленного мозга. Их организм зависит от вредных веществ, к которым они его

приучили. Это физическая зависимость и лечить её нужно не только психологически, но и медикаментозно. Неужели ты думаешь, мы бы не хотели решить эти проблемы, если могли бы?

Лолия посмотрела на меня и продолжила.

– Теоретически, мы можем лечить психических больных. Однако, на практике большинство подобных экспериментов потерпело крах. Мозг этих людей уже один раз дал сбой, и после этого нет никакой гарантии, что после процесса записи этот сбой не возникнет снова и в ещё большем масштабе.

Лолия объясняла мне всё это настолько спокойно, что я сам стал понемногу успокаиваться.

– Смотри, вон прошёл мужчина в синем пальто, – неожиданно попыталась сменить тему Лолия. – Сейчас ему предстоит вернуться домой, а он этого не хочет. Он нарочно проторчал в офисе до самого вечера, занимаясь делами, только, чтобы не идти в дом, где ждёт его жена. Их жизнь не ладится и всё, что он получает дома вместо любви и заботы, это бесконечные придирки и скандалы. Он терпит всё, потому что его родители мечтали об этом браке. Это они выбрали ему невесту и внушили, что этот брак будет счастьем всей его жизни. На протяжении многих лет они готовили его к совместной жизни именно с этой женщиной, не позволяя ему думать о других девушках. Теперь же этот человек несчастен, но он даже не думает о том, что это неправильно и всё может быть по-другому. Он не способен самостоятельно пе-

реломить сложившиеся в его голове стереотипы, хотя они и с женой абсолютно не подходят друг другу. А теперь посмотри на девушку, которая, немного отставая, идёт за этим человеком.

Я посмотрел в сторону и заметил молоденькую, скромно одетую девушку с милыми, немного детскими чертами лица.

– Так вот, она работает с ним в одном офисе и специально, задерживается на работе, чтобы последовать за ним. Она всегда так делает, потому что... влюблена. Она видит в нём прекрасного человека, доброго, весёлого и достойного только счастья. И что плохого в том, что сейчас в голове этого мужчины зародилась новая мысль – стать счастливым рядом с этой женщиной?

Я опешил и ещё раз обернулся, чтобы посмотреть на молодых людей.

Те стояли на почтительном расстоянии друг от друга и, смущаясь, разговаривали. Молодой человек с улыбкой начал что-то рассказывать девушке, а та просто засветилась счастьем. Продолжая свою беседу, они пошли по улице вместе...

Я посмотрел на Лолию.

– Но как ты можешь решать что-то за них?

– Я ничего не решаю. Всё, что будет происходить дальше, зависит только от желания и возможностей этих людей. Этому мужчине я подала просто новую идею, в которой нет ничего плохого, а есть только желание сделать двоих людей

счастливыми. Что плохого в том, что этот человек откажется от заложенных его родителями нелепых стереотипов, которые уже сделали его несчастным?.. К тому же, запись этой мысли произошла произвольно... – слегка смутившись, сказала Лолия.

Последняя фраза повергла меня в лёгкий шок.

– Ты что, не можешь контролировать процесс записи, которую сама же производишь? – воскликнул я.

– Мне не всегда удаётся это контролировать. Иногда это происходит просто на автомате. Я произвольно активирую процесс записи, посылая свои мысли другим людям.

– Ты понимаешь, что ты делаешь? – кричал я, размахивая перед ней руками. – Ты же своими неконтролируемыми действиями меняешь их сознание.

– Успокойся, – пыталась обнять меня Лолия, я вырывался. – Я всего лишь записываю мелочи, которые никак не отражаются на психике людей. Серьёзную запись нужно проводить очень целенаправленно и такой процесс не может происходить случайно.

Она меня не убедила, я понял – процесс записи неуправляем. Даже сами считывающие не всегда могут контролировать его... Все уверения Лолии о том, что она не использует запись на мне, в одночасье превратились в пустой звук. Она не могла контролировать этот процесс. Не могла!..

Я стал плохо спать по ночам. Вернее, я почти совсем пере-

стал спать. Раньше темнота меня пугала, теперь же она приносила мне освобождение. Только в темноте я чувствовал себя свободным от всевидящего ока своей жены. Только темнота позволяла мне остаться наедине со своими мыслями. Именно со своими, потому что всё, о чём я думал ночью, было защищено от считывания и записи. Защищено темнотой.

В эти долгие ночные часы я без боязни думал обо всём, что меня волновало. До того, как я узнал о считывании, я был уверен, что в моё сознание, в мой ум, в мои мысли доступ посторонним закрыт. Я чувствовал себя хозяином собственного разума. Это я решал, что рассказывать другим людям, а что нет, с кем делиться сокровенным, а кого оставлять в неведении. Я решал... Внутри меня всегда оставался уголок сознания, который был только моим. После того, как я узнал о считывании, я понял, что лишён возможности что-то скрывать. Меня как будто раздели до костей. В мой заветный уголок сознания вторгались без моего ведома и вопреки моему желанию. Все мои мысли теперь были известны, я не мог ни о чём подумать, не боясь того, что это не станет известно моей жене. Но, по крайней мере, мои мысли пока ещё оставались моими... Когда же я узнал о записи, я понял, что во мне может и не быть ничего моего собственного. Все мысли, все воспоминания, которые я считаю сейчас своими, могли быть мне записаны. Записаны тем человеком, которого я выбрал себе в спутники жизни, которому доверял и на которого опирался всё это время. Этот монстр мирно спал возле меня

ночью, а днём пронзительным взглядом своих синих глаз не только сканировал мой мозг, но и, вероятно, методично записывал мне свои мысли.

Как только в нашей комнате гас свет, и Лолия засыпала, в моей голове возникал один и тот же вопрос «Кто я?».

Что есть я? Это биологическая оболочка, наделённая моим собственным сознанием. Что есть моё сознание? Это собрание множества моих индивидуальных мыслей, моих собственных логических цепочек размышлений, фактов и воспоминаний, хранящихся в моей памяти. Что же тогда я, если в моё сознание может кто-то вторгаться, редактировать его, стирать что-то одно, записывать что-то другое. В этом случае меня уже нет. Есть кто-то чужой, просто живущий в моём теле. С помощью записи можно было методично изо дня в день корректировать мои мысли или одним разом стереть и записать меня по-новому. Главное, я становился уже не собой, а тем другим человеком, которого из меня сделали. Ту пустую оболочку, которая остаётся от меня, кто-то мог наполнить содержимым по собственному усмотрению. Мне стало страшно.

Сейчас я лежал в нашей спальне, кругом царил темнота. Я следил, как медленно движется занавеска возле окна, и чувствовал живительную прохладу холодной ночи. Я не спал, множество мыслей и догадок опять возбуждённо терзали мой мозг.

Я думал. Думал надо всем, что со мной произошло и про-

исходит. Всё чаще за последнее время мне стало казаться, что это всё случилось не со мной. Всё больше моя жизнь походила на непрекращающийся кошмар. Я не знал, виновен ли я сам в этом кошмаре или чья-то умелая рука руководит мной. Зато я чётко представлял, чья это могла быть рука. За последний год, мне казалось, я хорошо научился скрываться от считающих. Я не пользовался общественным транспортом, в котором могли находиться считающие, я ездил только на своей собственной машине. На работе у нас был устоявшийся коллектив, который Лолия давно проверила, и в котором точно не было никаких считающих. Со своими новыми клиентами я всегда встречался в присутствии Лолии, которая тут же проверяла их. Я почти не бывал на улицах, потому что, выходя из любого здания, тут же садился в автомобиль, который давал мне чувство защищённости. Все покупки в нашей семье совершала Лолия, избавив меня, таким образом, от необходимости бывать в многолюдных магазинах, где могли вести свою работу считающие. И всё равно в этом мире мне всё сложнее было сохранять спокойствие. Со мной явно что-то происходило, и я знал, что единственным человеком, который мог влиять на меня, была моя жена. Я был полностью в её власти. Только она могла изменить моё сознание, записать мне свои мысли и заставить потерять своё «я». Мне было больно осознавать это.

Лолия говорила, что для того, чтобы записывать мысли требуется время. Она живёт со мной уже несколько лет, она

видит меня каждый день, я часто смотрю в её красивые синие глаза, упиваясь её взглядом, значит у неё более чем предостаточно времени для того, чтобы записывать. А почему я решил, что она записывает мне что-либо? Первый довод был самым простым и очевидным – потому что ни один человек, который умеет записывать мысли не удержится от соблазна когда-нибудь воспользоваться такой возможностью. Мне хотелось бы успокоить себя тем, что я настолько хорош и настолько подхожу Лолии, что ей незачем что-то во мне менять. Но, подумав об этом, я сразу же понял, что такого быть не может. У меня далеко не самый лучший характер, я упрямый и вспыльчивый. Да и вообще, мы два совершенно разных человека, но я не мог вспомнить, чтобы мы хоть раз ссорились или спорили о чём-либо. Я понимаю, что нельзя считать это большой странностью, ведь и кроме нашей семьи есть ещё прекрасные семьи, в которых люди также понимают друг друга с полуслова. Но где гарантия того, что один из партнёров в таких семьях не является считывающим? Женщины... От них все наши беды! Они влияют на нас, подчиняют нас себе, делают заложниками своих желаний и прихотей, заставляют жить по их правилам... Они имеют над нами тайную власть. Наверняка они записывают нам, мужчинам, свои мысли. А может их не пять миллионов, а намного больше? Что заставляет нас жениться на них? Ведь нормальному здоровому мужчине нет смысла связывать себя на всю жизнь всего лишь с одной женщиной. Зачем нам настолько ограни-

чивать себя в своей свободе? Это не наши, желания, это их желания. Женщины только об этом и думают, они мечтают привязать нас к себе, чтобы потом уже ни о чём не заботиться и ничего не делать. Все они, так же как и Лолия, записывают в наш мозг мысли о любви, семье, детях, хотя зачем нам, мужчинам, всё это? Нам нужны работа, дом, друзья... Надо же, заметил я, я уже не сомневаюсь в том, что Лолия мне что-то записывает. Конечно, ведь это проявляется даже в мелочах. С чего я решил, что вкус тефтелей, которые мне готовит Лолия, именно такой, какой я помню с детства по маминой стряпне? Лолия никогда не видела мою мать, потому что той уже нет в живых. Откуда она могла узнать её рецепт? Ниоткуда, в моей голове его не было, я только помнил, как в детстве крутился возле матери на кухне. Всё, что могла сделать Лолия, так это записать мне те детские воспоминания и связать их с настоящим моментом. Она влияет на меня. Влияет с самой нашей первой встречи. Я заметил это сразу, как только почувствовал на себе её тяжёлый взгляд, истребляющий из моего сознания всех остальных женщин и внушающий непомерную любовь к ней, к моей Лолии. Её глаза, словно две черные дыры, поглощали все мои мысли и чувства. С непреодолимым магнетизмом они затягивали в себя моё беспечное сознание, оставляя во мне опустевшее место для нового содержимого. Уже тогда, в первую нашу встречу, Лолия стала обрабатывать мой мозг. Разве мог я раньше, до встречи с ней представить, что женюсь вот так

на ком-нибудь всего лишь через три месяца после знакомства. До встречи с ней я вообще не думал о семье. Это она околдовала меня. Нет, не околдовала, она просто записала мне то, что хотела. Преследуя свои цели, она заставила мой разум верить в то, что я мечтаю о тихом семейном счастье. Она записывала, записывала, записывала мне это... пока не добилась своего. А если подумать, кем я был раньше и кем я стал теперь, то никаких сомнений не оставалось. Она изменила меня полностью, все окружающие заметили, что я стал совершенно другим человеком. Почему мне нравится то, что нравится ей? Почему я живу так, как хочет она? Конечно, мою теперешнюю жизнь нельзя назвать плохой. Наоборот, о многом, что я имею сейчас, раньше я не смел даже мечтать. А может, и не хотел мечтать? Может, мне это было никогда и не нужно? Может это Лолия записала мне свои мечты, а я глупо следовал не своему, а её плану? Где же в этом всё то, чего действительно хочу я? Были ли у меня когда-нибудь вообще свои желания? Я попытался вспомнить, о чём я мечтал до встречи с Лолией... и не смог. Она настолько ярко заполнила собою мою жизнь, что всё, о чём я думал и мечтал, было связано только с ней... Поехать вместе отдохнуть, переехать вместе в столицу, купить вместе новый дом, завести детей... Я посмотрел на человека, лежащего со мной рядом и понял, что никогда не получу ответы на свои вопросы. Лолия спала. Спала тихим сном безвинного младенца, а я чувствовал, как от моей любви к ней не остаётся и следа. Это

светлое чувство, которое я испытывал когда-то к своей жене, с удивительной быстротой сменяла ненависть.

Я чувствовал, как от бессилия начинаю просто злобно улыбаться в темноте...

Как-то Лолия вернулась домой намного раньше обычного. Бесшумно открыв дверь, она принесла с собой лёгкий порыв студёного осеннего воздуха. Там, за стенами нашего дома, стояли первые заморозки. Деревья уже сбросили последние листья, а бывшее раньше синим высокое небо с кучерявыми белыми облаками стало теперь низким и непроглядно серым. Почему-то сегодня Лолия показалась мне невероятно красивой. В последнее время я редко видел её счастливой и радостной. Улыбка на её лице появлялась всё реже и реже, а на её лбу всё заметней становились две вертикальные морщинки между бровей. Сейчас Лолия выглядела по-особенному серьёзной, а в её глазах я заметил необычный блеск. Это был блеск надежды... Я тщетно пытался расшифровать, что скрывается за её таинственной задумчивостью.

– Я решила показать тебе кое-кого, – посмотрев на меня, произнесла она.

– Зачем? – устало спросил я, осознавая, что сейчас мне никого не хочется видеть и слышать.

– Чтобы ты наконец-то понял меня, поверил мне и успокоился.

– Я и так спокоен, – резко оборвал её я.

– Меня ты не сможешь обмануть, никогда не сможешь, – спокойно отреагировала Лолия.

Я знал об этом и это меня всё больше и больше раздражало.

– Вот уже несколько месяцев я пытаюсь убедить тебя в том, что никогда не использовала и не использую запись на тебе, – грустно продолжила Лолия. – Я очень надеялась, что ты поверишь мне, но ты продолжаешь терзать себя ненужными сомнениями и домыслами. Я же буду повторять тебе снова и снова, я не использую запись на тебе. Знаешь почему?

– Почему? – равнодушно спросил я.

– Потому что я уже сделала в жизни подобную ошибку. Сегодня я покажу тебе, что из этого получилось. Одевайся, – сказала она и кинула мне джинсы и свитер.

Я стал медленно напяливать на себя одежду. Всегда и во всём я подчинялся своей жене, у меня просто никогда не было другого выбора. Она подавляла меня, заставляя делать то, что было нужно ей. Мне казалось, она лишила меня возможности выбирать, записывая мне свою волю, сейчас же Лолия хотела доказать мне обратное.

Мы отправились в путь. Лолия была за рулём, я же, молчаливо наблюдая за дорогой, сидел рядом. Оставив позади шумные городские улицы, мы выехали на шоссе. С обложенного серой пеленой неба срывались первые редкие снежинки.

– Ещё тридцать километров, и мы будем на месте, – предупредила меня Лолия.

Почему-то мне даже не хотелось спрашивать, куда мы направляемся. Молчаливо я продолжал смотреть, как за окнами мелькают серые стволы деревьев. Раньше, подобная поездка была бы воспринята мною с радостью. Я вспомнил, как мы с Лолией любили выбираться за город. Эти вылазки невозможно было забыть. Мы набирали с собой еды, и, отдыхая от суеты города, наслаждались природой. Мы были вместе, и всегда в такие моменты глаза Лолии светились счастьем. Почему всё теперь стало не так? Где моя жизнерадостная Лолия? Где её звонкий смех? Где то время, когда мы неслись по шоссе в любое место, чтобы просто побыть вместе и посвятить время друг другу. Как мне хорошо было тогда! Почему всё не так теперь?

Лолия посмотрела на меня.

– Я тоже хочу вернуть то время, – сказала она мне. – Всё теперь не так, потому что ты перестал мне доверять, а все мои усилия убедить тебя в том, что мне можно верить, пока безуспешны. Я очень хочу, чтобы ты наконец-то понял меня и поверил в то, что я не меняла и не собираюсь менять твоё сознание.

Я посмотрел на неё, и снова угрюмо уставился в окно.

Скоро мы свернули на небольшую просёлочную дорогу. Я не успел прочитать название населённого пункта на указателе, да мне это было и не важно.

Проехав ещё несколько километров через припорошённые первым снегом поля, мы остановились у высокой металлической ограды, за которой виднелись большой парк и старинного вида здание.

Лолия вышла из машины, подошла к забору и что-то проговорила в коробку домофона, после чего ворота перед нами открылись. Наш автомобиль медленно прошуршал колёсами по аллее парка и остановился прямо у главного входа в здание.

– Что это? – поинтересовался я, догадываясь о том, что это и есть пункт нашего назначения.

– Это Ватервиль, – ответила Лолия, глуша двигатель, – одна из лучших психиатрических лечебниц.

На мгновение я потерял дар речи, а потом ворвавшийся вихрь мыслей закружил меня... Зачем она привезла меня сюда? Она считает, что мне нужно лечение? Она нарушила мою психику своей записью?..

Лолия схватилась за голову.

– Послушай, – в отчаянье воскликнула она. – Я не собираюсь тебя здесь оставлять. Мы приехали, только для того, чтобы ты поверил мне и понял, что я никак не влияю на твои мысли. Пойми, что я не записываю тебе ничего. Ты слишком мне дорог, я люблю тебя. Я не хочу, чтобы ты заканчивал свою жизнь так же, как человек, которого я тебе сейчас покажу.

Глядя на Лолию, я стал понемногу успокаиваться.

Мы вышли из машины и пошли к зданию. Это был ухоженный старинный трёхэтажный особняк с белыми колоннами и сухими ветками вьющегося плюща на стенах. У входа нас уже встречала пожилая женщина в белом халате.

– Здравствуйте, – поздоровалась с ней Лолия. – Как он?

– Здравствуйте, – ответила женщина, подозрительно покосившись на меня. – Стабильно. Пару дней назад даже пробовал выходить в общую комнату.

– И как? – с надеждой спросила Лолия.

– Ну... – женщине в белом халате явно не хотелось расстраивать Лолию, – это было совсем недолго... Он быстро вернулся в свою комнату и пока ещё по-прежнему старается ни с кем не общаться.

Блеск в глазах Лолии снова погас, сменившись грустью и непонятной мне тоской.

– Мы хотели бы его увидеть, – сказала она.

– Хорошо, но только недолго и как всегда только через окно.

Мы вошли в здание и бесшумно зашагали куда-то вглубь дома. В приглушенном свете ламп я заметил только вереницы закрытых дверей по обеим сторонам коридора. Дойдя до лестницы, мы поднялись на второй этаж. Здесь было светлее, и через окна открывшегося нам огромного холла я увидел сад и нашу машину, стоящую внизу.

Мы продолжили свой путь и скоро остановились перед прозрачным стеклянным окном в стене, через которое была

видна небольшая комнатка. Она была похожа на обычную, хорошо обустроенную больничную палату. На аккуратно застеленной кровати, поставленной у стены, сидел молодой человек. На вид он был немного младше меня, а его лицо чем-то напомнило мне... моё собственное. Те же крупные черты лица, массивный подбородок и уставшие глаза. Его волосы были слегка взъерошены, а неподвижный взгляд был направлен куда-то вдаль. Забравшись с ногами на кровать, обхватив колени руками и немного раскачиваясь из стороны в сторону, он похоже совсем не замечал нас.

– Он не видит нас, – сказала Лолия, повернувшись ко мне, – с его стороны это стекло выглядит обыкновенным зеркалом.

– Кто это, спросил я?

– Это Марк, мой первый муж, – грустно ответила мне Лолия.

– Кто??? – удивлённо воскликнул я. – Ты никогда не рассказывала мне о том, что уже была замужем.

– Это было давно, ещё когда я училась в институте.

– А что произошло потом?

– Потом я поставила себе считыватель, – произнесла Лолия, тоскливо глядя на человека за стеклом. – Мы учились в одной группе и поженились ещё студентами. Наш брак трудно было назвать идеальным, вернее его даже нельзя было назвать удачным. Два амбициозных целеустремлённых человека, две личности, мы скорее соревновались друг с другом во

всём, чем пытались наладить долговременные отношения. Каждый из нас старался доказать своё лидерство, силился сломать другого, подмять под себя даже на бытовом уровне. Любой мой успех больно бил по самолюбию Марка. Стоило мне написать новую научную работу, как он заявлял, что лучше бы я научилась вкуснее готовить. Как только в студенческом журнале появлялась моя новая статья, дома я выслушивала упрёки в том, что мало времени уделяю семейным проблемам. Я же всеми силами пыталась доказать мужу, что являюсь талантливым человеком и не могу быть только домохозяйкой. Так продолжалось примерно год, а потом я поставила себе считыватель. Марк не знал об этом и теперь уже никогда не узнает. В мои руки, вернее в мою голову попало очень мощное оружие в борьбе за власть в отношениях. Мне больше ничего не нужно было ему доказывать. С этого момента потеряли смысл любые споры и выяснения отношений. Сначала неуверенно, затем всё сильнее, я стала применять на нём запись, чтобы без всяких слов убедить его в своей правоте и заставить подчиниться моим желаниям. Это была моя самая большая ошибка в жизни. Только моя молодость и недалёковидность могут служить мне оправданием. Я не понимала, что в нашей войне за власть в семье не будет победителя и побеждённого. Мы проиграли оба.

Лолия ещё раз бросила на Марка горестный взгляд.

– Здесь Марк уже несколько лет. Я полностью оплачиваю его лечение, вернее его проживание здесь. Никакое лечение

ему не помогает, – при этих словах врач, продолжавшая стоять рядом с нами, слегка покосилась на Лолию.

Лолия уловила этот взгляд.

– Не могли бы вы оставить нас ненадолго, – попросила она.

– Конечно, – ответила доктор. – Я буду ждать вас внизу.

Мы с Лолией остались вдвоём. Я смотрел на Марка, он продолжал неподвижно сидеть перед нами.

– Так что же всё-таки с ним произошло? – спросил я.

– Сначала он стал жаловаться, что его преследует чужой голос, который отдаёт ему приказы, – ответила Лолия. – Затем его стали пугать окружающие люди, возникла мания преследования, он перестал выходить из дома и под конец – утрата всех желаний и эмоций. Он полностью погрузился в себя, замкнулся на каких-то странных, бессвязных обрывках своих мыслей. Сейчас Марк ни с кем не общается и никого не подпускает к себе.

– Это сделала с ним ты? – в ужасе спросил я.

– Я не хотела. Тогда запись была ещё мало исследована, и я не знала, к чему это может привести, – Лолия с грустью продолжала смотреть на человека за стеклом. – Теперь ты понимаешь, почему я больше не хочу допускать подобных ошибок? Я слишком дорожу тобой. Я не хочу записывать тебе ни одну из своих мыслей, не хочу менять тебя и заставлять следовать моим желаниям. Ты мне веришь?..

Я не смотрел на Лолию, я направил свой взгляд через

стекло на человека, сидящего передо мной в чистенькой закрытой палате. Неожиданно, он, всё больше раскачиваясь на кровати, обхватил свою голову руками, закатил глаза и стал что-то мычать. Страх, охвативший меня в этот момент, холодом пробежал по спине и сковал всё тело. Застыв в оцепенении, я продолжал всматриваться в безумца. Мне казалось, что я вижу со стороны самого себя...

Я хотел видеть, хотел знать, что ОНА делает с окружающими людьми. Выйдя утром из дома, я не сел в свою машину, не поехал в офис, а спрятался за углом собственного дома. Я стал ждать. Скоро в дверях показалась Лолия. Она была прекрасна, я невольно задержал на ней свой взгляд. Струящиеся по плечам волосы, лёгкая походка... Я оборвал себя и отвернулся. Я ей больше не верил.

Прячась за домами, боязливо озираясь по сторонам, я шёл за НЕЙ. Как и следовало ожидать, Лолия скрылась в подземном ходе метро. Её любимое место... Там она проводила все те часы, которые у меня язык не поворачивался назвать «рабочими». Но она работала. Я и раньше много раз бывал здесь вместе с ней, наблюдая за тем, как она считывает чужие мысли, сегодня же я хотел увидеть, хотел разобраться, хотел узнать, что она делает с другими людьми. Насколько опасна запись? Во что превращаются все те несчастные, кто попадает под пристальный взгляд моей Лолии.

Забившись в самый дальний угол вагона, спрятавшись в

поднятый воротник пальто, уткнувшись взглядом в пол, я искоса посматривал на Лолию, я наблюдал за ней. Она, как ни в чём не бывало, спокойно стояла в толпе беспечных пассажиров. Её взгляд, пронзительно ясный взгляд её синих глаз не задерживался ни на одном из них дольше пяти секунд. После этого она отводила глаза, а потом, я видел это, бывало возвращалась взглядом к кому-нибудь снова и снова. Лолия выглядела обычной, погруженной в свои думы женщиной, добирающейся до места работы в переполненном вагоне метро. Мужчины частенько бросали на неё свои заинтересованные взгляды, женщины доверчиво разглядывали её внешность и наряд. Они не знали, что этого ей было достаточно... Несколько секунд... Хватало ли ЕЙ их для того, чтобы записать всем этим людям свои мысли?

Я выглянул из-за своего приподнятого воротника. В облике окружающих меня пассажиров ничего не менялось. Внешне они оставались совершенно такими же, как и раньше. Те же угрюмые, скучающие, задумчивые лица, но внутри... Что происходило с ними, когда глаза Лолии устремлялись на них свой нарочно рассеянно-небрежный взгляд? Я был уверен, они менялись. Все эти люди, не догадываясь ни о чём, незаметно, незримо становились другими. Я знал, я был убеждён в том, что ОНА что-то делает с ними. У меня не было доказательств, мне не удавалось разглядеть даже мельчайших признаков изменений, но я верил в то, что под взглядом Лолии люди становились иными...

Неожиданно, я почувствовал не себе чей-то взгляд. Тяжёлый, пронизывающий... Нет, он исходил не оттуда, где, толкаясь среди прочих пассажиров, стояла Лолия. Его посылал кто-то, кто был совсем рядом, в одном шаге от меня. Я поднял глаза. Девушка, привлекательная, интересная, мило улыбаясь, смотрела на меня. Я испугался... Дёрнувшись, бросив всё, забыв обо всём, я кинулся к дверям вагона. Расталкивая удивлённых пассажиров, я спешил выйти. Я хотел выбежать наружу, хотел скрыться от НИХ... И тут Лолия. Она заметила меня. Её взгляд... ОНА посмотрела на меня. Пристально, долго ПОСМОТРЕЛА...

Я бежал. Бежал неизвестно куда, не разбирая дороги, не помня себя от страха. В каждом прохожем мне чудился считающий, в каждом случайно брошенном на меня взгляде – догадка о том, что я знаю о НИХ. Я пугался всех – женщин, мужчин, стариков... Мне было страшно, я боялся, что меня схватят, убьют, уничтожат. Не останавливаясь, я бежал. Я не отвечал ни на какие вопросы, не смотрел на тех, кто был рядом, не слушал то, что они мне говорили. Все они притворялись. За их лживым участливым вниманием стояло желание истребить меня. Я знал о НИХ, а они обо мне... Меня преследовали. За мной кто-то гнался. Неведомые, чудовищные люди... Это всё Лолия, это всё она, это из-за неё...

Я схожу с ума... Что она делает со мной? Я не могу так больше... Со мной что-то творится...

Я уверен, что я многое забываю... В моей голове кишат чужие мысли... Они не мои!!!... Я меняюсь... Я схватился за голову.

Я сидел в комнате один, Лолии не было дома, она была на работе. За окном был ясный день. Солнечные лучи, пробираясь внутрь комнаты, отбрасывали на пол замысловатые светлые пятна. Я заметил, что, забравшись с ногами на диван, обхватив колени руками, зачем-то медленно раскачиваюсь в стороны.

Что она делает со мной? Что она делает со мной?..

Я больше не ощущал себя тем, кем считали меня другие. Я не чувствовал себя преуспевающим менеджером, готовым любой ценой идти к поставленным целям, я не воспринимал себя, как талантливого руководителя и примерного семьянина. Я был кем-то другим... Все слова, которые я слышал в свой адрес от окружающих, предназначались не мне, а кому-то чужому, находящемуся в моём теле... Это был не я!!! ... Со мной всё было не так... Я был не в себе... Я не был самим собой!

Что она делает со мной?.. Что ОНА делает со мной?..

Я стал прятать от НЕЁ глаза... Для меня это был единственный способ избавиться от ЕЁ влияния... ЕЙ было тяжело с этим смириться, но только так я мог обезопасить себя от неё... Я хотел уйти, сбежать, скрыться от НЕЁ, но я не мог. Окружающий мир пугал всё больше и больше... Он был наполнен считывающими... Меня повсюду окружали краси-

вые женщины, притягивающие взгляды своими роскошными фигурами и приветливыми милыми улыбками. Но я знал, что в любой момент эти чудовища готовы проникнуть в моё сознание, безжалостно изменить, искалечить его, без моего ведома, независимо от моего желания.

Я больше не мог работать и, взяв отпуск, стал прятаться от всех дома... От всех..., но от НЕЁ я спрятаться не мог... Каждый вечер ОНА возвращалась домой с работы, каждое утро уходила обратно... Я тайком смотрел на её, некогда казавшееся мне прекрасным, лицо... Теперь оно было злым и враждебным. Она понимала, что я пытаюсь выйти из-под её власти! Я боролся с НЕЙ! Боролся, как мог... Я прятал от неё глаза... Я больше не смотрел на неё! Но я всё равно чувствовал, что со мной что-то происходит. Не знаю как, но ОНА влияла на меня! Да ещё как влияла! Я медленно сходил с ума...

Сколько ещё способов есть у НЕЁ, чтобы менять моё сознание?.. Ведь наверняка ОНА опять не всё мне рассказала... Сначала она утаивала от меня считывание, потом не хотела признаваться в записи... Что ещё?

В этом огромном мире я потерял себя... Я не знал, кто я и что ждёт меня дальше...

Иногда ОНА пыталась разговаривать со мной. Всего лишь иногда!.. А ведь раньше мы безобидно болтали и общались целыми часами... Раньше мне так хорошо было с ней. Ну почему она оказалось иной? Почему я не мог, как все нор-

мальные люди, жить с обыкновенной женщиной? С обыкновенной, которая бы была глуха к моим мыслям и потребностям, которая не отличалась бы таким чудовищным пониманием, с которой я проводил бы время не за интересными разговорами, а за бесконечными ссорами и разборками бытовых проблем, которая была бы не так незаменима... Почему? Потому что обыкновенную я и не хотел! Я мечтал найти умную, красивую, любящую, заботливую, надёжную... Я искал спокойствия и понимания... Вот на тебе! Нашёл! Что ж, чтобы жить рядом с ТАКОЙ женщиной, надо чем-то жертвовать. Ради женщины своей мечты, мне пришлось пожертвовать самим собой, своим сознанием, а значит всем, что у меня было СВОЕГО... От меня осталась только оболочка... Внутри всё было уже не моим...

Я устал... Я любил её... Я не мог оставить её, она была как наркотик, я не представлял без неё жизни. И в то же время я не представлял, как жить со всем этим... Как доверять человеку, который может за несколько секунд изменить твои мысли? Как выходить в город, где в безопасности я могу чувствовать себя только с НЕЙ, с человеком, которому не доверяю? Как верить ей после того, что она от меня скрыла? Как жить с тем, в чём она призналась? Как вернуть себе ту женщину, которую я любил? Впервые я не находил ответов на свои вопросы...

Я сходил с ума...

Я лежал на кровати. Мой отпуск подходил к концу. Надо было что-то делать, как-то брать себя в руки и возвращаться к привычной жизни, но я не мог... Лолия упорно повторяла, что не записывает мне свои мысли, однако мне казалось, что это не так. Я чувствовал себя совершенно другим человеком. Куда-то испарились все прежние мечты, потерялись желания, я забыл о своих целях и разучился радоваться. Хорошее настроение... Теперь у меня его не бывало. Я себя не узнавал... В последнее время я только и делал, что лежал на кровати и, уставившись в потолок, размышлял над своей жизнью... А в сущности, размышлять было не над чем, это был уже не я и жизнь не моя. Это была ЕЁ жизнь – двойная жизнь Лолии. Двойная не из-за того, что она скрывала от всех свою главную профессию, а потому, что она думала за нас двоих. Я был марионеткой в её руках. Меня снова охватила злость. Пусть же теперь попробует обойтись без меня. Я не буду больше покорным, я не буду больше поддаваться ей, я объявляю ей войну. Я не буду больше никогда смотреть в её глаза...

Я встал, чтобы принять успокоительное. В последнее время я уже не мог обходиться без него. Мысли обо всём происходящем слишком сильно волновали меня... Самое ужасное заключалось в том, что мне негде было искать помощи. Я не мог обратиться со своими проблемами к психологу или к любому другому врачу. То, что со мной происходило, любой незнающий о считывании человек, счёл бы просто сума-

существом. А о считывании никто не знал!.. Эти мысли методично стирались из голов тех, кому хоть что-нибудь становилось известно.

Я вспомнил, как пытался найти защиты у полиции. Это было глупо, и я понимал, что в тот момент, когда стоял перед зданием какого-то полицейского участка, я выглядел смешно. Сам не осознавая до конца, чего хочу, я просто однажды кинулся туда. Я мялся перед входом, всё не решаясь дёрнуть ручку входной двери. Хорошо, что, вовремя одумавшись, я повернул назад. Что бы я сказал полицейским? Защитите меня от моей жены, она записывает мне свои мысли!.. Думаю, уже через пять минут я оказался бы в психушке. Я бы мог заставить их проверить её, но Лолия наверняка бы все отвергла или просто записала бы в их головы мысли о том, что ничего подобного нет. У меня не было никаких доказательств. О считывающих никто ничего не знал... А может быть, ничего нет и не было? Может быть Лолия просто сумасшедшая? Может быть, она всё выдумывает... Она просто сошла с ума, и заставляет меня поверить в то, что всё придуманное ею правда... Нет, она точно что-то делала со мной...

Всё происходящее было уже за гранью моего понимания. Рядом существовал целый огромный мир, в котором царили считывающие и мысли любого человека были абсолютно прозрачны. В этом мире всё было не так, он существовал по своим особым правилам. Здесь самой престижной считалась работа не в кабинетах высокопоставленных лиц, а на ули-

цах; здесь ценными и преуспевающими работниками были не мужчины, а женщины; здесь не существовало никаких органов надзора и служб, следящих за сохранением секретности, и в то же время о считывающих никто не знал. Считывающие по своему усмотрению могли делать всё, что угодно, а обычные люди даже не догадывались о том строжайшем контроле, под которым находятся. Они воспринимали чужие мысли, как свои, и помимо своего желания выпускали собственные мысли в окружающее пространство. Сейчас я чувствовал, что нахожусь на границе между реальным миром и миром, которым правят считывающие. В одном мире всё было просто и знакомо, в другом – всё ужасающе-ново... Цепляясь за остатки привычного, я шёл вдоль тонкой грани, возникшей на пересечении двух разных жизней. Эта узкая тропинка могла привести меня только... К БЕЗУМИЮ...

Неожиданно, в дверь позвонили. Это меня удивило. В последнее время гостей у нас не бывало. Я решил, что это, вероятно, какая-то ошибка, или очередные попрошайки просто обходят новые квартиры. В любом случае вставать ради этого с кровати мне не хотелось. Успокоительные уже начали действовать, и я продолжал лежать, не обращая внимания на повторяющиеся звонки. Когда по их настойчивости я понял, что встать всё-таки придётся, с неохотой я пошёл открывать дверь. Двое незнакомых мужчин выросли передо мной из сумрака лестничной площадки. Я сразу же понял, что это пришли за мной... Несмотря на успокоительное, моё сердце

забилось с бешеной силой. Именно так я и представлял себе тайных агентов, которые следят за сохранением в секрете информации о считывании. Я слишком много знал... Мои мысли понеслись с невероятной быстротой. Наверняка они вычислили меня где-нибудь на улице, нет, вероятно, это на последней конференции мне попался кто-то из них, а Лолии в этот момент не было со мной рядом. Они поняли, что я многое знаю про них, но я успел спрятать глаза. Им не хватило в тот раз времени, чтобы стереть это у меня из головы. И вот теперь они решили воспользоваться силой, они хотят уничтожить меня физически. А может... Неожиданная догадка поразила меня. Это Лолия! Это она всё рассказала обо мне. Она не смогла смириться с тем, что лишилась возможности влиять на меня. Она понимала, что в нашей с ней негласной борьбе, я одерживаю верх. Я стал неуправляем! Оградившись от Лолии, я стал ей просто не нужен. Наверняка она решила покончить не только с нашими отношениями, но и со мной. Но почему именно таким способом?.. Я покачнулся и попятился от двери... В это время до меня стали долетать обрывки каких-то сказанных одним из мужчин фраз. Я плохо осознавал, что он мне говорит, и понял лишь, что мне нужно куда-то идти с ними. Выхода у меня не было. Их было двое, я был слаб и ещё... я очень сильно устал, устал от всего происходящего. В этот момент я ясно ощутил, что в действительности мне всё равно, что со мной будет дальше. Моя жизнь в последнее время перестала представлять

для меня интерес, чего же мне волноваться, что она закончится, она и так была невыносимой. Я не стал тянуть время и прямо так, не собираясь, вышел из дома. Я шёл за двумя мужчинами в сером, смотря на их спины и не зная, чего мне ожидать...

Мы сели в автомобиль, поджидающий нас у ворот дома. Наверно, из-за успокоительных я с трудом реагировал на происходящее, не замечая деталей и того, куда мы едем. Серые улицы замелькали за окнами... Ленты дорог запестрели передо мной одним бесконечным лабиринтом. Мои провожатые сохраняли полное спокойствие и только иногда бросали на меня странные задумчиво-сочувствующие взгляды. Мы остановились у такого же серого, как одежда моих провожатых, здания. Я не заметил на нём никаких опознавательных знаков и табличек, это окончательно убедило меня в том, что мною заинтересовались секретные службы. Войдя внутрь, я побрёл по коридору, замечая, что скоро под ногами у меня оказался кафель. «Видимо, так легче смывать кровь», – опешил я от первой промелькнувшей у меня в голове шальной мысли. Моё воображение тут же стало рисовать страшные картины пыток и убийств, которые могут происходить в этих стенах. Действие принятых успокоительных продолжалось недолго, и я стал замечать, что меня охватывает паника. Почему Лолия всегда пыталась меня убедить, что никаких секретных служб, следящих за сохранением секретности считывания, нет? Мне было бы легче перенести всё

происходящее сейчас со мной, если бы я был к этому готов... Тут же я постарался больше вообще ни о чём не думать. Как я устал из-за того, что в последнее время всё время сталкивался с неизвестностью...

– Как вы себя чувствуете? Вам плохо? – доносился из пустоты незнакомый мужской голос, возвращающий меня к действительности.

Мне было плохо. Казалось, что весь мир вокруг провалился, и меня окружила темнота. Все мои страхи, все домыслы относительно тайного секретного общества, следящего за нераспространением информации о считывании, были разрушены в один миг. Другое страшное известие выбивало сейчас почву у меня из-под ног.

Я был в морге. То серое здание, куда я зашёл несколько минут назад, оказалось не штабом считывающих с комнатой пыток, а моргом. Мои глаза отказывались верить тому, что я видел. Передо мной лежало тело... Лолии.

Двое мужчин, с которыми я пришёл, теперь крутились возле меня, стараясь вернуть в чувство. Им нужно было, чтобы я опознал тело.

– Когда это случилось? – холодея от ужаса и не осознавая ещё, что происходит вокруг, спросил я.

– Несколько часов назад. Предположительно – инсульт. Это произошло прямо на улице, когда врачи приехали, было уже поздно. Вы будете настаивать на вскрытии?

– Нет, нет, не надо... – испуганно затряс я головой. На меня накатился страх, что вскрытие раскроет её и мою тайну.

– Правильно, мы тоже не видим в этом необходимости, – одобрительно сказал один из мужчин, и мне показалось, он как-то странно посмотрел на меня. – Ещё раз приносим свои соболезнования.

Странно, я считал, что это является обязательной процедурой при подобных несчастных случаях. Зачем они спрашивают меня? Я понял, они знали обо всём... Знали о том, что Лолия была считывающей. Им не нужна была огласка. Этим людям я был нужен только для выполнения формальностей. Они во всем с успехом используют таких, как я.

Я отвернулся и пошёл обратно по коридору к выходу. Я устал...

Я вышел на улицу и зашагал, сам не зная куда. Опустив голову и видя перед собой только асфальт тротуара, я мог не волноваться, о том, что в мои мысли сейчас кто-нибудь вторгнется. Мой взгляд был устремлён в холодный камень. Я думал...

Вот так всё просто решилось. Лолии больше нет... Нет того монстра, который зомбирова́л мои мысли на протяжении нескольких лет. Нет той верной, преданной, любящей женщины, которая изменила мою жизнь... В один миг я лишился самого близкого человека... Ушла ли она из жизни сама, видя во что превратила жизнь любящего её мужчины, или её сгубил тот маленький прибор, который был замурован у неё

в голове – это навсегда теперь останется загадкой. Лолии не стало, а я остался...

Глава 7. Финал

Мерзкий звук ненавистного будильника настойчиво и методично пытался прервать мой сон. Дребезжащими волнами он проникал прямо в мозг, выволакивая моё дремлющее сознание из состояния небытия в ненавистную реальность. Я не хотел просыпаться. Проснуться, это означало смириться с тем, что нужно подниматься и волочить своё тело на работу. А мне этого не хотелось. Не хотелось настолько, что, находясь сейчас между сном и явью, я пытался обмануть самого себя, мысленно представляя, как уже встал; затем, силясь умыться в ванной, размазал холодную воду по лицу; прошёл в кухню и, гремя тарелками, пытаюсь приготовить и запихнуть в себя нелепое подобие завтрака. Но я продолжал лежать... Я уже не спал, но и не бодрствовал, и только неугомонный будильник продолжал разрываться где-то рядом, не давая погрузиться в забытьё.

Теперь только во снах меня окутывало блаженное спокойствие. Только когда я закрывал глаза и отпускал на свободу свои мысли, ко мне возвращалась беззаботная прошлая жизнь. Мне снился тот давний зимний вечер, когда на заснеженном пороге маленького кафе возник стройный силуэт прекрасной незнакомки. Её прекрасная добрая улыбка, счастливый смех и взгляд неповторимых синих глаз. Во снах мне казалось, что всё это было только вчера... Наши свиде-

ния... Мои, поначалу неловкие, ухаживания... Первые цветы и маленькие сюрпризы... Многочисленные совместные прогулки и долгие разговоры... Наша первая весна, проведённая вместе... И бесконечное ощущение счастья, от того, что я нашёл свою единственную любовь... Потом, сны обрывались, и их сменяла зловещая тьма...

Я не смог прийти в себя после смерти Лолии. Пережив сильнейшую депрессию и длительный курс психиатрического лечения, теперь я хотя бы стал снова ходить на работу. Мои врачи считали это успехом и показателем некоторой стабилизации, но я понимал, что в сущности ничего не изменилось. Доктора говорили, что мне нужно чем-то занять себя и это поможет мне вернуться к нормальной жизни, а я ненавидел свою работу и мечтал только о том, чтобы каждый новый день поскорее закончился. Мои успехи, карьера, престиж остались в прошлом. Теперь же у меня не было ничего. После смерти Лолии я уже не смог вернуться к прежней жизни. Ни одному психологу я так и не смог признаться, что моя депрессия связана не столько с потерей жены, сколько с навалившимся на меня страхом... Страхом перед считывающими... Они были повсюду! Единственным местом, где я смог работать, оказалась небольшая мониторинговая служба безопасности одного из торговых центров. Здесь я чувствовал себя спокойно, потому что, закрыв дверь, мог не волноваться о встрече с другими людьми. Благодаря мощной системе видеонаблюдения, я сам мог следить за любым человеком в

этом здании, меня же не видел никто. Это меня хоть как-то успокаивало, но возможность застать на себе взгляд постороннего человека, продолжала безумно пугать. Я не мог ходить по улицам, не мог гулять, не мог посещать магазины. Я знал, что повсюду меня окружают считывающие, и только благодаря моим невероятным усилиям, они не догадывались обо мне. Раньше моя жена защищала меня от их всепроникающих взглядов, теперь же мне приходилось справляться с ними самому. Для меня навсегда остался без ответа вопрос, записывала ли она сама мне свои мысли или нет. Но когда жена была жива, я хотя бы знал, что на меня влияет только один человек – ОНА. Теперь же я не знал, откуда ждать опасности. Любая из тех милых, привлекательных девушек, которые встречались мне на улицах и на которых я тайком бросал свой взгляд, могла оказаться той, кто за несколько секунд может узнать все мои мысли, стереть их и записать мне свои. «Не верьте, им!» – кричал я про себя тем наивным мужчинам, которые со счастливыми лицами проходили мимо меня, ведя под руки своих прелестных спутниц. «Готовы ли вы платить ту непомерную цену за понимание, которое собираетесь найти у любимой женщины?» – хотелось спрашивать мне у каждого из них. Но я вынужден был молчать...

Иногда мне казалось, что лучше бы мне было оставаться в неведении относительно считывания, может быть тогда, моя жизнь была бы не настолько печальной. Я понял, что морально был не готов встретиться с чем-то новым и непознанным.

Считывание было запредельной технологией, позволяющей превратить любого человека в обыкновенный носитель информации, оставив внешне всё нетронутым, внутренне же полностью изменив каждого из нас. Несколько лет со мной рядом был человек, способный проделывать это миллионы раз. От меня ничего не требовалось, только лишь довериться любимой женщине, но я не смог... Человечество всегда оказывается беззащитными перед своими же самыми передовыми научно-техническими достижениями. Я много думал об этом в последнее время. Почему люди, узнав об энергии расщепления атома, использовали её, прежде всего, для уничтожения себе подобных? Почему сначала появились ядерные бомбы, уносящие жизни миллионов людей, а уж потом ядерная энергия стала приносить свет в наши дома? Та «бомба», о которой знал я, была не менее опасна. Она калечила не наши тела, а наши души, разрушая их изнутри. Где гарантия того, что считывание используется только во благо, а не во вред человечеству? Как и любую новую технологию считывание-стирание-запись стали применять, не задумываясь о возможных негативных последствиях. Считывающие с невероятной скоростью расплозились по всему миру и этот процесс, как цепную реакцию, уже нельзя было остановить. Его невозможно было контролировать. Маленький прибор размером всего восемнадцать миллиметров за несколько секунд мог полностью изменить сознание любого человека. А что если всем считывающим будет дано одно задание, менять

мысли людей, подчиняя каждого из нас воле всего лишь одного человека? Армии фанатиков, слепо идущие к единым мифическим целям; расовые и религиозные войны; терроризм и подавление личности мнением большинства – все эти массовые бесчинства с лёгкостью можно было бы назвать последствиями считывания-записи. Когда?.. Когда на самом деле было открыто считывание?.. Может быть, Лолия обманула меня, и на самом деле считывание использовалось намного раньше, того времени, о котором она мне поведала. Тогда это объясняло многие чудовищные примеры из истории, которые сейчас нельзя назвать иначе, как масштабным, всеобщим сумасшествием. Вот откуда брались вожди, ведущие целые народы к краху, а нации к истреблению... А обыкновенные мелкие сумасшедшие, доживающие свой век в психушках? Теперь мне казалось, что все эти несчастные были подвержены в своё время записи. Я всё больше верил в то, что издавна причиной психических расстройств было не что иное, как постороннее неосторожное вторжение в чужие мысли. Считывание существовало, существовало давно... Считывающие были среди нас! А ведь никто об этом не догадывался, всё вокруг внешне было привычно и обыденно. Люди продолжали жить, ходить на работу, жениться, рожать детей. Они не подозревали о том, что происходит вокруг. Только я знал правду, и мне ничего не оставалось... как молчать и прятать от всех глаза.

Вот и сейчас я стоял у входной двери, готовый выйти

в этот ставший враждебным мне мир. Я опустил вниз глаза, сделал шаг и тут же надел черные очки. Теперь только они спасали меня от окружающих взглядов. Тайна, раскрытая когда-то мне женой, теперь помогала спастись. Никогда, выйдя из дома, я не снимал тёмных очков. Они не позволяли цепким глазам считающих проникать в мои мысли и калечить мой мозг. Многие принимали меня за слепого, многие считали меня сумасшедшим, но мне было уже всё равно. Я был особенным. В отличие от остальных, я мог хоть как-то защитить своё сознание. «Надень очки!» – хотелось мне говорить каждому, кто открытым доверчивым взглядом смотрел на этот мир. Все эти люди, с наивным видом ходившие по улицам, не догадывались о том, кто их окружает. Они не знали, что в этом, таком привычном для них мире, их мысли тщательно сканируются, обрабатываются, стираются и заменяются новыми. И нет никого, кто мог бы помочь. Я знал, как можно защититься от считывания. Но что я мог сделать? Кричать на каждом углу – «носите черные очки»? Это было просто смешно. Рассказывать всем о считывании? Я понимал, что меня просто сочтут сумасшедшим. «Господи, пошли нам побольше солнечных дней. Пусть светит солнце. Пусть светит...» – повторял я про себя. Только яркие солнечные лучи способны были заставить людей задуматься над защитой собственных глаз. Всё чаще мне в голову приходили мысли о том, чтобы сделать очки с тёмными стёклами модным аксессуаром и запустить их в массовое производ-

ство. Мне представлялись огромные рекламные щиты, с которых обворожительные мачо, респектабельные бизнесмены и широкоплечие крутые парни смотрели бы на окружающих сквозь черные очки. Миллионы мужчин захотели бы выглядеть так же, и это заставило бы их спрятать глаза за блеском непроницаемых линз. Мы, смогли бы уберечь себя от манящих, приветливых, кокетливых, завлекающих женских взглядов. Женщины были чудовищами! Подобно кроликам мы попадали под гипноз их неотразимых глаз, а они, словно удавы, цепко глядя нам в глаза, больше уже не отпускали своих жертв. Они подчиняли нас себе, но с этим можно было покончить! Я даже знал средство... Я мог бы спасти человечество... После смерти Лолии мне досталась весьма внушительная сумма на её счету. Моя жена тщательно откладывала все заработанные считыванием деньги, её капитал позволил бы мне организовать своё дело. Я уже не в первый раз задумывался о собственном предприятии. Я мог что-то сделать для людей, для всего мира, для человечества... Но как набраться смелости, чтобы начать такое дело в одиночку без поддержки... считывающего? Теперь я боялся всего, потому что со мной рядом больше не было моей Лолии. Она была единственным человеком, который понимал меня, а я в ней сомневался...

Я вышел из дома, мои глаза были надёжно скрыты черными стёклами очков. Тёмный, угрюмый город давил на меня своей каменной массой, а шумные улицы оглушали рёвом,

не давая забытья. Я начал свой путь. Мимо меня проходили люди, одни из которых были считающимися, а другие считаваемыми. Они были рядом! Они и мы! Мир для меня разделился надвое. НАС становилось всё меньше, а ИХ всё больше, и рядом со мной теперь не было никого, кто смог бы помочь отличить одних от других. Я чувствовал себя невероятно одиноким и потерянным в этом чужом, непонятном мне мире. Я был один...

«Моя Лолия, где же ты?» – поднял я глаза к небу, но увидел только бездонное серое пространство над собой.

2009